

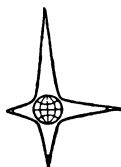
БЕЛАЯ ПУШИНКА

БЕЛАЯ пушинка

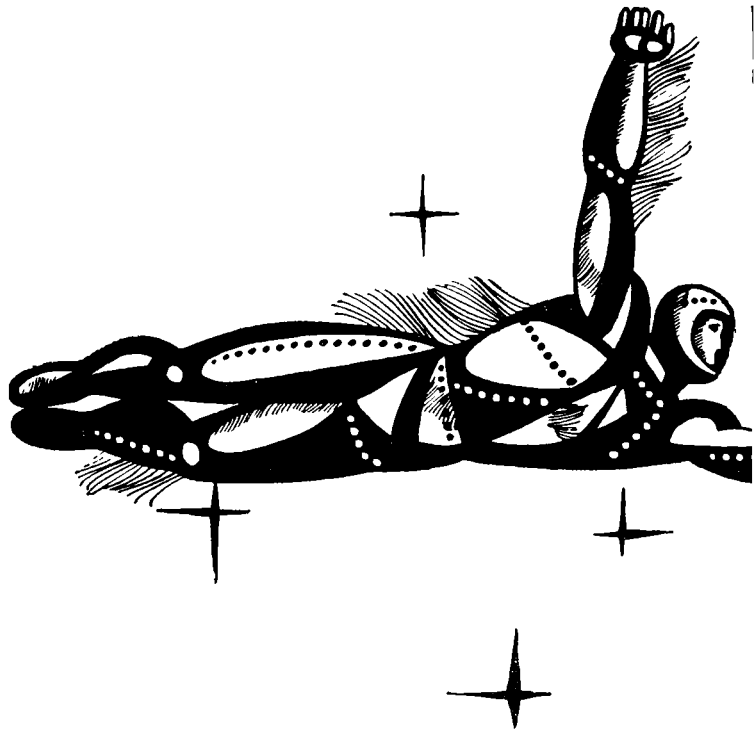

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

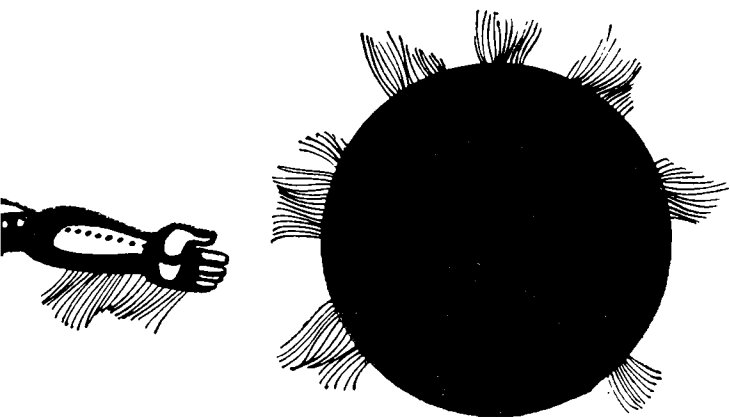

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« М И Р »

Сборник научно-фантастических рассказов

Перевод с румынского

БЕЛАЯ пушинка

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» ● Москва 1966

Редактор П. Г у р о в
Предисловие В. П о т а п о в а

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советский читатель почти не знаком с румынской фантастикой. В последние годы на русский язык переведены лишь отдельные рассказы Миху Драгомира, Раду Нора, Иона Хобана, Владимира Колина и некоторых других писателей.

Современная научно-фантастическая литература Румынии находится на подъеме. Как и во многих других странах, ее расцвет в первую очередь определяется ненасытным читательским интересом к перспективам развития науки и техники. В кратком предисловии трудно охватить многочисленные проблемы, которые пытается разрешить этот популярный в Румынии жанр литературы. В стране на протяжении многих лет издается литературный альманах «Научно-фантастические рассказы» — приложение к журналу «Наука и техника», печатаются романы, повести и сборники рассказов румынских фантастов.

Для румынской фантастики, как и для советской, характерно полное отсутствие мисти-

ки, демонов, оборотней, космических гангстеров и страшных убийств, то есть всего того, что весьма основательно засорило западную фантастику. Внимание фантастов Румынии привлекают перспективы биологии и кибернетики, происхождение жизни во Вселенной и установление контакта с разумными обитателями других миров и, конечно, в первую очередь исследования космоса и загадки мироздания. Подобно писателям других социалистических стран, румынские фантасты при изображении общества будущего исходят из современности, которая служит им неисчерпаемым источником героических образов и нравственных коллизий. Именно в таком «ключе» написаны романы, повести и рассказы известных писателей Серджиу Фэркэшана («Любовь в 41042 году», «Атака цезюмистов»), Виктора Кернбаха, Камила Бачу, Миху Драгомира, Адриана Рогаза, Иона Мынзату и многих других.

Румынские писатели нередко прибегают и к такому весьма распространенному в фантастике приему, как рассказ о событиях, происходивших в отдаленные исторические эпохи и ставших достоянием легенд, но преподнесенных читателю с позиций современной науки. Так, роман Виктора Кернбаха «Величественная ладья» возвращает нас к древнему мифу о Содоме и Гоморре, но автор связывает гибель этих двух библейских городов с ядерным взрывом, который якобы произошел несколько тысячелетий назад, во время посещения Земли представителями другой планеты. Эта тема, неоднократно использованная и другими писа-

телями, привлекла Кернбаха возможностью сопоставить различные ступени эволюции цивилизации и показать, какой огромный скачок совершило человечество в своем развитии.

В сборник «Белая Пушкинка», который предлагает читателям издательство «Мир», включено восемь рассказов известных румынских писателей-фантастов — Миху Драгомира, Камила Бачу, Раду Нора и Иона Хобана. Пять из них («Синяя планета», «Белая Пушкинка», «Человек-комета», «Трое с Сириуса» и «Лучший из миров») являются эпизодами из «биографий» космонавтов будущего, в которых на первый план выдвинуты элементы фантастики, два рассказа — «Испытатель пилюль» и «Цирконовый диск» — своеобразная «фантастическая» сатира на американский образ жизни, а «Еничек» — рассказ-шутка о роботах.

Творчество дважды лауреата Государственной премии, недавно скончавшегося поэта Миху Драгомира представлено в сборнике тремя рассказами. И это не случайно. Рассказы Миху Драгомира, глубоко лиричные и проникнутые оптимизмом, пользуются большой популярностью у румынских читателей. Опытный писатель-психолог, Драгомир был превосходным мастером сюжета, умел заинтересовать читателя и держать его в напряжении. Но занимательный сюжет не был у него самоцелью. Все его рассказы в первую очередь повествуют о человеке будущего, и именно в этом состоит их основная ценность. Писатель рисует картину высокоразвитого человеческого общества.

В сборник включен также рассказ Раду Нора «Трое с Сириуса». Автор ряда романов,

повестей и рассказов, Раду Нор принадлежит к числу самых популярных фантастов Румынии. Некоторые его произведения уже переводились на русский язык и известны советскому читателю.

Советский читатель сможет также познакомиться с образцами творчества известных румынских фантастов Камила Бачу и Иона Хобана. Бачу представлен в сборнике двумя сатирическими рассказами «Цирконовый диск» и «Испытатель пилюль», в которых едко высмеивается американский образ жизни, и небольшой юмореской «Еничек». Перу Иона Хобана принадлежит рассказ «Лучший из миров».

Для румынских фантастов вообще и для тех из них, чьи рассказы вошли в сборник «Белая Пушинка», очень показательна гуманистическая тема. Каким будет человек будущего, каковы его идеалы, как сложатся взаимоотношения людей — эти вопросы глубоко волнуют писателей-фантастов Румынии, их они пытаются разрешить в своих произведениях. Из благородных побуждений космонавты — герои рассказа Миху Драгомира «Синяя планета» — решают остаться на незнакомой им планете и приобщить ее обитателей, живущих еще в каменном веке, к цивилизации, помочь им быстрее и безболезненнее пройти сложный путь развития человеческого общества. А в рассказе «Человек-комета» тот же Драгомир ставит вопрос об идеале человека будущего. Не узкая профессионализация, а разносторонность, следовательно, масштабность взглядов, духовных горизонтов — вот что станет необходимым условием, определяющим весь облик человека

грядущего. Человек обязан постоянно совершенствоваться, неуклонно расти интеллектуально, если в период бурного роста науки и техники он действительно захочет сохранить свое главенствующее положение и впредь, не спастись перед «разумными машинами» — творениями его же гения.

О самоотверженности ученых и космонавтов, которые во имя изучения природы и ради блага людей готовы преодолеть любые трудности, повествуют рассказы «Белая Пушинка», «Лучший из миров», «Трое с Сириуса».

Хотелось бы отметить в заключение, что предлагаемый сборник не претендует на полноту освещения румынской фантастики, не исчерпывает многообразия ее тематики. Однако включенные в него рассказы дают возможность советскому читателю составить мнение о круге вопросов, которые затрагивают румынские писатели-фантасты в своих произведениях.

В. Потапов

Миху Драгомир

СИНЯЯ ПЛАНЕТА

На рассвете все сотрудники научной станции в последний раз собрались под огромным аметистовым куполом, который заменял им небо в течение тех двадцати лет, пока они работали на одном из двух искусственных спутников четвертой планеты. Снаружи, за прозрачными стенами, в зловещем свете багрового солнца поблескивал космолет, на котором им предстояло пуститься в далекий путь через космос к Новой, где их уже поджидало все остальное человечество. День, назначенный для прощания с агонизирующей планетой, был помечен серебристой чертой на большом табло отсчета времени, висевшем в центре купола.

В последние сутки, пока стрелка все ближе подползала к черте, отмечающей конец пребы-

вания сотрудников станции на искусственном спутнике, они следили за ней, едва сдерживая нетерпение. Скоро они присоединятся к своим братьям на Новой, смогут жить без этого купола, который оберегал их, но в то же время постоянно напоминал, что за его стенами царит космическая пустота и смерть. Прилетев на Новую, они смогут наконец свободно гулять под открытым небом, дыша всей грудью, они вновь будут такими же людьми, как другие, а не только космонавтами. . .

Двадцать лет назад, когда произошло великое переселение обитателей четвертой планеты, тем, кто оставался на научной станции, казалось, что им предстоит провести там целую вечность. Между ними и всеми улетевшими людьми зияла страшная космическая бездна, и все их мысли были прикованы к далеким друзьям. Но сегодня, в час отлета, этот мир, который они должны были покинуть навсегда, стал им словно ближе и роднее. Никогда больше не будут они бродить по необъятным просторам родной планеты, не будут нетерпеливо следить за медленным приближением стрелки к серебристой черте, указывающей день и час старта. Прощай, умирающая планета. . .

Ас, руководитель группы, поднял руку.

— Друзья, через несколько минут мы покинем это детище старой планеты и направимся к нашей великой семье. Мы выполнили все, что нам было поручено. Теперь мы готовы к отлету. Эд, следи за указателем!

Эд поднялся на площадку в центре зала, где были установлены вычислительные машины. Как и все остальные, он был одет в сияю-

щий голубой костюм из лучевой ткани. Воцарилась тишина, которую нарушало только равномерное тикание — это торопились последние секунды. Все взоры были прикованы к серебристой черте. Казалось, стрелка пульсирует, как живая, спеша к своей цели.

Когда она слилась с серебристой чертой, Эд нажал на кнопку вычислительной машины. Равномерное тикание умолкло. Вместо него раздался мелодичный свист, медленно нарастающий до самых высоких звеняще-победных нот. Это был сигнал окончательного прекращения всех работ станции. Стрелка на большом табло замерла. Хотя ни одному человеческому взгляду, возможно, не было суждено ее увидеть, она должна была навеки отметить тот миг, когда всякая деятельность людей закончилась здесь навсегда. И одновременно в космолете ожила и начала свой путь другая стрелка; которой предстояло размечать всю жизнь экспедиции вплоть до посадки космического корабля на далекой Новой.

Отлетающих было около двадцати человек. Космолет, построенный еще в те времена, когда на мертвой ныне планете кипела жизнь, мог вместить втрое большее количество людей, так что космонавтам было на нем непривычно просторно. Они давно уже привыкли к тесноте. Не все ли равно, где жить — под закрытым куполом или в салонах и отсеках космолета? Впрочем, нет — в космическом корабле они чувствовали себя гораздо уютнее. Ведь он помчит их к великой человеческой семье...

Каждый из космонавтов знал корабль как свои пять пальцев. В течение двадцати лет они

старательно за ним ухаживали и так часто летали на нем вокруг старой планеты, что он стал для них родным домом.

Как только все заняли свои места, Ас, стоявший у пульта управления, заговорил, с трудом сдерживая радость:

— Итак, в путь, друзья! Сперва по старому обычаю облетим нашу родину, а потом направимся к новому дому.

Космолет оторвался от искусственного спутника и полетел к мертвой планете. В иллюминаторах все яснее вырисовывались пустынные просторы. Совершая последний круг, космолет мчался почти над самой поверхностью планеты. Внизу проплывал ландшафт, с детства знакомый космонавтам. Они видели его на картах в школе, не раз перерисовывали в свои тетради, смотрели на него с микропланов, на которых многие семьи совершали в свободные дни воздушные экскурсии.

Невысокие бурые горы, обтесанные и сглаженные ежедневной резкой сменой зноя и мороза, пустые глазницы исчезнувших водоемов, широкие русла высохших рек, такие родные, геометрически правильные линии покинутых городов, стены из белого металла, сеть главных каналов, заросших карликовым, почти черным кустарником, который завладел теперь всей планетой. . .

Молча и печально смотрели космонавты на этот некогда цветущий мир, который им не суждено было больше увидеть. В библиотеках космолета хранились последние свидетельства о гибели четвертой планеты. Каждая пядь ее поверхности была заснята на киноплёнку, нед-

ра тщательно изучены, все, что произошло здесь за последние десятилетия агонии, было зафиксировано в трагическом, но бесконечно важном собрании документов. Просторы планеты превратились теперь в гигантский музей, никем не охраняемый и не посещаемый, кроме редких метеоритов, столь же безжизненных, как и он сам.

Когда лет тридцать назад было принято решение о всеобщем переселении на Новую, все обитатели планеты начали трудиться с удвоенной энергией. Признаки, предвещавшие катастрофу, появились уже давно. Моря постепенно высыхали, а вместе с ними исчезали и реки. Заводы не успевали вырабатывать необходимую для жизни воду. Густая сеть каналов, созданная трудом многих поколений, больше не могла удовлетворять потребности населения. Все невыносимее становился холод, хотя планета была прикрыта тепловым экраном, потреблявшим неимоверное количество энергии. Где-то в самых верхних слоях атмосферы происходили изменения, которые люди не могли бы предотвратить, даже если бы им и удалось их объяснить. Она становилась все более разреженной, и сквозь нее начинали проникать смертоносные космические лучи. Небо постепенно темнело, как бы предвещая несчастье. И тогда было принято решение о переселении. Планета, на которой жизнь развивалась в течение миллионов лет, население которой так гордилось своими достижениями, была обречена стать такой же пустынной и мертвой, как

замерзшие планеты, затерянные на самых далеких орбитах.

К переселению готовились несколько лет. Тогда же на двух искусственных спутниках, запущенных на орбиту еще в эпоху первых космических полетов, были оборудованы лаборатории и жилые помещения для научно-исследовательских групп, которые получили задание тщательно изучить новые природные явления на умирающей планете. Первая группа ученых улетела, проработав на спутниках десять лет. А сейчас, еще десять лет спустя, отсюда улетали последние представители человеческого рода. Они улетали, радуясь мысли о встрече с желанным новым миром, и в то же время сердца их сжимала тоска разлуки с колыбелью их цивилизации.

Космический корабль завершил круг, но тут же начал новый.

— Ас, отключай автомат! — крикнул Эд. — Я не могу выйти на нужный курс!

— Еще один круг, — ответил Ас. — Я забыл отдать старушке салют улетающих...

Он включил все сирены, и их рев потряс разреженный воздух. Они выводили три ноты старинной «Песни ухода», написанной в те далекие времена, когда люди только-только начинали познавать свой мир.

— Прощальная песня, — вздохнул Эд.

Космический корабль, повторяя во всю мощь своих сирен три душераздирающие ноты, ринулся в небесную бездну. Позади сверкнул и сразу же исчез во мраке огромный аметистовый купол на искусственном спутнике. Последний отряд людей покинул планету.

Все обитатели космолета были молоды и полны сил. Правда, они провели на искусственном спутнике в тяжелом труде двадцать лет. Но продолжительность человеческой жизни равнялась в среднем двум-трем столетиям, а для работы на спутниках в свое время были отобраны люди не старше тридцати лет.

Им предстояло пробыть в пути около пятнадцати лет. Вел корабль электронный мозг, но за ходом полета следили, поочередно сменяясь, пары космонавтов. Остальные либо спали, либо изучали данные, собранные на покинутой планете и во время полета. Если не произойдет ничего непредвиденного, весь полет должен свестись к продолжительному и заслуженному отдыху.

— Мы летим, Ас...

— Наконец-то, Эд...

У пульта управления остались только они. Все остальные спокойно спали в своих креслах. Шлемы с подключенными усыпителями закрывали их лица.

— Как ты думаешь, мы еще вернемся сюда когда-нибудь?

— Вряд ли, Эд. Если бы там, на Новой, открыли способ летать быстрее, чем до сих пор, они бы уже выслали сюда звездолет нового типа, а ведь за все это время они смогли передать нам только два сообщения... С нынешними космолетами развлекательная прогулка сюда с Новой — слишком большая роскошь.

Космический корабль постепенно, почти неощутимо ускорял ход. В начале пути им пришлось обогнуть густой рой метеорных частиц,

этих грозных врагов космонавтов. После этого отклонения, несколько приблизившего корабль к центральной звезде, он должен был выйти из планетной системы курсом на Новую. Весь путь был заранее рассчитан и вычерчен на звездной карте, висевшей на стене главного салона.

Эд склонился над пультом управления, стараясь ни о чем другом не думать. На душе у него было смутно. Печаль разлуки с родной планетой заглушала радость предвкушения встречи с близкими. . . Разве они не связаны с ней несравнимо теснее, чем с Новой, которую никогда не видели?

Оттуда сообщали, что жизнь там бьет ключом. Природные условия весьма близки к тем, которые существовали некогда на их старой планете. Есть вода, много воды. . . В сообщениях подчеркивалось, что людям не пришлось строить ни одного предприятия для ее выработки. А ведь это означает огромную экономию энергии, которую можно будет использовать для других целей. Несомненно, на Новой жизнь развивается бурно и люди счастливы, потому что сумели предотвратить катастрофу, своевременно переселившись с обреченной планеты. Если бы это страшное бедствие пришло на несколько тысячелетий ранее, все человечество было бы обречено на гибель. Однако теперь их мир, в котором все блага стали общим достоянием и всякая мощь удесятерилась благодаря идеальной организации и совершенной технике, этот мир сумел одолеть угрожающую ему космическую смерть. Но, быть может, та же непонятная печаль, которая тяготит Эда,

мучает и всех тех, кто уже находится на Новой, может быть, они тоже тоскуют по родине?

Резкий щелчок в шлеме вернул Эда к действительности. На пульте зажглись сигналы тревоги. Эд испуганно вздрогнул и перевел взгляд на приборы. Стрелки указателей вибрировали, сигнализируя о том, что где-то далеко в пространстве обнаружен источник какого-то еще почти неощутимого притяжения. Что бы это могло быть? Астероид? Эд взглянул на звездную карту и невольно вскочил. Детекторы улавливали едва заметное влияние планеты. Таинственной и грозной синей планеты...

Эд попытался вернуть космолет на прежний курс, но сигналы тревоги не прекращались. Притяжение усиливалось. Ас, не поворачивая головы от таблицы, окликнул друга:

— Что случилось, Эд? Астероиды?

— Нет, кое-что посерьезнее. Нас притягивает синяя планета.

— Невозможно. Она слишком далеко.

— И все-таки это синяя планета, Ас.

— Тебе удалось вернуться на курс?

Эд не сводил глаз с приборов.

— Нет, нас затягивает на орбиту вокруг нее. Дать дополнительный импульс?

— Да, и побыстрее!

Двигатели глухо взвыли, и космолет задрожал, пытаясь снова выйти на заданный курс.

— Ну как, исправил?

— Недостаточно!

— Дай еще один дополнительный импульс!

— Но мы не можем повторять импульсы так часто, Ас. Ты же знаешь, что они пожирают огромное количество энергии!

— У нас нет выбора! Мы должны любой ценой преодолеть притяжение синей планеты.

Эд дал импульс, потом еще один, но стрелки указателей продолжали метаться все лихорадочнее. Сила притяжения нарастала медленно, но неумолимо.

— Придется дать максимальный импульс.

Эд запротестовал:

— Но это означает...

— Я прекрасно знаю, что это означает. Мы растратим сразу невероятное количество топлива. Но иначе нам никак не одолеть силу, которая уже начала нас порабощать! Пусти-ка.

Ас легонько оттолкнул товарища и занял его место у пульта управления. Работал он с таким мастерством, что Эд на мгновение забыл об угрожающей им опасности. Восхищаясь безошибочной уверенностью, с которой Ас в считанные доли секунды выполнял сложнейшие маневры, он вновь невольно порадовался тому, что экипаж возглавляет один из самых блестящих пилотов их поколения.

Космолет содрогнулся, словно от острой боли. Все главные и вспомогательные двигатели работали на полную мощность, стараясь вырвать корабль из цепкого притяжения синей планеты. Черная пелена на миг захлестнула сознание космонавтов. Придя в себя, Ас и Эд кинулись к приборам и сразу же увидели, что синяя планета вырисовывается на экране отчетливее, чем раньше.

— Нет, нам не вырваться!..

— Как же быть?

— Разбуди всех и объяви об экстренном совещании.

Ас повел космолет по плавной кривой.

Через несколько секунд они летели вокруг синей планеты по замкнутой орбите, как самый обыкновенный спутник, правда, на огромном расстоянии от нее. В главном салоне космонавты начали совещание.

Уже давно, сотни лет назад, когда люди, населявшие четвертую планету, только начинали робко выходить в окружавшее их космическое пространство, они, естественно, устремили свои взоры на синюю планету, надеясь проникнуть в ее тайны. Она находилась ближе всех остальных и, очевидно, обладала подходящими для жизни природными условиями. На других планетах их системы жизнь была явно невозможна — ближайшие к Солнцу пылали жаром, а на более отдаленных уже давно установилась температура градусов в двести ниже нуля.

Еще до первых космических полетов синюю планету изучали с помощью все более сложных и мощных приборов. Особенно привлекало ученых обилие воды — ее было там больше, чем суши. У себя же на родине люди в течение тысячелетий вели непрекращающуюся борьбу за воду и почти половину всей добываемой энергии тратили на выработку этой бесценной жидкости, без которой жизнь была бы невозможна. Первая экспедиция, отправившаяся на синюю планету — это было давно, очень давно, — исчезла бесследно. Никто даже не узнал, достигла ли она пункта своего назначения или же погибла где-то в пути. Правда, в те време-

на космические корабли были столь несовершенны, что любое путешествие в межпланетное пространство считалось героическим подвигом.

Впоследствии, когда полеты стали значительно безопаснее, на синюю планету были отправлены еще два космических корабля. Но и они не возвратились на базу, а только сумели передать одно-единственное сообщение. Пленка с записью этого сообщения хранится в музее, там, на Новой. Разобрать удалось лишь несколько отрывочных слов. Ученые, основываясь на предыдущих наблюдениях и исследованиях, истолковали их как сообщение о могучих сейсмических толчках, сотрясающих всю поверхность синей планеты. Это предположение частично подтвердилось через некоторое время, когда одному космическому кораблю удалось наконец приблизиться к таинственной планете, облететь ее и вернуться обратно. Космонавтам было строго запрещено садиться на нее. По их наблюдениям, вся поверхность синей планеты напоминала бурлящее море — казалось, там нет ничего устойчивого, все двигалось и переливалось.

Затем всякие полеты к этой злополучной планете были временно запрещены. Впоследствии, однако, исследования возобновились, так как вода притягивала к себе людей с непреодолимой силой. К синей планете были снова посланы два самых усовершенствованных корабля. Их доверили лучшим космонавтам тех лет с заданием совершить посадку, но они так и не сумели этого сделать. Обнаружив в атмосфере планеты высокую радиоактивность, они ограничились только теми наблюдениями, ко-

торые удалось провести в полете. Полученные данные опять ничего не объяснили.

С течением времени среди ученых возникли самые противоречивые мнения о таинственной планете. Кое-кто считал, что она населена неизвестными видами животных, которые из-за высокого уровня радиоактивности развились до колоссальных размеров. Другие наделили этих гигантских животных разумом, хотя ничто не доказывало даже самого факта их существования, и сочинили целые библиотеки устрашающей фантастической литературы о возможном нашествии с синей планеты чудовищ, неведомые биологические законы которых прямо противоположны законам, определяющим жизнь людей. Третьи, основываясь на отсутствии каких бы то ни было признаков деятельности разумных существ, утверждали, будто на синей планете постоянно грохочут ядерные взрывы, делающие невозможной посадку космолетов — по крайней мере в ближайшее время, если не навсегда. Высказывали также мнение, что совокупность физико-химических условий на синей планете полностью исключает развитие там каких-либо высших форм жизни.

Гибель космолетов и высказывания ученых, которые, несмотря на все споры и разногласия, единодушно признавали существование на синей планете смертельной опасности, привели к тому, что на всех звездных картах эту планету поместили знаком «минус», и последующие поколения привыкли считать ее местом, непригодным для жизни.

Когда было принято решение о великом

переселении, вновь возникла идея разведать синюю планету, чтобы выяснить возможности ее заселения, тем более что человечество располагало теперь значительно более совершенными космолетами и средствами научной разведки, чем в прошлом. Однако противники подобной попытки выдвигали очень веский довод: поскольку те пагубные превращения, которые ускоряли агонию их планеты, вызваны, по-видимому, причинами, затрагивающими всю систему в целом, следовательно, когда-нибудь в будущем — пусть даже весьма отдаленном — беспощадная «космическая болезнь» поразит и синюю планету. Переселение же всего живого должно исключить малейший риск не только во время самого полета, но и на будущее — жизнь грядущих поколений должна быть в полной безопасности. Вот почему синяя планета даже не разведывалась, и люди выбрали себе новую родину в системе далекой, но вполне безопасной звезды в центре Галактики.

А сейчас космолет — последний космолет обитателей четвертой планеты — превратился в спутника синей планеты, которая на всех звездных картах была помечена знаком «минус»...

Слушая сообщение Эда, космонавты испытывали глубокую досаду. Как мог он допустить такую ошибку? Сверхчувствительные детекторы космолета должны были сообщать ему о малейшем отклонении от точно рассчитанного курса. А если Эд не виноват и в кос-

мическом пространстве происходят какие-то новые, неизвестные явления, пока еще неуловимые для детекторов?

— Ну, что будем делать? — спросил Ас.

Лор, химик экспедиции, в чьи обязанности входил учет расхода энергии, ответил без колебаний:

— Мы уже потратили непредвиденное количество энергии. Возможно, нам и удалось бы преодолеть притяжение, но это связано с новыми огромными затратами энергии, а перед нами — долгий путь, за время которого может всякое случиться. Значит, мы должны восстановить первоначальный запас энергии, а для этого надо либо вернуться на нашу старую планету, либо...

Лор нерешительно замолчал.

— Продолжай, Лор! Что ты предлагаешь? — сказал Ас.

— ...либо попытаться добыть ее здесь...

— Где здесь? В космическом пространстве?

— Нет, не в космическом пространстве, а на синей планете.

Все взоры обратились к экрану, занимавшему целую стену салона. С него грозно смотрела синяя планета, не выпускающая их из невидимых пут своего притяжения.

— По-моему, нам следует сделать посадку, — продолжал Лор, — и добыть на синей планете необходимые запасы топлива. Химический состав почвы нам известен.

— Но ведь ты прекрасно знаешь, что экспедиции на синюю планету давно запрещены!

— Сейчас мы представляем здесь все че-

ловечество. И должны снять этот запрет. Не можем же мы вечно вращаться по замкнутой орбите! Сам подумай, если нам даже и удастся преодолеть силу притяжения, с чем мы будем продолжать полет? А посадка даст нам хоть какой-то шанс...

— Но ведь придется перерыть всю планету, чтобы отыскать нужное сырье...

— Вовсе нет. Спектрографы и разведывательные ракеты позволят нам исследовать недра непосредственно отсюда, с космолета. Мы сядем лишь после того, как точно выявим место, где целесообразно установить передвижное оборудование...

Люди с четвертой планеты не привыкли к долгим разговорам. Доводы Лора были убедительны, и космонавты одобрили предложение о посадке.

— Смотри, Ас!

Внизу, на планете, занимался день. Голубизна водного пространства, та голубизна, которой бесчисленные поколения любовались издали в ясные ночи, была сейчас так близко, что, казалось, можно различить белые гребни волн. На водной синеве выделялась россыпь бусинок, словно разбросанных вытянутой рукой узкого полуострова. Поверхность планеты развertyвалась перед космонавтами, как огромная карта. Из материка как бы вытек еще один полуостров в форме поставленного на вершину треугольника. А с конца полуострова капнула слезинка острова. Где-то у вершины треугольника поблескивали белые точки.

— Это жилища, Ас!

— Дай максимальное увеличение.

Эд напряженно вглядывался в окуляр.

— Это действительно людское поселение? — спросил Ас.

— Не могу разглядеть. Облака мешают...

— Ни одна из предыдущих экспедиций не замечала на синей планете людей. А разве чудовищные существа, о которых иногда говорили, могли бы построить жилища?

— Как будто на свете мало животных, которые обитают колониями и сооружают настоящие города! Почему они обязательно должны быть людьми? Пока мы не видели никаких признаков разумных существ, хотя уже довольно долго осматриваем планету. Нам должны были бы встретиться по крайней мере несколько летательных аппаратов.

— А если они еще не научились летать?

— Где же города, дороги, каналы?..

— Им ни к чему каналы. Здесь воды хватит с лихвой на две планеты...

Космолет приблизился к намеченному месту. Рев двигателей ослабел.

Место для посадки было выбрано неподалеку от подножия покрытого скудной растительностью горного массива, где волновые детекторы показали большие залежи сырья, необходимого для производства топлива. Простирающаяся вокруг пустынная равнина легко просматривалась, и это исключало возможность внезапного приближения неизвестных существ, которые могли населять планету. При выборе места посадки космонавты всегда

тщательно избегали густых зарослей, рек и озер, где могла таиться опасность.

Несколько дней космолет неподвижно висел над выбранным местом, пока экипаж придирчиво изучал обширную равнину, уточняя расположение будущей стартовой площадки. Малые разведывательные ракеты и локаторы проверяли структуру почвы, а в лабораториях корабля проводились все новые и новые анализы состава атмосферы. Были также приняты меры для защиты от микроорганизмов. Синяя планета внешне казалась гостеприимной. Но кто знает, какие опасности скрываются в ее молчаливых просторах? Какая неведомая жизнь таится в выжженных солнцем скалах и неподвижных песках? Быть может, хозяева планеты давно уже следят за всеми маневрами космолета, готовясь захватить его экипаж, как только он высадится... И хотя исследование почвы и анализы состава воздуха дали удовлетворительные результаты, космонавтов не покидало чувство неуверенности и тревоги.

Посадку начали перед рассветом. Космолет плавно снизился и снова неподвижно повис в воздухе. На разведку были высланы микропланы, и когда первые два космонавта, Эд и Лор, ступив на чахлую траву, сообщили, что все в порядке и можно садиться, остальные на радостях чуть не включили сирены, но ограничились тем, что пожали друг другу руки, и лихорадочно принялись за работу. Космолет медленно опустился и замер. Двигатели умолкли.

В пересыщенном кислородом воздухе было

трудно дышать. Наверное, таким был воздух их родной планеты в те далекие времена, когда еще не начались роковые перемены. Но позже, на протяжении многих поколений, пока длилась упорная борьба против беспощадных сил космоса, пока люди еще надеялись восстановить атмосферу или по крайней мере сохранить ее неизменной, они постепенно приспособились к нехватке кислорода.

На искусственных спутниках, где атмосферы не было совсем, люди жили под аметистовым куполом, внутри которого поддерживался постоянный состав воздуха. Но на планете кислород исчезал все быстрее и быстрее. Прошло всего несколько лет с тех пор, как на искусственном спутнике осталась последняя группа ученых, а они уже не могли опускаться на родную планету без защитной одежды из лучей.

А на синей планете кислорода было слишком много, и космонавты вынуждены были защищаться от него с помощью той же лучевой одежды. Кроме того, им пришлось облечься и в легкую антигравитационную ткань, так как сила притяжения синей планеты удваивала их вес, стесняя движения. Хорошо еще, что не понадобились сложные скафандры, сконструированные для высадки на планеты с совершенно иным составом атмосферы, очень большой силой тяжести или смертоносным климатом. На синей планете природные условия оказались почти такими же, какие существовали некогда на их родине. Радуюсь полубытовому ощущению ласкающего кожу воздуха, космонавты работали сейчас обнаженными,

прикрытые лишь тонкой лучевой тканью, которая позволяла им свободно дышать и защищала от непривычного притяжения.

В недрах горы, у подножия которой совершил посадку космолет, содержалось все сырье, нужное для изготовления топлива. Как обычно, космонавты заблаговременно составили точный план работы, и сейчас она разворачивалась так, словно они всю жизнь только и делали, что трудились здесь, на синей планете. Нужно было добыть те редкие элементы, из которых вырабатывалась энергия для космических двигателей. Оборудование было переброшено с космического корабля в горы, и машины уже приступили к работе.

Длинные полотнища механических пил из особо прочной стали неустанно вырезали огромные кубы породы, а гибкие щупальца транспортеров ловко переносили их к прозрачному куполу дезинтеграционной печи. Попадая в печь, скалистая глыба сразу превращалась в клубы пара, оседавшего на стенках купола. Белые струи жидкости всасывались многочисленными трубами, обвивающими основание печи. Таким способом порода расщеплялась на составные элементы, которые тут же разделяли электронные сепараторы, задерживающие только вещества, необходимые для выработки топлива. Остальная же масса сбрасывалась в пропасти. Уже через несколько часов на космолет стали поступать первые бруски белого металла, таящего в себе запас гигантских сил. Лор наблюдал за работой с довольной улыбкой человека, предположения которого полностью подтверждаются.

— Синяя планета — поистине неисчерпаемый источник, — сказал он Асу. — Нам будет что рассказать на Новой.

— А ведь мы еще почти ничего не знаем об этой планете. Только-только совершили посадку. Но я мечтаю лишь об одном — поскорее очутиться в космосе. Там я чувствую себя в безопасности, а здесь все время чего-то боюсь. Неведомое подстерегает нас тут на каждом шагу. Поторопись с добычей твоих металлов, Лор. Я хочу улететь как можно скорее.

Пилы час за часом продолжали вырезать из горного массива все новые и новые блоки. Гладкая, без единой трещинки поверхность гранитных кубов ярко блестела в солнечных лучах. Щупальца транспортеров протягивались к этим огромным геометрическим игрушкам, ощупывали их своими длинными металлическими пальцами и обвивали со всех сторон. Сочленения транспортеров выглядели хрупкими, и, казалось, они сломаются, если дерзнут приподнять очередную каменную громаду, каждая сторона которой втрое превышала рост человека. Но как только Эд, руководивший работой, нажимал нужную кнопку, транспортер легко, без малейшего усилия, поднимал глыбу. Куб словно терял свой вес, становясь просто геометрическим символом. Подняв очередного каменного колосса, транспортер нес его к печи, легко переставляя короткие ноги с круглыми присосками.

Каменные блоки извлекались из горы не только для добычи топлива. Большинство из них переносилось к самому космолету, где под наблюдением другой группы космонавтов

транспортеры укладывали их рядом, готовя стартовую площадку. Гладкие каменные поверхности смыкались между собой вплотную. Только тонкая, едва уловимая нить отмечала то место, где соединялись очередные два блока, превращаясь в единое тело будущей взлетной полосы. Почву планеты, оказавшейся столь гостеприимной при посадке, нужно было теперь одеть в мощный гранитный панцирь, с которого сможет взвиться космолет.

Когда начало смеркаться, работу прекратили. Перебросив печи и транспортеры обратно на корабль, космонавты собрались в главном салоне, чтобы подвести итоги дня. Вокруг космолета был воздвигнут высокий лучевой барьер. Внутри этого непроницаемого кольца космонавты могли не опасаться нападения неведомых обитателей синей планеты.

Посадка прошла очень удачно, в первый же день была успешно проделана большая работа, и не удивительно, что настроение у всех было отличное.

Огромное солнце всплыло на горизонте, размывая густую синеву небосклона, но в горных ущельях еще лежала мгла. Легкий шорох пробежал по склонам, словно горы стряхивали с себя ночную сырость. На синей планете пробуждалась дневная жизнь.

— Узнаешь, Ас? Таким был когда-то восход и на нашей планете. На всех старинных картинах его рисовали точно так же, и хотя я прекрасно понимал, что таким он и был на самом деле, эти картины всегда казались мне

какими-то чужими. Я ведь никогда не видел на небе подобных красок.

Эд и Ас смотрели на утреннюю зарю, сидя на каменных блоках, предназначенных для стартовой площадки. Лучевая одежда струилась вокруг них, словно легкий пар, которым дышала утренняя прохлада.

— Это объясняется большей плотностью атмосферы, — ответил Ас. — У нас небо всегда темное, а здесь солнечный свет проходит сквозь огромный воздушный океан. Поэтому планету и называли синей.

— Я знаю, откуда берутся эти изумительные краски. Но я видел их только на полотнах старинных художников, и поэтому такая красота казалась мне странной и необъяснимой... Я привык, что солнце всегда темно-красное, хмурое, и хотя в нем таятся неиссякаемые жизненные силы, оно не желает отдавать их нам...

— Распределение жизни во Вселенной совершенно не согласуется с законами человеческого разума, — с досадой заметил Ас. — На этой планете мы нашли все, в чем испытывали нужду. А кому здесь нужны воздух, вода, источники энергии? Этим чахлым кустарникам? Или, быть может, деревьям у подножия гор? Или вон тем птицам, которых мы распугали? Ты заметил две ледяные шапки на полюсах синей планеты? Если бы мы могли их поднять и перенести к себе на четвертую планету, нам не пришлось бы тратить столько энергии на выработку и перекачивание воды.

— Но нам нужен и воздух, Ас...

— Да, и воздух тоже... А здесь, здесь, на этой бесполезной планете, сколько угодно и

воздуха, и воды! — раздраженно воскликнул Ас, ударив кулаком по каменной глыбе. — Бесполезная и проклятая! Сколько здесь пропало космолетов, сколько самых смелых и искусных пилотов погибло здесь, в этой атмосфере, которой ты так восхищаешься! Старинные картины! У нас нет времени вспоминать старинные картины! Мы должны как можно быстрее покинуть эту планету. Бесплезную и проклятую!.. Кому приносит радость все это богатство?

— Но ты же знаешь законы жизни, Ас. Раз здесь существуют все условия для нее, то, несомненно, когда-нибудь появятся и люди, быть может, такие же, как мы, и они найдут применение всем богатствам, которые предоставит в их распоряжение эта планета.

Ас пристально посмотрел на друга, но ничего не ответил. Конечно, Эд прав, но для него, Аса, существует один-единственный мир, тот, который находится теперь на Новой, и его долг — довести космический корабль туда, к великой человеческой семье. И его совершенно не занимает вопрос, появятся ли когда-либо на синей планете мыслящие существа.

— За работу, Эд.

По трапу космолета уже спускались остальные члены экипажа. Солнце поднялось выше, заливая все золотым светом. Через несколько минут снова раздалось гудение машин, и транспортеры, не торопясь, даже как будто чуть сонно, начали перетаскивать каменные кубы для стартовой площадки. Чтобы лучше руководить работой транспортеров, Эд поднялся на микроплане на вершину горы, с которой была

видна вся бесплодная, гладкая, как стол, равнина. На ней подобно огромной башне высился космический корабль; лучи утреннего солнца окрасили его в ярко-красный цвет с серебристыми отблесками. Белая точка медленно кружилась спиралью вокруг космолета снизу вверх и обратно. Это Ас на своем микроплане проверял оболочку корабля. Иногда микроплан останавливался, на несколько секунд прилипал к космолету, а затем снова продолжал свой однообразный винтовой полет.

Внимательно следя за движениями транспортеров, Эд разомкнул внизу лучевую одежду, обнажив лодыжки. Первое ощущение было такое, будто нога попала в теплую ванну, и от неожиданности он невольно отдернул ее. Но довольно быстро он привык к этому новому ощущению.

«Сейчас, в утренние часы, жара вполне терпима, — думал Эд, — но ближе к полудню я уже не смогу выдержать ее без лучевой одежды. Со временем, конечно, можно привыкнуть. А если бы у нас вообще не было этой защиты? Укрывались бы в тени. Или соорудили бы себе другую одежду... например, из листвы...»

Рядом рос карликовый куст с темно-зелеными листьями, продолговатыми и жесткими. Эд сорвал ветку и стал внимательно ее разглядывать. Куст не был похож ни на одно из растений его родной планеты, которые из-за сильных ветров и холода стелились по самой почве. Между листьями притаился небольшой плод, круглый и желтый. Эд осторожно разломил его. Из мясистой оболочки выскочили два твердых семечка. Интересно, могли бы они разви-

ваться и на другой планете? Скажем, на Новой? Космические корабли четвертой планеты посетили почти все планеты этой системы, но жизнь обнаружили только в зачаточном состоянии, и формы ее были совершенно непохожи на те, которые они знали у себя на родине. А, оказывается, здесь, на синей планете, которую издавна считали мертвой, жизнь начала развиваться почти теми же путями... Как примут там, на Новой, эти открытия? Семена, которые Эд положил на ладонь, несли в себе победоносную силу жизни.

— Что случилось, Эд, почему остановились транспортеры?

Прямо перед ним висел в воздухе белый микроплан Аса. Эд на секунду замялся, не зная что ответить, но тут же протянул семена Асу:

— Я засмотрелся на них и забыл обо всем...

Действительно, транспортеры стояли неподвижно, словно раздумывая, нужно ли им продолжать работу. Эд торопливо включил телеуправление, и движение возобновилось.

— Ты все еще думаешь о старинных картинах?

— Нет. Я думаю о нашем прибытии сюда. Случайно мы сели на ту планету, которую все всегда избегали. Скоро мы улетим на Новую, и, вероятно, сюда больше никогда не опустится ни один космолет. Имеем ли мы право покинуть планету, не исследовав хоть в какой-то степени местную жизнь? Вот, например, этот кустарник. Разве не следовало бы отвезти его на Новую или по крайней мере его семена?

И тот лес вдалеке тоже, наверное, скрывает многие тайны, да и сама почва. В воздухе кружатся птицы. Вправе ли мы улететь, не изучив их? Можем ли мы удовлетвориться только тем, что снимем на пленку?

С веселым жужжанием к ним подлетел еще один микроплан, снизился по спирали и неподвижно повис в воздухе. Лор махал им сверху рукой.

— Ты ищешь меня, Лор? — спросил Ас.

— Хочу посоветоваться.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего. Просто надо бы организовать сбор материалов. Тут есть химические элементы с неизвестной нам атомной структурой. Мы можем сейчас собрать новые, исключительно ценные данные о жизни во Вселенной. Пока мы довольствуемся тем, что запечатлеваем все на пленке, но этого явно недостаточно, Ас. Раз уж мы здесь, надо собрать как можно больше материалов. А кроме того...

— Что «кроме того»?

— По-моему, следует максимально использовать подвернувшуюся возможность. Мы можем запасти значительно больше энергии, чем предполагали.

— Но нам не нужен резерв...

— Мы и раньше считали, что он нам не понадобится, и все-таки... Вдруг снова придется где-нибудь садиться?

— Мы нигде больше не задержимся. На всем протяжении пути, вплоть до Новой, нет ни одной планетной системы.

— Но ведь это только предположение, Ас. Лучше посоветуемся все вместе.

— Хорошо. Я созову экстренное совещание сегодня вечером. Но мое мнение остается прежним: мы не должны задерживаться здесь ни на одну лишнюю минуту. Надо выполнять намеченный план. Корабль должен вылететь точно в установленный срок...

После заката солнца космонавты собрались в главном салоне космолета, защищенного, как и накануне, мощным лучевым барьером. Было решено задержаться еще на два дня после того, как они обеспечат себя необходимым топливом. Синяя планета больше их не пугала.

Неведомое пришло неожиданно.

Стартовая площадка уже окружала космолет со всех сторон, и сейчас предстояло построить ее участок прямо под ним. Эта операция требовала тщательной подготовки и исключительной точности. Каменные блоки приходилось теперь добывать в новых местах, и транспортеры под наблюдением Эда карабкались все выше по горным хребтам, перебрасывая над пропастями и обрывами мощные тросы, по которым скользили лазурно поблескивающие глыбы.

Склады космолета пополнялись новыми образцами минералов, семенами, засушенными растениями, чучелами птиц и животных, насекомыми. Все это находило свое место в лабораториях, складах и специальных контейнерах, где с максимально возможной точностью воспроизводились природные условия синей планеты. С бесконечными предосторожностями

космолет вбирал в себя еще не изученную жизнь неизвестной планеты, чтобы перенести ее на Новую, где, возможно, она продолжит свое развитие.

Космонавты трудились теперь далеко друг от друга, и поэтому было установлено точное время возвращения на корабль, чтобы немедленно начать поиски, если кто-либо из них задержится. По правде говоря, никто давно уже не испытывал ни малейших опасений, но, привыкнув к строгой дисциплине, как на искусственном спутнике, так и на борту космолета, они продолжали работать по тщательно разработанному плану.

В тот день Эд не вернулся к назначенному часу, и космонавт, следивший за возвращением микропланов, немедленно включил сигнал тревоги, одновременно вызывая его по радио. Эд не отвечал. Микропланы, направленные в район добычи каменных блоков, нашли там только его сменщика. Оказывается, Эд сменился и улетел точно в положенное время, но сейчас его не было нигде между местом разработок и космолетом. Может быть, заметив что-нибудь необыкновенное и пытаясь узнать, что это такое, он провалился в пещеру? Или же он не отвечает на вызовы по радио потому, что покинул микроплан и отважился углубиться в лес?.. Держа лучеметы наготове, группа космонавтов кружила над горой, все время вызывая исчезнувшего товарища. Под ними спокойно шелестел лес, и лишь изредка какая-нибудь смелая птица поднималась почти к самым микропланам, с любопытством разглядывая космонавтов.

— Эд, отвечай! Где ты? Отвечай! Отвечай!..

— Слышу вас! — раздался вдруг веселый голос Эда. — Что случилось?

— Эд, отвечай! Отвечай!

— Да я же вас слышу! Что случилось?

— Ты еще спрашиваешь, что случилось? Мы встревожены... Где ты?

— Сейчас вернусь к космолету. Все в порядке. У меня важные новости!

Выскочив из микроплана, Эд со всех ног кинулся к товарищам, ожидавшим его у космолета.

— Я... нашел...

Он задышался от быстрого бега и от волнения.

— Ты заблудился? — спросил Ас.

Эд замотал головой.

— Я нашел... — наконец выговорил он, — я нашел людей! Их селение расположено по ту сторону гор...

Ас машинально посмотрел в ту сторону, куда указывал Эд. Остальные космонавты тревожно переглянулись, не зная, как отнестись к этой новости — радоваться или тревожиться. В их памяти вновь всплыли все те ужасы, которые они слышали о синей планете.

Но природа вокруг была щедрой и ласковой, жизнь так напоминала исчезнувшую жизнь их собственной планеты, и они хорошо помнили, как легко им удалось приспособиться к этим новым условиям. Если бы Эд принес такую новость в первый же день, сразу по-

сле посадки, они бы только встревожились. Однако теперь, когда они привыкли к синей планете, встреча с ее обитателями скорее возбудила их любопытство, чем напугала...

— По-моему, ты ошибаешься, Эд. Здесь нет людей. Мы ведь исследовали всю планету перед посадкой, и ты сам знаешь, что нигде не было и следа человеческих поселений.

— Мы их не увидели потому, что они пока очень малы. Но я сейчас видел одно из них вблизи. Это совсем рядом, по ту сторону гор. Вы сами можете его увидеть, если захотите. Люди похожи на нас, но, по-моему, они живут еще в эпохе первого покоя.

— Эпоха первого покоя? — изумленно перебил его Лор. — Невероятно! Неужели мы своими глазами можем увидеть такую древность? И они действительно люди? А почему ты решил, что это эпоха первого покоя?

— Мне так кажется. Селение стоит на берегу небольшой речки. Жилища сделаны из циновок, натянутых на шестах. По-видимому, у них нет никакого оружия, кроме палок. Такие палки держали в руках двое из них, которые стерегли неподалеку в поле каких-то животных с длинным белым мехом. В середине селения в низком каменном очаге горит огонь. Никаких механизмов или машин я не заметил, только несколько лодок на берегу речки.

— Эпоха первого покоя... Это значит, что они отстают от нас в своем развитии на десятки тысячелетий...

— Наши предки тоже когда-то жили в таких же поселениях на берегах рек.

— А эти люди тебя видели? — перебил его Ас.

— Да, те двое в поле меня увидели. Я летел очень низко — хотел выяснить, что за животные там пасутся, и сперва даже не заметил людей. Они лежали в траве, но когда услышали шум микроплана, вскочили на ноги и принялись размахивать палками. Очевидно, другого оружия они не знают. Как только они разглядели меня, то сразу отбросили палки, замахали руками и принялись что-то кричать. Потом упали лицом вниз и остались лежать неподвижно. Я остановился над ними, чтобы хорошенько их разглядеть. Да вы их тоже увидите, на пленке. У них длинные волосы, а ростом они гораздо ниже нас. В лучшем случае нам до плеча. Вокруг бедер у них обернуто что-то белое. Скорее всего, какая-то ткань растительного происхождения. Кажется, они меня не испугались, — во всяком случае, они вскоре поднялись на ноги и стали подавать мне знаки, крича и размахивая руками. Животные продолжали пастись, не обращая ни на что внимания...

— Не будем терять времени! — крикнул Лор. — Мы должны сейчас же увидеть все это!

Он бросился к микроплану Эда, снял киноустановку и тотчас вернулся к космолету. Остальные побежали за ним.

— Все на месте? — спросил Ас.

— Да, не хватало одного только Эда.

Ас поднялся в космолет последним, старательно блокировал за собой дверь, включил лучевые установки, окружив космический ко-

рабль тем же неуязвимым барьером, который они возводили по ночам, и только после этого вошел в главный салон космолета, где Лор уже подготовил экран.

Сначала на экране возникло зеленоватое пятно, переливающееся как вода, из которой кое-где торчали серые зубцы. Это были первые изображения почвы, заснятые Эдом. Потом одна за другой замелькали яркие картины. На берегу реки сидел на корточках человек, внимательно осматривая перевернутую лодку. Он ощупывал ее днище, то и дело вытаскивал что-то изо рта, вкладывал в щели и ловко забивал деревянным молотком. Человек сидел спиной к зрителям. Видимо, он был очень силен — под его кожей перекатывались мощные бугры мышц. Вдруг послышался короткий, мелодичный возглас. Человек прервал работу и обернулся. К нему по берегу шла женщина, держа в руках высокий сосуд. Белая ткань плотно облежала ее тело. Плечи были обнажены. Длинные, золотисто-рыжие волосы спадали до самых бедер. Она подошла к человеку, чинившему лодку, опустила на землю сосуд и села на камень.

— Дай максимальное увеличение и замедленную проекцию, — шепотом попросил Эд.

Изображение на экране начало увеличиваться, словно приближаясь из бесконечной дали прошлого. Женщина подняла обе руки к затылку и поправила волосы. Она смотрела прямо на космонавтов, словно разглядывая их, и улыбалась. На продолговатом лице цвета светлой меди сияли большие голубые глаза.

— Останови пленку!

Изображение застыло, и все космонавты подошли ближе, словно хотели прикоснуться к нему.

— Я их даже не заметил, — пробормотал Эд.

— Аппарат видит лучше тебя, для этого он и предназначен, — рассмеялся Лор. — Так вот как выглядят люди синей планеты. Совсем как мы...

— Но женщина похожа на ребенка...

— Нет, это не ребенок. У нее вполне сформировавшаяся фигура, да и выражение лица не детское. Но она молода.

— Не будь они такими низкорослыми, их можно было бы принять за жителей нашей планеты...

— Плечи приподняты выше...

— Расстояние между глазами меньше, чем у нас...

— Руки кажутся непропорционально длинными...

Все говорили разом, не отрывая глаз от золотоволосой женщины и от мужчины, который застыл на экране, поднеся красный сосуд ко рту. Лор вновь пустил пленку, и картина ожила — руки женщины скользнули по золотистым волосам, мужчина опустил сосуд. Раздалось несколько мелодичных и простых, как арпеджио, звуков. Голос женщины. Первые слова обитателей другой планеты, услышанные космонавтами...

Вечером, когда космонавты снова собрались в салоне, чтобы подвести итоги дневной работы, Ас объявил свое решение:

— Мы задержимся еще на один день. Не

больше. Необходимый запас топлива мы почти набрали, и оставаться здесь дольше бессмысленно. Для музеев мы накопили уже достаточно экспонатов.

— Но нельзя же улететь именно сейчас, Ас!

— Нет, именно сейчас! Мы не имеем права рисковать. Мы ничего не знаем об этих людях.

— Но разве ты их не видел? С чего вдруг нам бояться людей эпохи первого покоя? Ведь это же удивительное везенье — повстречаться с людьми тех времен! На нашей планете о них сохранились лишь смутные предания. А здесь мы можем непосредственно наблюдать их повседневный быт. Сколько ученых отдало бы что угодно, лишь бы получить возможность так проникнуть в неведомые нам тайны эпохи первого покоя!.. Подумай только, какой бесценный подарок повезем мы на Новую!

— У нас есть твои пленки.

— Но этого мало!

— Вполне достаточно! Мы вылетим как только закончим погрузку топлива! Не задержимся ни на минуту!

— Еще не готовы стартовые расчеты, Ас, — вмешался Лор.

— Завтра они будут закончены. Вычислительные машины работают безостановочно.

На четвертой планете любое решение всегда принималось только с согласия всего коллектива. Но в космических полетах руководитель имел право распоряжаться единолично, даже вопреки воле остальных. И теперь Ас принял решение.

Космонавты хмуρο разошлись по своим отсекам. Они попали в незнакомый, но такой

привлекательный мир и вот теперь вынуждены покинуть его, так и не разгадав всех его тайн...

На следующий день люди синей планеты появились неподалеку от космолета. Их было трое. Они приближались без страха, хотя то и дело останавливались и низко, до земли кланялись. Космонавты стояли неподвижно, сжимая в руках лучеметы, готовые к любой неожиданности. Когда Ас знаком приказал пришельцам остановиться, они повиновались. Один из них начал что-то медленно говорить, словно напевая негромкую песню. Потом он поставил на землю сосуд, горлышко которого было увито зелеными ветвями. Все трое простерлись перед космонавтами, продолжая что-то говорить нараспев. Затем, то и дело оборачиваясь и дружелюбно кивая, они ушли.

Сосуд был вырезан из легкого голубоватого камня. Изготовлен он был неумело: на его стенках явственно виднелись следы резца. Космонавты осмотрели его с интересом, как послание, дошедшее до них из глубины веков — перед ними словно вновь оживала история их предков.

— Пожалуй, ты прав, Эд. Здесь еще продолжается эпоха первого покоя. Похожие сосуды находили и у нас — их возраст определяют в двадцать тысяч лет...

В сосуде была красноватая жидкость. Сосуд продезинфицировали, а пробы жидкости подвергли тщательному анализу. Убедившись, что она совершенно безвредна, Эд первым выпил глоток. Его примеру последовали остальные. Сладковатый, приятный на вкус напи-

ток был, по-видимому, соком каких-то местных плодов. Всеми овладело благодушное настроение. Никто уж не вспоминал об ужасах, которые рассказывали про синюю планету.

К вечеру люди пришли снова и принесли большие охапки цветов. На сей раз среди них была и золотоволосая женщина. Они собрали камни, сложили их в круг, разбросали по ним цветы и, войдя в середину круга, затянули протяжную песню. Один из пришедших бросил что-то в небольшой каменный сосуд, и в вечернем воздухе закурился благовонный дымок. Эд подошел к ним и, не зная, как лучше выразить мирные намерения космонавтов, коснулся плеча золотоволосой женщины. Она взглянула ему в глаза, попыталась взять его за руку, но натолкнулась на лучевую одежду и, почувствовав невидимую преграду, испуганно отпрянула. Эд отвел в сторону лучи и протянул ей ладонь. Робко улыбаясь, женщина дотронулась до нее. Ее спутники тоже подошли и прикоснулись к Эду, по-видимому, чтобы в свою очередь убедиться в его материальности. Они, казалось, были удивлены, но не испуганы, и когда Эд направился к космонавтам, ведя женщину за руку, ее спутники последовали за ними, не прерывая своей тихой песни.

— Посмотри на них, Ас, — сказал Эд. — Они такие же люди, как и мы с тобой, с той только разницей, что они пока находятся у истоков цивилизации. Возможно... — продолжал он в раздумье, но тут же осекся.

Ас холодно посмотрел на него.

— Договаривай.

— Возможно, кто-нибудь из них захочет улететь с нами...

— Куда?

— На Новую...

— Что? — воскликнул Ас так громко, что женщина вздрогнула и бросилась назад, к своим чуть отставшим спутникам. — Нет, Эд, этому никогда не бывать. Никогда! Понятно?

Он знаком приказал людям уйти и сухо распорядился:

— Возвращайтесь на корабль. Мы должны воздвигнуть лучевой барьер.

Ас родился на космолете, который возвращался из очередной экспедиции, снаряженной на розыски новой родины, годной для переселения с их умирающей планеты. Там же, на космолете, он начал учиться, но закончил учебу уже на другом корабле, который строил в космосе промежуточную станцию. Родную планету он знал только по книгам, а когда наконец попал туда, почти все человечество уже улетело на Новую. Строгая дисциплина, царящая на космических кораблях, приучила его к аккуратности и аскетизму. Космонавтом он стал так же естественно и неизбежно, как островитяне с самого раннего детства приучаются плавать. Сейчас его считали одним из лучших пилотов, и, когда ему доверили командование последним кораблем, покидающим четвертую планету, Ас, живя на искусственном спутнике, рассматривал эту задержку просто как кратковременный перерыв между двумя полетами.

Желание ощущать под ногами почву и тра-

ву, свободно дышать всей грудью вне стен космолета, окунаться в речные волны он считал просто блажью, поскольку сам обходился без этого вполне безболезненно. По-настоящему счастливым он чувствовал себя только у пульта управления космолета — тогда он знал, что живет полной жизнью, вот как сейчас, на долгом пути к Новой. Думая о будущем, он надеялся, что сразу же по прибытии на место ему поручат готовиться к следующей экспедиции. Возможно, за это время там, на Новой, уже разработали технику межгалактических полетов. Преодолеть тесные рубежи Галактики, вырваться за ее пределы, в бесконечность, — что может быть прекраснее и желаннее? И чего стоит по сравнению с этим синяя планета? Пушинка, затерянная на кладбище мертвой планетной системы... А та жизнь, которую он здесь увидел? Трава, растущая на кладбище. Что может его здесь привлекать? Эти люди, живущие в эпохе первого покоя? Но чтобы они опередили тягостно медленное развитие истории, необходимо гигантское усилие, а для этого нужно было бы перебросить сюда все население четвертой планеты. Да и осуществимо ли вообще столь быстрое развитие? Возможно... Ведь и на их собственной планете тысячелетия назад, когда нынешнее общество только зарождалось, некоторые более отсталые группы населения сумели преодолеть свое отставание, стремительно развиваясь и включаясь затем в новое общество.

Но о подобной встрече эпох на разных планетах не думал еще никто, за исключением разве поэтов, любителей парадоксов. Возмож-

но ли это — вознести население, находящееся на ступени первого покоя, прямо к вершинам космической цивилизации? Нет, Ас был уверен, что это неосуществимо и, следовательно, незачем ломать себе голову над такими неразрешимыми задачами. Для него вопрос был совершенно ясен: люди, населяющие синюю планету, должны и впредь жить своей жизнью. Даже если кто-нибудь из них и захотел бы лететь с ними, ему нечего делать на Новой. Он не сможет приспособиться к столь сложной и высокоорганизованной жизни. Это несомненно, и остальные члены экипажа должны в конце концов с ним согласиться.

В последующие дни обитатели селения за горами продолжали приходить к кораблю, а космонавты в свою очередь наведывались в деревушку на берегу реки. Самый молодой из них, Ог, врач космолета, как-то сказал Асу:

— Почему ты не хочешь познакомиться с ними поближе? Я погладил волосы той женщины, которая пришла к нам. Они нежнее нашей лучевой одежды...

— Они из другого мира, Ог. Ты никогда не сможешь найти с ними общего языка.

— Нет, Ас, они ничем не отличаются от нас. Смотри.

Он заговорил с женщиной на ее языке. Женщина нагнулась, подняла сосуд с водой и протянула ему.

— Видишь, Ас? Я пока выучил только несколько слов. Но уже завтра буду знать больше. Если кто-нибудь из них полетит с нами, он

тоже выучит наш язык и будет жить на Новой, как в родной семье...

Ас предпочел пропустить эти слова мимо ушей и заговорил о другом. Но он был сильно встревожен. Значит, они все-таки собираются взять на корабль и увезти на Новую людей с синей планеты... Чем же все это кончится? Насколько эти планы могут их здесь задержать? Нет, он, Ас, знает, что надо делать. Он обязан максимально ускорить вылет, увезти космонавтов немедленно, пока их стремление побыть здесь подольше не превратилось в желание остаться в этом ласковом мире навсегда. Надо будет вылететь в первые утренние часы, подключив к гермошлемам космонавтов усыпители. Он и Лор поведут космолет, и когда остальные проснутся, синяя планета останется далеко позади, а они будут мчаться к Новой...

Когда Ас сказал, что тоже хочет посетить селение, Ог от радости даже подпрыгнул.

— Браво, Ас! Я знал, что победит истинная мудрость. Вы, пилоты, всегда погружены в расчеты и слишком легко забываете, что человек — это живое существо, а не вычислительная машина. А ведь даже Лор, который не интересуется ничем, кроме процессов соединения и распада химических элементов, даже он прельстился возможностью поближе познакомиться с местными обитателями. Ты увидишь, что мы уже неплохо понимаем друг друга...

Ас терпеливо улыбнулся, словно разговаривая с капризным ребенком.

— И они тебя поняли, когда ты им объяснил, каким образом мы упали сюда с неба?

Быть может, им доступны и принципы космических полетов?

— Этого они пока понять не могут. Они и в самом деле думают, что мы упали с неба, и считают нас...

— Сверхъестественными существами, не так ли?

— Чем-то в этом роде. Ты знаешь, как они нас называют? Сыновьями солнца.

— Следовательно, они считают, что солнце тоже населено? Действительно, между вами установилось полное взаимопонимание!

— Но это же не так важно, Ас! Они думают, что все небесные светила населены людьми, и это уже немало для их уровня развития. А мы постараемся расширить круг их познаний, — не уступал врач.

— Для этого понадобится очень много времени, Ог. Несколько сот поколений. Истину можно познать только постепенно.

— Хорошо, допустим. И все-таки кое-чему они у нас уже научились, и сегодня ты в этом убедишься.

Вечером космонавты опустились на микропланах в центре селения. В нем жило человек двести, не больше, включая детей и стариков. Сейчас все они собрались на небольшой скалистой площадке, в центре которой, в кольце из каменных плит, спокойно горел небольшой костер. Жилище здесь было только одно — прямоугольное, на каркасе из толстых жердей. Стен не было, их заменяли легкие плетенки из лиан, чуть колышущиеся на ветру. Ас с любопытством рассматривал снующую вокруг космонавтов толпу.

— Они живут здесь все вместе?

— Да. Хочешь зайти?

Внутри жилище было разделено на небольшие клетушки со стенками из тех же лиановых циновок. Между ними от одного конца до другого тянулся длинный проход. Вдоль прохода на равных расстояниях стояли вместительные каменные сосуды, а с потолка, распространяя аромат осени, свисали всевозможные фрукты и гроздья тех плодов, из которых добывали сладкий сок. У входа в жилище лежали связки длинных копий с каменными наконечниками, каменные ножи и топоры. Пол устилали яркие циновки, в центре которых был неумело нарисован ярко-красный шар со множеством лучей. Жители селения столпились вокруг гостей, главным образом вокруг Аса. Они вытаскивали из своих клетушек всевозможные дары и с громким смехом протягивали ему.

— Они тебя видят здесь впервые и хотят доказать свое дружелюбие, — пояснил Эд. — Надо принять все, что они дают, иначе ты их обидишь.

Уже через несколько секунд Аса так нагрозили подарками, что он еле удерживал их в охапке. Все теснились около него, наперебой предлагая циновки, глиняные, деревянные и каменные подносы и сосуды, тщательно отшлифованные кости животных, на которых были нацарапаны неуклюжие рисунки, одежды из ткани или шкур животных. Когда Ас на секунду остановился, чтобы лучше рассмотреть круг, нарисованный посередине одной из больших циновок, хозяева оживленно заговорили, вытащили ее и быстро свернули в трубку. Ватага

ребятишек, весело визжа, покатила ее вслед за Асом.

Когда они вышли, к ним навстречу, слегка прихрамывая и опираясь на палку, бросился какой-то человек. Он упал к ногам Ога и начал что-то быстро говорить.

— У него был перелом бедра, — объяснил Ог Асу. — Я срастил кость, и с тех пор он все время меня благодарит.

— Наверно, он думает, что это очередное чудо, сотворенное сыновьями солнца, не так ли?

— Да, но ведь он видит меня и не может не понимать, что я такой же человек, как и он...

— В таком случае почему же они называют нас сыновьями солнца?

Ог не успел ответить, потому что толпа увлекла их за собой к маленькой площадке. Несколько девушек в длинных белых одеяниях плыли в медленном танце вокруг костра. В последних лучах заката их волосы казались темно-красными; шум реки раздавался совсем близко, золотистый спутник планеты начал свой ночной путь. Все это показалось Асу пугающе нереальным, и он содрогнулся при одной лишь мысли, что из-за какого-нибудь несчастного случая может остаться здесь, в этом чужом мире, навсегда оторванным от всего человечества...

Каменные сосуды, наполненные красноватой жидкостью, переходили из рук в руки. Ас выпил только один глоток. До сих пор он ни разу не пробовал этого напитка, который приводил остальных в столь радужное настроение. Вскоре он ощутил приятное, расслабляющее

тепло. Он посмотрел вокруг и увидел, что его товарищи весело болтают с обитателями синей планеты. Голубоглазая женщина, которая первой пришла к космолету, надевала на голову Эда венок из благоухающих цветов. Старик стоял у самого костра, что-то выкрикивал и время от времени бросал в пламя белые зерна, от которых поднимались клубы ароматного дыма...

— Не снится ли нам все это, Ог? — спросил Ас. — Мы действительно среди людей синей планеты? Ведь мы еще никогда не видели обитателей других миров. Не знаю почему, но я всегда думал, что они значительно обогнали нас в развитии и при встрече мы сможем у них поучиться. А теперь оказалось, что...

— Нет, это не сон, Ас. Мы действительно первые представители нашей планеты, встретившие людей другого мира.

— Что говорит этот старик?

— Благодарит небеса за то, что они послали нас, и молится, чтобы мы остались здесь навсегда и приобщили их к истине...

— Навсегда?

Ас вздрогнул, словно от холодного ветра. «Между нами и ими бесконечная пропасть, и никто не может ее перешагнуть», — подумал он. И именно в это мгновение Ог указал ему на багровую звезду на ночном небосводе. Это была их опустевшая планета, которую они покинули последними. И Ас невольно вспомнил покинутые края, уснувшие вечным сном города со стенами из белого металла, Великие каналы, пересекающие планету от полюса до полюса. Он снова огляделся, и внезапно им овладел

смертельный страх. Он боялся не опасностей этой планеты, а своих друзей. Этот старик молится, чтобы они остались здесь навсегда... А вдруг Ог, Эд, Лор и все остальные тоже мечтают об этом? Не говорят ли они себе, что синяя планета — более безопасное убежище, чем их космолет в бесконечных просторах на пути к Новой? Не думают ли они, что неведомые опасности, грозящие им в полете, гораздо страшнее, чем ожидающие их здесь трудности? Ас снова вздрогнул. Да, они должны улететь немедленно! Завтра же! Улететь куда угодно, даже на свою старую планету!

— Лор, — спросил он шепотом, — как расчеты для старта?

— Думаю, что завтра они будут готовы, — рассеянно ответил Лор, внимательно разглядывая одну из окружающих костер каменных плит. Ас тоже посмотрел на них. Все плиты были покрыты рисунками, нацарапанными, очевидно, каким-то другим, более твердым камнем. Рисунки наивно рассказывали о появлении космонавтов на синей планете. Космолет был изображен в виде столба, вокруг которого кружились птицы с человеческими головами. Другие рисунки изображали крылатых космонавтов, парящих в воздухе. Были даже неумелые попытки нарисовать их портреты; головы космонавтов окружали дрожащие венцы лучевых костюмов.

— Значит, это все, что они могут понять... и больше ничего! Для них мы — птицы, сыновья солнца... Какая чепуха!

Выпитый напиток заставлял его кровь быстрее бежать по жилам; им овладело стран-

ное, непонятное состояние. «Что со мной? — думал Ас. — Ведь я никогда ничего не боялся. А сейчас...»

— Эд, — вдруг крикнул он, — нам пора возвращаться на корабль!

— Еще можно побыть здесь, Ас. Не хотелось бы их обижать...

— А какое это имеет значение, обидятся они или нет? Пошли, мы не должны здесь оставаться ни секунды!

Ас подошел к Эду и, схватив его за плечи, рывком поставил на ноги. Эд удивленно посмотрел на товарища.

— Я не понимаю тебя, Ас. Ведь будет так обидно, если наша съемочная аппаратура не увековечит всего, что мы сейчас видим и слышим. Разве, по-твоему, не нужно отснять на пленку и взять с собой на Новую и этот танец женщин, и нас среди обитателей синей планеты? Побудем здесь еще немного...

Голубоглазая женщина с золотыми волосами недоуменно прислушивалась к их спору. Она не понимала слов, но по тону и жестикуляции говоривших догадалась, что Ас хочет увести космонавтов, и умоляюще протянула к нему руки.

— Что она говорит? — спросил Ас.

— Просит, чтобы мы еще остались...

Ас почувствовал, что к его голове приливает горячая волна крови.

— Остаться... все вы хотите остаться... Но мы приняли решение, и я заставлю вас выполнить его! Мы больше не задержимся здесь! Идемте!

Он оттолкнул женщину и, схватив Эда за

руку, словно ребенка, попытался увести его за собой. Сразу стало тихо. Танец прервался. Жители синей планеты изумленно смотрели на них. Женщина тихонько плакала, потирая ушибленную руку.

— Что ты делаешь, Ас? — возмутился Эд. — Они не причинили нам никакого зла. Мы могущественнее их, а кроме того...

— Что «кроме того»? Мы должны немедленно вернуться на свою старую планету! Смотрите, она ждет нас, ждет! — крикнул Ас, указывая на красную звезду. — Быть может, туда вернулись и все остальные. Да, я уверен, что они вернулись, и мы должны были их встретить! На Новой никого нет, я это знаю! Они улетели только для того, чтобы мы попали сюда! Эд, не спускай глаз с указателя, не прозевай момента, когда стрелка остановится!

Космонавты слушали, ничего не понимая. Он тихо шепнул Лору:

— Он не в своем уме. Это я во всем виноват — не провел ни одного медицинского осмотра с тех пор, как мы сюда прилетели. Надо увести его. Не знаю, чем это вызвано, — возможно, напитком, а может быть, чрезмерным напряжением из-за всех непредвиденных обстоятельств, в которых мы оказались с самого начала полета. Во всяком случае, Ас сейчас не может контролировать свои слова и поступки. Он способен на любое безрассудство...

Действительно, Ас продолжал бессвязно бормотать, все так же сжимая руку Эда:

— Видишь? Я знал, что здесь нас подстерегают опасности. То же самое случилось с теми, кто раньше прилетал на эту планету. Мы

должны избавиться от этих видений, что снуют вокруг нас! — вдруг дико закричал он, резким движением сорвал с бедра лучемет и направил его на голубоглазую женщину.

— Стой! — вскрикнул Эд, но Ас уже нажал на спуск.

Женщина протяжно застонала и опустилась на землю, словно сразу уснув. На мгновение наступило тягостное молчание, взорвавшееся негодующими возгласами. Люди столпились вокруг упавшей женщины, старик что-то кричал, космонавты накиннулись на Аса и вырвали у него лучемет.

— Не разрешайте никому к ней прикасаться! — крикнул Ог, бросаясь к микроплану. — Ее можно спасти!

Раздалось гудение двигателя, и снова воцарилась напряженная тишина. Микроплан очень скоро вернулся, и Ог выскочил из него, держа в руках какой-то тяжелый и сложный аппарат. Не прошло и минуты, как он приступил к оживлению.

— Ас, — негромко сказал Эд, — ты понимаешь, что натворил? Ты отнял жизнь у другого человека. Ничего подобного не случалось уже несколько тысяч лет. Ты не можешь больше руководить нашей экспедицией. Мы, присутствующие здесь, представляем сейчас все человечество. Тебя усыпят на время, пока мы не прилетим на Новую. Там будет решено, как с тобой поступить.

Он повернулся к остальным космонавтам:

— Кто-нибудь не согласен со мной?

Никто не ответил.

— Как было предусмотрено на случай не-

обходимости, руководство экспедицией примет на себя Лор.

Эд повернулся к Огу, который молча нагнулся над телом женщины. Космонавты окружили его кольцом, внимательно следя за операцией. Ночное небо начинало постепенно бледнеть.

Когда взошло солнце, женщина открыла глаза, посмотрела вокруг и улыбнулась. Обитатели синей планеты неслышно подошли ближе. Увидев чудо возвращения к жизни, они простерлись ниц и запели свою песню. Старик снова бросил пригоршню благоухающих зерен в костер и начал молиться, размахивая руками. Изредка он грозил кулаком в сторону хмурых гор.

— А где же Ас? — спросил Эд.

Все оглянулись. Аса не было. В ту же секунду в телефонах их гермошлемов раздался знакомый голос:

— Внимание, говорит Ас! Говорит руководитель экспедиции!..

Космонавты вздрогнули и удивленно переглянулись. По-видимому, Ас говорил из кабины управления космолета. Неужели он...

— Говорит Ас!.. Говорит Ас, руководитель экспедиции!

— Ас! — крикнул в микрофон Лор. — Что это значит? Где ты?

— Говорит космический корабль. Вы захотели остаться на этой проклятой планете? Можете оставаться. Космолет отправляется. Не пытайтесь приблизиться ко мне. Вокруг кос-

молета поставлен лучевой барьер! Я, только я руковожу экспедицией, и никто не может меня сместить!

В телефонах гермошлемов раздался странный смех.

— Оставайтесь здесь. Я вылетаю навстречу тем, кто возвращается с Новой. Кончаю передачу! Не пытайтесь приблизиться ко мне!

Раздался сухой щелчок, и все смолкло.

— Но корабль еще не готов к вылету! — вскрикнул Лор. — Случится несчастье! Мы должны ему помешать!

— А как это сделать, если он окружил себя лучевым барьером?

— Тогда надо спастись, и поскорее! Корабль взорвется!

— Ты уверен?

— Я проверил все расчеты. Корабль еще не готов к старту. В незаполненной камере сгорания должна начаться неуправляемая реакция!

Космонавты кинулись к микропланам.

— А как быть с ними? — спохватился Ог, указывая на толпу.

— Возьмем их с собой.

— Но в микропланах все не поместятся.

— Скажи им, пусть бегут в горы и укроются в пещерах.

— Они не поймут. Они же не представляют себе, что сейчас произойдет.

— Кто-то должен пойти с ними.

— Я пойду, — спокойно предложил Эд.

Он подошел к людям, которые с недоумением смотрели на них, и больше жестами, чем словами, объяснил им, что надо спрятаться. Они доверчиво последовали за ним. Спустя не-

сколько минут все карабкались по скалам в поисках надежного укрытия.

Вдали раздался приглушенный гул. Лор невольно зажмурился, потом открыл глаза и увидел, как космолет завибрировал и окутался желтой дымкой. Огромный огненный столб взвился над стартовой площадкой, и корабль начал подниматься, сперва медленно, почти нехотя, как усталый человек. Зазвучали мучительно печальные ноты «Песни ухода». Лор закрыл глаза руками и простонал:

— Ну почему так должно было случиться?

Раздался пронзительный свист, и космолет взвился над горами, как белая молния, но тут же неподвижно замер.

— Закройте глаза! — крикнул Лор.

Космолет стал багровым, словно охваченный изнутри пламенем, и распался. Из него вырвалось в небо желтое копьё, тут же расплывшееся гигантским огненным куполом. Купол потемнел и низвергся на горы и равнину черным дождем. Так погиб последний космолет, улетевший с четвертой планеты.

Ночью, под мерцающими звездами, они отправились на поиски нового приюта. В равнодушном небе краснела умершая четвертая планета, которую им никогда больше не суждено было увидеть вблизи. Их Новая оказалась здесь, на синей планете, где единственным свидетельством их былой мощи осталась гигантская и немая стартовая площадка. Сыновья умершего мира сливались с синей планетой.

Раду Нор

ТРОЕ С СИРИУСА

Странное поведение Влада

Звезды мерцали перламутровым блеском. Планеты, залитые бледным призрачным светом, вращались медленно, словно очень устали, а вдали, за пределами Галактики, кипели водовороты серебристых туманностей.

Дени и Николай стояли перед иллюминатором, любуясь красотой звездной ночи. Влад, третий член экипажа звездолета «Вихрь», не покидал своей каюты. Поведение Влада казалось им странным, так как в первые дни полета космонавты, замороженные ослепительным блеском межзвездного мира, не могли оторваться от его созерцания.

Это была уже не первая их совместная экспедиция. Дени, Влад и Николай побывали на

Марсе и Венере, облетели Сатурн и обследовали астероиды за Марсом. Между ними установилась прочная дружба, какую могут породить лишь долгие годы, проведенные совместно в тесных стенах космического корабля.

Перед последним полетом каждый из них успел побывать у себя на родине: Николай — в Ленинграде, Дени — в Монпелье, Влад — в Бухаресте. Николай и Дени вернулись окрепшими, жизнерадостными, готовыми к дальнейшим полетам. Влад же был неузнаваем. Всегда живой, энергичный, молодой человек стал вдруг хмурым и неразговорчивым. И хотя между друзьями секретов не существовало, Влад так и не открыл им, что творилось у него на душе.

Космонавты продолжали думать о Владе, когда он вдруг появился на пороге. Бледный, с воспаленными от бессонницы глазами, он рассеянно поздоровался с друзьями, сделал несколько шагов к иллюминатору и застыл, слегка откинув голову.

Николай и Дени переглянулись и отошли, сделав вид, будто каждый из них поглощен своими делами. Николай стал проверять индикаторы автопилота, хотя занимался этим всего четверть часа назад, а Дени снял с полки звездный атлас и наугад открыл его.

В салоне, стены которого были окрашены в темные тона, повисла непривычная, гнетущая тишина. И только шум двигателей, подобно отдаленному гулу водопада, доносился сюда сквозь звукопоглощающие переборки.

Тишину нарушил пронзительный звонок.

Дени, выронив атлас, кинулся к радиопри-

емному устройству. Он повернул рукоятки настройки, переходя на прием.

— Нас вызывает Земля! — взволнованно сказал он.

Космонавты вздрогнули. Для них слово «Земля», произнесенное здесь, имело особый смысл. «Земля» — это родина, семья, друзья, цветущие равнины, голубые моря, величественные горы... Сгрудившись у приемника, они с волнением ожидали, пока наладится связь. Сквозь хрип, треск и свист вдруг прорвался человеческий голос, сначала слабый, потом все более громкий и отчетливый:

— Внимание, «Вихрь»! Внимание, «Вихрь»! Говорит КС-9, говорит контрольная станция 9!

Дени тронул рукоятку настройки, пытаясь улучшить слышимость.

— Слушайте важное сообщение. Международный совет космонавтики решил изменить направление вашего полета. Внимание, внимание... На Сириус! Вы поняли? На Сириус... Подробные указания, контрольные расчеты, астротграммы получите позже. Счастливого пути!

Голос умолк. На какое-то мгновение воцарилась тишина, потом Влад схватил Дени за руку:

— Сириус? Он сказал — Сириус! Значит, Барбу жив!

— Ну да, — ответил Дени, — Сириус. Что это означает для нас? Десять лет полета вместо пяти, вот и все. По-моему, мы найдем на Сириусе то же, что и на Проксиме Центавра.

Озадаченный странным поведением Влада, Николай решил наконец расспросить его обо всем.

— Дружище, по-моему, пришло время объяснить, что с тобой происходит,— сказал он.

— Ты прав! — ответил Влад и бросился в одно из кресел. — Пока мне не была известна судьба Барбу, я не имел права говорить. Теперь я могу рассказать вам обо всем. Слушайте.

Двое друзей отправляются на экскурсию

— Барбу — мой лучший друг. В школе мы всегда были вместе. И даже позже, когда каждый из нас пошел своим путем — он занялся филологией, а я космонавтикой, — мы не разлучались и много путешествовали вдвоем.

Два месяца назад, после нашего возвращения из экспедиции на Марс, Барбу предложил мне съездить вместе с ним в Трансильванию. Я согласился и вскоре мы вылетели на вертолете в Албу-Юлию. Несомненно, Барбу преследовал какую-то определенную цель. В этом городе находилась старинная библиотека, некогда основанная графом Батиани; там хранились подлинные сокровища для библиофилов, а следовательно, и для моего друга. Едва мы приземлились, как стало ясно, что я не ошибся в своих предположениях.

— Влад, сделай милость, пойдем со мной в библиотеку Батиани, — обратился ко мне Барбу. — Право, ты не пожалеешь. Мне нужно прочитать там всего несколько страниц из одного древнего трактата по геометрии. Это займет не больше двух-трех часов.

Я согласился. Серые мрачные стены старо-

го здания четко вырисовывались на фоне голубого неба. Я без особой охоты вошел внутрь. Снаружи солнце золотило крыши домов и верхушки деревьев, а здесь, в полутемных залах с маленькими окнами, уже царил сумрак. Я осмотрелся, стараясь освоиться с окружающей обстановкой. Вдоль стен тянулись полки, уставленные объемистыми фолиантами в переплетах из свиной кожи со стершимися от времени буквами. В центре зала стоял огромный глобус, расписанный средневековым мастером, а по углам — пюпитры и кресла, украшенные искусной резьбой. Пахло пылью и стариной. Библиотекарь — старичок с желтым, как пергамент, лицом — встретил нас любезно. Он принес Барбу книгу и оставил нас одних.

Барбу бережно положил книгу на один из пюпитров и, прежде чем приняться за чтение, любовно погладил искусно расшитый кожаный переплет.

Тем временем я не спеша прогуливался по залу, разглядывая корешки книг на полках. Тут были редкие издания библии, труды алхимиков и магов, книги, написанные знаменитыми учеными Средневековья. Все это, несомненно, представляло большой интерес для библиофилов, но старые, даже уникальные книги меня не привлекали, если они не были непосредственно связаны с космонавтикой.

Вскоре мне наскучило рассматривать книги, и я отправился бродить по соседним залам.

Повсюду были выставлены произведения искусства, собранные хозяином библиотеки: оружие, дорогие ткани, картины, безделушки.

В глубине одного из залов я наткнулся на винтовую лестницу и поднялся по ней в комнату с балконом, где граф Батиани оборудовал небольшую астрономическую обсерваторию. Полюбовавшись мастерски сделанными инструментами, я попробовал посмотреть в телескоп на солнце, но ослепленный его блеском, присел в кресло. Я сидел неподвижно, смежив ресницы, и в глазах у меня расплывались желто-зеленые круги.

Вдруг до меня донесся крик Барбу:

— Влад, где ты? Скорее иди сюда!

Необычное волнение в его голосе заставило меня бегом спуститься по лестнице. Барбу ждал меня на пороге. В одной руке он держал книгу, в другой — полуистлевший лист пергамента, исписанный мелкими буквами.

Сенсационное открытие

— Посмотри, что я нашел в этой книге! — воскликнул он, протягивая мне манускрипт.

Я взял листок и подошел к окну, стараясь получше рассмотреть мелкий почерк. Документ был написан по-латыни, и мне пришлось немало потрудиться, чтобы уловить хотя бы смысл написанного.

Барбу не дал мне закончить чтение.

— Это послание монаха-иезуита Телезия епископу Георгу Лепешу. В тысяча четыреста тридцать шестом году, незадолго до восстания в Бобыльне, Телезий объехал села в пойме Арьеша, собирая сведения о настроениях крепостного крестьянства. Впрочем, дай пергамент, лучше я тебе его переведу. Слушай: «По прика-

зу вашего преосвященства я беседовал с крестьянами. Ум и сердца их отравлены жгучей ненавистью к знати, королевским поборам, барщине, десятине. В селе по названию Лункань мне довелось услышать немало ереси и крамолы. Один старик, не боясь гнева всевышнего и подстрекаемый дьяволом, заявил, что он знает больше, чем все преосвященные кардиналы Рима. По его словам, вокруг Солнца вращаются девять планет и не только на Земле есть жизнь. На планете Марс тоже-де некогда жили существа, которые обходились без королей, знати и даже без попов, а жили куда лучше, чем крепостные. Он даже утверждал, будто марсиане были такими искусными, что построили два летающих острова. Я пригрозил ему всеми земными и небесными карами, на что он ответил: если люди последуют примеру марсиан, они уничтожат несправедливый строй! Конечно, ваше преосвященство, все это дьявольские козни, но источник их — ненависть к власти».

— Что это? — воскликнул я. — Фантазия или гениальное предвидение? Как мог крестьянин в XV веке говорить о девяти планетах нашей Солнечной системы и двух искусственных спутниках Марса?!

Барбу довольно улыбнулся:

— В том-то и дело! Если бы речь шла о чем-нибудь обычном, стал бы я тебя беспокоить! Меня тоже поразил этот текст. Но ведь астрономия входит в круг твоих занятий, и я решил...

— Ты решил, что я объясню тебе, как мог крепостной крестьянин говорить о существова-

нии Урана, открытого в конце восемнадцатого века, Нептуна, обнаруженного в тысяча восемьсот сорок шестом году, и Плутона, о котором узнали только в тысяча девятьсот тридцатом?!

— А рассказ о двух летающих островах! — перебил Барбу. — Откуда мог знать о них этот старик, когда Галилей и Кеплер тогда еще не родились, а телескопа не было и в помине! Вольтер еще не создал «Микромегаса», а Свифт — «Путешествия Гулливера», где, как ты помнишь, они писали о двух мирах, вращающихся вокруг Марса!

Мы оба разгорячились. Каждый наперебой старался привести все новые доводы в пользу давно уже сделанного нами вывода, что крестьянин из Лункани говорил о том, чего в его времена знать не могли.

— Подожди, Барбу, — я поймал потерянную нить разговора, — старик-то говорил об искусственных, а не о естественных спутниках — о спутниках, созданных руками марсиан. Этого не подозревал даже Холл, впервые увидевший в телескоп двух спутников Марса. По-моему, только в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году профессор Шкловский высказал предположение, что Фобос и Деймос — искусственные спутники.

— Голова кругом идет, — Барбу прикрыл глаза рукой. — Или этот документ — фальсификация, или же мы действительно сделали сенсационное открытие! Что предпринять?

Я предложил прежде всего посоветоваться с библиотекарем. Мы позвали старика и обо всем ему рассказали. После беглого ознакомления с документом библиотекарь подтвердил

его подлинность и по нашей просьбе сделал несколько фотокопий.

Нет нужды распространяться о дальнейших спорах между Барбу и мной. В конце концов мы договорились немедленно вылететь на вертолете в Лункань. Через каких-нибудь полчаса мы уже приземлились в небольшом селении Страны Моцов *.

„Огненная птица“

Если бы кто-нибудь спросил у меня, что мы надеялись найти там, где шестьсот лет назад крепостной крестьянин предвосхитил целый ряд астрономических открытий, я бы затруднился ответить. Самое большее, на что мы могли рассчитывать,— это обнаружить в народных песнях или старинных преданиях отголоски упоминаний о планетах вообще или прямо о Марсе. Разумеется, этого было недостаточно, чтобы оправдать поездку в Лункань, но нас непреодолимо влекла к себе тайна пергамента.

Селение живописно раскинулось на вершине холма среди хвойного леса. Домики едва виднелись в гуще зелени, и только башни солнечных батарей, высившиеся над лесом, выдавали их присутствие. Здесь жили потомки крепостных — рабочие и обслуживающий персонал нового горнорудного комбината.

Прибытие нашего вертолета прошло почти незамеченным. Местные жители привыкли к

* Горная часть Трансильвании. — *Прим. перев.*

оживленному воздушному движению и сами нередко пользовались вертолетами или индивидуальными летательными аппаратами.

Мы приземлились на крыше административного центра — красивого здания, в котором находились все службы местного управления, и по эскалатору быстро спустились вниз, на площадь. Сгорая от нетерпения, мы обратились к первому же встречному с вопросом, где можно узнать об историческом прошлом Лункани. После недолгих размышлений прохожий посоветовал нам пройти к директору гимназии и местного музея Стефану Бонташу.

Дом Бонташа находился в глубине сада, в нескольких шагах от школы. Сад утопал в цветах — то тут, то там виднелись клумбы, цветы были даже подвешены на столбах, образуя причудливую красочную лестницу.

Старый учитель принял нас как дорогих гостей, угостил холодной водой и медом из собственных ульев. Узнав о цели визита, он внимательно ознакомился с фотокопией документа.

— Чрезвычайно интересно,— сказал он.— В самом деле, здешние жители издавна славились богатой фантазией. Легенды и песни у них удивительно интересны. В нашей фонотеке насчитывается свыше тысячи пленок, но сам я, страстный собиратель фольклора, ни разу не встречал упоминаний о Марсе или об его искусственных спутниках. Вероятно, все, о чем поведал старый крестьянин монаху Телезию, было плодом минутного вдохновения и не является достоянием многих. Сожалею, но ничем не могу вам помочь.

Однако Барбу не сдавался:

— Может быть, вы все-таки вспомните какую-нибудь песню или легенду, в которой содержится хотя бы намек на то, что нас интересует? Иногда одна фраза, даже слово могут послужить ключом к решению запутанной проблемы.

Бонташ задумался. Закрыв глаза и сжав ладонями виски, он старался восстановить в памяти все песни и предания, услышанные им за долгие годы жизни.

— Вы филолог,— обратился он к Барбу после долгого размышления,— и должны меня понять. Несколько поколений учителей занимались местным фольклором. Я знаю его не хуже, чем собственный сад или дом. Извечные темы наших сказок и песен — любовь, красоты природы, местные обычаи. Рассказывается в них и о жизни народа в различные исторические периоды. Иногда, особенно в самых старинных преданиях, появляются элементы сверхъестественного, любопытные своей оригинальностью. Так, например, в одном из них говорится о прибытии каких-то странных чужеземцев в серебряных одеждах.

Барбу вздрогнул.

— Чужеземцы в серебряных одеждах? — быстро спросил он. — Это, конечно, рыцари?

— Не думаю! Я имею в виду рассказ одного крестьянина, записанный моим предшественником в тысяча девятьсот пятидесятом году. В нем упоминается о чужеземцах, спустившихся с неба на огненной птице.

При последних словах я подскочил как ужаленный:

— Огненная птица — это, вероятно, ракета! Умоляю, найдите эту пленку!

Бонташ встал, пряча улыбку, подошел к металлическому шкафу, занимавшему всю стену, и нажал кнопку. Из гнезда выскочила кассета с пленкой. Бонташ установил ее на магнитофон, и вскоре в комнате послышался неторопливый старческий голос:

«Мне восемьдесят четыре года, и зовут меня Петре Домаш. Рассказ этот я слышал от своего деда Илларию Домаша, а он — от своего деда.

Давным-давно, когда люди у нас жили в нищете и неволе, угнетаемые графами и католическими священниками, свершилось большое чудо. Однажды ночью небо ярко осветилось, и на землю спустилась большая черная птица с огненным хвостом. Из чрева ее вышли трое в серебряных одеждах. Ни лицом, ни походкой они не напоминали людей. Передвигались прищельцы прыжками, как горные козлы, и разговаривали на каком-то чудном языке. Люди пытались подойти к ним поближе, но чужеземцы избегали встреч и прятались в свою птицу. Несколько крестьян, которым чаще других приходилось наблюдать прищельцев, рассказывали, что те очень искусны: умеют летать, как птицы, переговариваются на расстоянии и даже превращают ночь в день.

Через неделю один из чужеземцев умер. Оставшиеся двое отнесли его далеко в горы и похоронили. Вернувшись, они разобрали птицу на части, а сердце ее тоже унесли в горы. Все остальное они обратили в прах. На месте птицы остались лишь опаленная трава да кучка

пепла. Через несколько дней скончался второй, а последний из пришельцев еще немного поболел и тоже отдал богу душу...

Долго вспоминали в Лункани об этих чужеземцах. Вот о чем рассказывал мне дед Илларие Домаш».

Железная логика Барбу

Мы продолжали спорить и по пути к дому, на крыше которого остался наш вертолет, и, чтобы обсудить все спокойно, зашли в парк и присели на скамью. Мы пытались найти связь между найденным пергаментом и рассказом Петре Домаша. В рассуждениях Барбу была железная логика, пожалуй, с ним можно было согласиться, если принять его основные положения.

— Представим себе,— говорил он,— что шестьсот лет назад в окрестностях Лункани приземлился космический корабль с другой планеты. Само собой разумеется, космонавты обладали знаниями в области астрономии, которые в те времена были неведомы жителям Земли. Пришельцы знали о существовании девяти планет нашей Солнечной системы, о спутниках Марса и о том, что они искусственные. Несомненно, они «переговаривались на расстоянии» с помощью радиоволн, знали различные способы применения электроэнергии, а следовательно, умели «превращать ночь в день».

— Но как узнал об этом тот старый крестьянин?— возразил я.

— Благодаря рисункам и схемам на песке, стене или на какой-нибудь другой плоской

поверхности. Вспомни, что в свое время первооткрыватели пользовались этим способом при первых контактах с населением открытых ими земель. Ничего удивительного, если гости из других миров применяли понятные знаки, придуманные на месте, чтобы договориться с обитателями планеты. Меня смущает другое — почему они никого к себе не допускали?

— Это-то понять просто. Они, несомненно, прилетели на ракете с атомным двигателем. Возможно, реактор вышел из строя и экипаж подвергся радиоактивному облучению. Видимо, их одежда и все, чем они пользовались, было заражено, и поэтому космонавты избегали близких контактов с крестьянами.

— В таком случае, «сердце птицы», спрятанное в горах, и было тем самым реактором, который по-прежнему может представлять грозную опасность для окружающих! Реактор должен находиться где-то поблизости. Кто знает, какие несчастья он причинил или еще способен причинить! Влад, мы должны найти и обезвредить его,— сказал Барбу.— А кроме того, реактор имеет огромную научную ценность — ведь это первое вещественное доказательство существования высокой цивилизации на другой планете, помимо Земли, первое свидетельство посещения нашего земного шара инопланетным кораблем. Представляешь, какой это вызовет шум! Каким будет ударом по позициям тех ученых, которые до сих пор сомневаются в существовании других миров, достигших высокой степени развития?

Мы вышли из парка и поспешили к административному центру, где остался наш верто-

лет. Без особого труда нам удалось раздобыть счетчик Гейгера и запас продовольствия на несколько дней. Захватив все это, мы поднялись в воздух.

Через полчаса мы уже летели над цепью поросших лесом гор, оставив позади белые, казавшиеся игрушечными домики Лункани.

Тайна двух скал

Во время полета Барбу без устали манипулировал счетчиком Гейгера, способным обнаружить любой источник радиации на земле даже с высоты в двести метров, на которой мы находились.

Вертолет описывал широкие круги и уже успел удалиться от Лункани на большое расстояние, а счетчик по-прежнему молчал.

Вечерние тени одели темно-голубым покрывалом горы, леса и цветущие долины.

Мы находились в воздухе уже два часа. Я было собрался предложить Барбу перенести поиски на следующий день и вернуться в Лункань, как вдруг он сжал мою руку. В счетчике Гейгера послышалось редкое пощелкивание, похожее на удары первых капель дождя.

Я так резко подал вперед рукоятку управления, что наш маленький вертолет подпрыгнул, словно норовистый конь, и с головокружительной быстротой устремился вниз. В любом другом случае Барбу не преминул бы сделать мне выговор за столь рискованный маневр, но сейчас он не только его не осудил, но даже поторопил меня сдавленным от волнения голосом:

— Вниз, Влад! Скорее вниз!

Счетчик защелкал быстрее. Теперь мы находились всего метрах в двадцати от земли. Под нами гордо высились две отвесные скалы, стоявшие друг против друга по краям ущелья. Внизу протекал быстрый ручеек, веками подтачивавший камни.

По мере снижения мы все больше убеждались, что именно где-то здесь находится исключительно мощный источник излучения.

Когда мы вышли из кабины, из-за гор уже выплыла луна, а внизу в долине зажглись огоньки Лункани, и свет их смешивался с загоревшимися в небе звездами.

— Сегодня уже поздно что-либо предпринимать,— сказал я.— Давай поставим палатку, закусим и вздремнем, а завтра с утра займемся делом.

Барбу что-то пробормотал — видимо, мое предложение ему не понравилось,— но возражать не стал. Устроившись поудобнее на надувном матрасе, я быстро уснул и спал всю ночь без сновидений.

Меня разбудили первые лучи солнца, проникшие в палатку сквозь щели у входа. Я потянулся, с трудом открыл глаза и увидел, что Барбу исчез. На его матрасе лежала записка: «Дорогой Влад! Прости, но ждать больше не могу. Хочу немного побродить. Не беспокойся, скоро вернусь. Барбу».

Я вскочил и поспешно оделся. Осмотревшись, я убедился, что Барбу захватил с собой счетчик Гейгера и фонарь. Когда он ушел, я не знал, но теперь часы показывали четверть седьмого, а он все еще не возвращался. Я ки-

нулся к ручью. Прямо передо мной высились серые скалы — мрачные и грозные, точно средневековые замки. Внизу под ними бежал быстрый ручеек. С полчаса я бродил в этом странном окаменевшем мире, где не росло ни травинки, не щебетала ни одна птица.

Барбу бесследно исчез. Я продолжал поиски. Карабкался на выступы скал, спускался в обрывистые ущелья и звал, звал... Лишь эхо отвечало мне. Обогнув выступ скалы и пробираясь по узкой тропинке, я вдруг увидел расщелину. С большим трудом я пролез в нее и, пройдя еще метров двадцать, наткнулся на вход в пещеру. Без долгих колебаний я зажег фонарь и вошел под каменные своды. В лицо ударила волна холодного воздуха, пахло сыростью и гнилью. В течение нескольких минут я пробирался по тесному и извилистому коридору, который привел меня в огромный зал со сводчатым потолком, полный сталактитов самых причудливых форм. Одни из них напоминали колонны античного храма, другие сплетались в кружево, столь тонкое, что к ним страшно было прикоснуться, третьи казались экзотическими цветами, выросшими в чаще тропических джунглей.

Оглядываясь по сторонам, я споткнулся и упал. Фонарь выскользнул у меня из рук и исчез, словно сквозь землю провалился. Вскоре, однако, я заметил его огонек далеко внизу: к счастью, предохранительная сетка спасла фонарь при падении. Недолго думая, я решил спуститься за ним. Это оказалось довольно трудным предприятием: стена круто обрывалась вниз. В конце концов мне все-таки уда-

лось добраться до дна расселины. Трудно описать, как я был счастлив, снова ощутив в руке холодный металл фонаря.

Но, осветив пещеру, я окаменел от ужаса: прямо перед собой я увидел Барбу, лежавшего на земле с застывшей на лице гримасой боли. В руке он сжимал какую-то рукопись с зеленоватыми страницами, покрытыми мельчайшими рисунками, напоминавшими иероглифы. Рядом валялся фонарь, а чуть поодаль — счетчик Гейгера. Его щелканье напоминало теперь пулеметную очередь.

Это означало, что мы находимся в зоне невероятно мощного радиоактивного излучения, а ведь Барбу провел здесь несколько часов!

В одном углу пещеры я заметил и самый источник излучения — какой-то черный предмет цилиндрической формы. Это было не что иное, как реактор космической ракеты, той самой «огненной птицы», о которой поведал свидетель из Лункани. Шестьсот лет пролежал он в этой каменной гробнице и все еще продолжал сеять смерть. Об этом свидетельствовали груды костей, о которые я спотыкался на каждом шагу. Все живые существа, попадавшие в пещеру — от медведей до летучих мышей, — находили здесь могилу, пораженные невидимыми лучами.

Неумолимая лучевая болезнь

Я почувствовал, как ледящий холод пробежал у меня по спине, а на лбу выступили капли пота. С огромным трудом я заставил себя побороть страх.

Я взял из рук Барбу рукопись и сунул ее в карман, потом подхватил друга под мышки и потащил наверх. Не успел я одолеть и десяти метров, как мной овладела какая-то странная слабость. Ноги подкашивались, руки ослабели, дыхание стало прерывистым. Я задыхался. Но отчего? Из-за недостатка кислорода... из-за каких-то ядовитых газов... или мощного излучения?..

Сделав над собой сверхчеловеческое усилие, я поволок Барбу дальше. Не знаю, как хватило у меня сил подняться по склону, пересечь зал и коридор и выбраться в расселину.

Снаружи я рухнул на землю рядом с Барбу.

Кое-как собравшись с силами, я начал делать другу искусственное дыхание и брызгать ему в лицо водой, пока он не пришел в себя.

Первыми словами Барбу были:

— Прости меня, Влад, я причинил тебе столько беспокойства. Как ты себя чувствуешь?

Сердце у меня сжалось. Он говорил так спокойно, словно и не подозревал, в каком состоянии находится. А может быть, он не знал, что, пробыв столько времени вблизи реактора, заболел неумолимой лучевой болезнью?..

Барбу словно отгадал мои мысли: горькая улыбка появилась у него на лице.

— Знаю, дружище, я обречен. Время, проведенное в пещере... но прошу тебя — уходи. Ты не имеешь права находиться рядом со мной. Моя одежда, тело — радиоактивны. Смотри, как бы не повторилась история космонавтов с «огненной птицы»!

Очевидно, он забыл, что и я побывал в пещере.

Барбу продолжал:

— Когда я отыскал пещеру, то прежде всего наткнулся на реактор, а потом на рукопись. Кстати, где она? Это документ огромной научной ценности!..

Я протянул рукопись Барбу, и он облегченно вздохнул:

— Это завешание экипажа космического корабля. Они оставили его для нас — жителей Земли, изложив свои мысли при помощи рисунков, которые сравнительно легко расшифровать. Найдя рукопись, я не удержался, чтобы не просмотреть ее на месте при свете фонаря, совсем забыв об опасности. Остальное тебе известно...

Я поднял его на руки и понес к вертолету. Всю дорогу я чувствовал на себе взгляд Барбу — он словно хотел проститься перед вечной разлукой.

В больнице в Лункани нас подвергли тщательному осмотру.

Я находился под воздействием радиации сравнительно недолго и поэтому был вне опасности. Тем не менее мне тоже сделали несколько уколов антирада — недавно открытого эффективного средства против лучевой болезни.

Состояние Барбу было серьезным. Шансов на спасение почти не оставалось. Его отправили в Бухарест и поместили в специальный институт...

Почти месяц Барбу находился между жизнью и смертью. В тот день, когда я получил распоряжение отправиться в экспедицию на «Вихре» и мне наконец разрешили поговорить с ним, врачи еще сомневались в исходе болезни.

Завещание пришельцев с пятой планеты

Николай и Дени слушали Влада, затаив дыхание.

— Но все-таки почему ты так долго молчал? — спросил Дени. — И почему, узнав, что мы должны лететь на Сириус, воскликнул: «Значит, Барбу жив!»?

Влад улыбнулся.

— Я не рассказал самого главного: не объяснил, какая связь между выздоровлением Барбу и нашим полетом.

Как я уже сказал, мне удалось увидаться с Барбу накануне старта. Встреча состоялась в помещении, разделенном прозрачной стеной, где разговаривать можно было только с помощью видеофона.

Барбу осунулся и побледнел, но не пал духом. Собственная судьба, очевидно, мало заботила его.

— Не знаю, удастся ли им спасти мне жизнь, — сказал он. — Окончательный приговор врачи вынесут через четыре дня. Мне хотелось бы успеть закончить работу над рукописью, найденной в пещере. Я постараюсь по возможности точнее объяснить значение рисунков. Но если мне не удастся, если я... умру раньше, это сделаешь ты. Пока что никому ничего не говори. Прощай, Влад. Желаю тебе удачи...

А теперь мне осталось только ознакомить вас с тетрадью, найденной в пещере. Она содержит завещание пришельцев, посетивших нашу Землю шесть веков назад. Я прочту его вам в пересказе Барбу.

Влад пошел в каюту и вскоре вернулся, держа в руках кассету с пленкой. Он вставил пленку в проектор, на экране появилась страница с иероглифами, а рядом другая, напечатанная на машинке.

Влад начал читать:

«К жителям Земли! Мы прилетели сюда на космическом корабле с пятой планеты системы (названия Барбу не смог разобрать), Солнцем которой служит Сириус.

Цель нашего полета — не Земля, а Марс, так как нашими предками были марсиане. 500 миллионов (очевидно, земных) лет назад на Марсе процветала счастливая, полная изобилия жизнь. Обитатели планеты научились использовать ядерную энергию, построили ракеты и два искусственных спутника диаметром восемь и шестнадцать километров.

Но потом произошла катастрофа. Космическое облако неизвестного происхождения поглотило кислород из атмосферы Марса. Вода на планете стала убывать. Моря и реки постепенно высыхали. Население в основном вымерло. Немногие оставшиеся в живых улетели с Марса на ракетах. Часть из них направилась к Земле, но в те времена на вашей планете еще не существовало условий для жизни развитых организмов. Оказалось, что и на других планетах Солнечной системы тоже нельзя жить. Последние жители покинули Марс на самой большой ракете, рассчитанной на длительные перелеты к другим солнечным системам. Космонавты сделали остановку на искусственном спутнике (название расшифровать не удалось, но, видимо, речь идет о Фобосе), где оста-

вили наиболее ценные свидетельства своей культуры: книги, фильмы, произведения искусства, приборы, и отправились дальше.

Через несколько... (земных) лет они оказались в районе Проксимы Центавра, но и там не нашли пригодной для жизни планеты. Прошли еще (годы) путешествия, и наконец марсиане приблизились к Сириусу. Вокруг этой звезды вращаются четырнадцать различных по размерам планет. Космонавты решили остановиться на пятой от Сириуса планете. Условия жизни и здесь оказались очень тяжелыми. Колебания температуры между днем и ночью достигали 60 (единиц измерения температуры, величину которой пока не удалось установить). Растительность была скудной, животный мир находился на очень низкой стадии развития. (В рукописи были приведены изображения нескольких характерных для планеты животных и растений.)

Всего нескольким марсианам удалось приспособиться к условиям жизни на пятой планете. Со временем их высокая цивилизация пришла в упадок. Потомки марсиан одичали, опустились, стали поклоняться Сириусу и огню.

Прошло немало лет, и, несмотря на высокую смертность, население планеты увеличилось до нескольких сотен тысяч. Шаг за шагом они завоевывали все новые высоты науки и техники, улучшали условия жизни. Навыки и таланты неуклонно росли, а это привело к созданию усовершенствованной техники, монументальных сооружений, замечательных произведений искусства.

Наука достигла высокого уровня. Люди вновь научились использовать атомную энергию, вновь построили ракеты. Обитатели пятой планеты побывали на всех остальных планетах системы, но только на двух из них обнаружили простейшие формы жизни.

В ту эпоху были найдены остатки ракеты, на которой некогда прилетели беглецы с Марса, а в ней несколько ценных документов. Таким образом обитателям пятой планеты удалось установить свое происхождение. После этого было принято решение послать экспедицию на Марс и доставить с искусственного спутника сокровища культуры предков.

Выбор пал на нас. Однако в пути атомный реактор ракеты вышел из строя, и это помешало нам достигнуть Марса. Мы решили сесть на Землю, убедившись, что эта единственная обитаемая планета Солнечной системы. Мы надеялись на помощь, но оказалось, что обитатели Земли находятся на более низкой ступени развития, их техника еще не достигла фазы использования атомной энергии, и мы убедились, что они ничем не могут нам помочь.

Излучение реактора вызвало необратимые изменения в нашей крови. Мы поняли, что обречены, и избегали контакта с жителями Земли, боясь погубить их. По тем же соображениям мы разобрали ракету, а реактор спрятали в пещере.

Мы знаем, что жить нам осталось недолго. Когда обитатели Земли найдут реактор космического корабля и эту рукопись, записи помогут им узнать происхождение ракеты и по-

знакомиться с историей населения пятой планеты».

Влад выключил проектор.

— Теперь вам, очевидно, все ясно,— сказал он.— Узнав, что мы полетим на Сириус, я понял, что Барбу жив и опубликовал найденный документ.

— Мы будем первыми, кто вступит на планету, население которой достигло высокого уровня цивилизации! — взволнованно произнес Николай.

— И доставим потомкам марсиан первые вести о судьбе героического экипажа межпланетного корабля и их родном Марсе,— добавил Дени.— Мы расскажем, что Фобос превращен в музей и люди позаботились о найденных там сокровищах.

Космонавты подошли к иллюминатору. Среди миллионов звезд в безднах космоса ярко сверкал Сириус. Все трое молчали, понимая, что словами невозможно передать всю значительность этой минуты. Сильные руки друзей встретились в крепком пожатии в знак нерушимой дружбы и борьбы за победу человеческого разума над силами природы.

Миху Драгомир

БЕЛАЯ ПУШИНКА

Предполагалось, что космонавты пробудут на Белой Пушинке почти месяц. Разумеется, месяц в земном исчислении, потому что там, на этой далекой планете, месяцы значительно короче — в каждом из них только по семнадцати дней. Дней в свою очередь также земных, ибо на Белой Пушинке сутки длятся чуть больше восемнадцати часов.

Это несоответствие времени очень забавляло Мариуса еще в самом начале его карьеры космонавта, и, прибыв на очередную планету, он первым делом составлял собственный «маленький местный календарь». Уточнив необходимые соотношения, Мариус тщательно разрабатывал календарь по всем земным правилам, то есть разбивал годы на месяцы, меся-

цы на недели и так далее. При этом он называл их по собственному произволу, бесцеремонно используя имена оставшихся на Земле друзей, в основном женщин. Получался очень забавный календарь, в котором месяцы назывались «Марта», «Елена» или же «Моя богиня», а первый день недели неизменно носил имя самого Мариуса...

Так было и на этот раз. Не прошло и часа после того как они сели на Белую Пушинку, а «маленький местный календарь» Мариуса уже красовался на почетном месте в салоне космического корабля. В наспех сделанных песочных часах мерно пересыпался мельчайший белый песок, отсчитывая время планеты. Если бы космонавты получше пригляделись к этим нескольким граммам песка, они, возможно, с самого начала смогли бы понять странную природу Белой Пушинки. Но тогда никто из них не обратил на песок внимания. Впрочем, по виду он ничем не отличался от обычного, разве только своим цветом — сверкающе белым. Издали, из иллюминаторов космического корабля, казалось, будто планета покрыта вечными снегами или льдом. Поэтому-то ее и называли Белой Пушинкой. Однако данные спектрографического анализа показывали, что планета отнюдь не оледенела и температура на ней, по-видимому, никогда не опускается ниже нуля. Так как планета представляла собой идеальную площадку для сооружения базы космических кораблей и постоянно действующей автоматической станции, было решено тщательно ее исследовать. Этим и объяснялось появление на ней космического

корабля, в салоне которого красовался «маленький местный календарь» Белой Пушинки.

Экипаж корабля состоял из двух опытных космонавтов, не раз принимавших участие в экспедициях за пределами Солнечной системы. Обязанности между ними не были строго разграничены. Космонавты — Константин и Мариус — сменяли на вахте друг друга. Оба они были превосходными специалистами, и работа велась непрерывно.

Когда космолет опустился на плоскую, как стол, равнину, моросил мелкий дождь, затянувший даль серой дымкой. Непрерывно вращающийся луч радиолокатора сигнализировал, что где-то впереди тянется цепь высоких гор с крутыми, обрывистыми склонами. Кругом же, в пределах видимости, простиралась идеальная равнина — великолепная посадочная площадка для космического корабля.

Однако сейчас из-за сплошной пелены дождя серовато-белую, словно мокрый мел, равнину можно было рассмотреть только на расстоянии нескольких десятков шагов. Тихо. Ни ветерка. Не покидая корабля, космонавты взяли первые пробы. Микроорганизмов в атмосфере планеты не оказалось. Воздух содержал те же элементы, что и воздух Земли, но соотношение между ними было иным — более чем на четыре пятых он состоял из азота.

Утром дождь прекратился и над горизонтом появилось желтое солнце. Мариус, первым прильнувший к перископу, восхищенно воскликнул:

— Быстрее, Константин! Это же сказка!

Константин недовольно пробормотал:

— Вечно млеешь, как только видишь что-нибудь новое... Как девчонка... Ну, что ты там такое узрел?

Но и он не сдержал возгласа восхищения, едва приоткрыл плотные ставни центрального иллюминатора. Равнина сверкала ослепительно белым неподвижным светом. На горизонте рисовались очертания гор. Скопление громаднейших друг на друга пирамид и конусов напоминало друзды кристаллов под микроскопом. Острые вершины горели, словно объятые пламенем, отражая солнечные лучи и рассеивая их молниеносными разноцветными вспышками. На идеально гладких поверхностях пирамид и конусов не было заметно ни малейшего признака растительности. Весь величественно причудливый, насыщенный светом пейзаж казался созданным искусственно.

— Какое-то геометрическое наваждение,— пробормотал Мариус.— По сравнению с этими горами египетские пирамиды — просто жалкие игрушки... Однако горы ли это или какие-то постройки? Уж слишком точные геометрические линии!

Константин с удивлением посмотрел на него.

— По-твоему, эти горы могут быть творением рук человека? Ты же прекрасно знаешь, что на Белой Пушинке не существует живых организмов.

— А что если в этих необычных условиях все же возникли какие-то неведомые нам формы жизни?

— Выйдем и посмотрим,— предложил Константин.

Через несколько минут от корабля отделилась танкетка-робот. Гусеницы мягко шуршали по белому песку, оставляя за собой глубокие ровные полосы, очень гармонизировавшие со всем геометрически четким пейзажем. Песок, словно толстый белый ковер, равномерным слоем покрывал равнину. Механическая «рука» танкетки зачерпнула горсть песка и опустила его в анализатор. Вскоре раздался металлический голос:

— Ничего необычного. Кремний с некоторыми примесями. Свыше девяноста процентов кремния.

Космонавты удовлетворенно переглянулись. Приятно, что их окружают известные элементы. В тех случаях, когда результаты анализатора соответствовали контрольным таблицам, ответ начинался словами «ничего необычного». Если робот не произносил этой фразы, космонавты знали, что необходимо быть внимательными.

— Странно, почему он такой белый? — задумчиво произнес Мариус.

Робот безмолвствовал — подобные вопросы не входили в его компетенцию. Впрочем, Мариус и не ждал ответа.

— Выясним в лаборатории, — сказал Константин.

Вращавшееся над ними чуткое «ухо» танкетки-робота, способное воспринимать и регистрировать даже ультразвук, не улавливало ни малейшего шума. Вся равнина была погружена в неестественную тишину. По мере того как солнце поднималось выше, нагромождение пирамид и конусов сверкало все ярче, краски

непрерывно менялись, переливались, вытесняли друг друга, словно между ними происходило безмолвное сражение. Горные пики и грани извергали багровые снопы стрел, окружавшие их странным ореолом. Казалось, в недрах горного массива пылает невидимый костер, разбрасывая во все стороны разноцветные языки пламени.

Горная цепь вздымалась прямо над песчаной равниной — будто кто-то поставил ее на огромный стол. У ее подножия космонавты вышли из танкетки и подошли к склону, который сейчас, когда его рассматривали снизу и в непосредственной близости, не играл больше пламенными красками, а стал таким же белым, как песок равнины. Обрывы были гладкими и вертикальными, словно по ним прошли рубанком, лишь кое-где можно было разглядеть тонкую трещинку. «Рука» танкетки с трудом отломила кусок породы, и вскоре снова раздался бесстрастный голос:

— Ничего необычного. Кремний с некоторыми примесями. Свыше девяноста процентов кремния.

— А вдруг вся планета состоит из чистого кремния? — Мариус хмыкнул. — Подумать только — такая глыба кремния! Впрочем, вряд ли это нас сильно опечалит — быстрее закончим работу! Где найти для нашей станции лучшую базу, чем такая спокойная, лишенная сюрпризов планета, как Белая Пушинка?

— Мы еще почти ничего не видели, а ты уже готов разделаться со всей планетой! — возразил Константин, налаживая ультразвуковую аппаратуру.

Из танкетки выдвинулась антенна аппарата и слегка завибрировала. Снова раздался металлический голос:

— Ничего необычного. Сплошная порода. Никаких разломов. Глубина четыре тысячи двести четыре метра.

В других местах результаты были такими же. Своеобразный скалистый массив пирамид и конусов представлял собой плотную сплошную породу, основная масса которой состояла из кремния — обычного кремния, столь распространенного на Земле.

— Видишь, Константин, я был прав — ничего, кроме кремния. Попробуем отыскать в горах проход.

В течение нескольких часов танкетка шла вдоль белых скал. Горная цепь возвышалась сплошной стеной, словно крепость с замурованными воротами, и не было никакой возможности проникнуть внутрь. Солнце стояло высоко, воздух накалился. Пейзаж, который раньше представлялся космонавтам столь причудливым, теперь казался гнетуще однообразным: все те же гладкие белые горы, все тот же мелкий неподвижный песок.

— Вернемся, Мариус?

— А может быть, поищем хоть какое-нибудь ущелье?

— По-моему, лучше воспользоваться вертолетом.

— Идея! А то танкетка заладила как попугай: «Ничего необычного, ничего необычного».

Вскоре космонавты уже летели над горным массивом. Сверху горы казались еще более необычными; они еще сильнее напоминали

хаотическое нагромождение кристаллов. Мариус рассмеялся:

— Эх, сюда бы нашего кристаллографа! Вот для кого здесь суший рай!

Они медленно огибали торчащие вершины и зорко вглядывались в темные провалы. Свет, отражаясь от гладких поверхностей, кое-где создавал неожиданные переливы красок, и они еще более подчеркивали темные, словно покрытые ночным мраком, участки. Ближе к центру вершины стали ниже и вскоре слились в чуть наклонное плато. Космонавты с трудом выбрали место для посадки. Горы окружали их сплошным кольцом. Плато было отшлифовано как стекло, и только кое-где тончайшей пудрой блестели пятна песка.

— Настоящая крепость! В древности этот природный бастион был бы неоценим! — воскликнул Мариус.

Хотя космонавты уже освоились с однообразным пейзажем, они продвигались очень осторожно, на каждом шагу проверяя почву металлическими щупами. Плато незаметно шло вниз и внезапно оборвалось глубокой пропастью. Внизу, метрах в ста, в тени, отбрасываемой конусами и пирамидами, слышалось яростное клочкотание. В узком, похожем на колодец отверстии бурлила темная вода. Время от времени уровень жидкости резко понижался, будто ее всасывало в глубину, затем вновь поднимался.

— Вода! А я было подумал, что на этом плоскогорье мы не найдем ничего, кроме кремния! Хорошо бы посмотреть, что представляет собой этот колодец...

С этими словами Константин отошел на несколько шагов в сторону и внезапно почувствовал, что его ноги погружаются во что-то мягкое. В тени трудно было что-либо разглядеть, все казалось одинаково белым и гладким. Константин воткнул щуп, и тот, пройдя сквозь тонкий слой какого-то вещества, похожего на липкий снег, уперся в твердую скалу.

— Что ты нашел, Константин? — Мариус с киноаппаратом в руках перегнулся через край колодца.

— Не знаю. Кажется, снова кремний, но какой-то необычный, похожий на желатин. Жаль, что мы поторопились и не захватили анализатор.

Они отобрали в небольшой герметично закрытый сосуд пробу странного «снега» и решили двинуться дальше — спуститься в заинтересовавшую их расщелину было совершенно невозможно. Мариус заснял на пленку и отметил на карте все особенности ландшафта; были собраны десятки образцов породы, и космонавтам не терпелось узнать результаты анализов.

Внезапно на плато поднялся ветер. Вначале слабый, он быстро усиливался. Когда космонавты подошли к вертолету, порывы ветра вздымали к небу песчаные смерчи, рассыпающиеся прозрачными, светлыми, трепещущими веерами.

— По-моему, здесь безопаснее, чем по ту сторону гор, — сказал Мариус. — Может быть, переждем, пока погода не улучшится?

— Самое безопасное убежище — корабль, — возразил Константин. — Кто знает,

когда прекратится этот ветер, он и так уж начинает смахивать на бурю!

Они поднялись в вертолет, который через мгновение взмыл вверх, раскачиваясь в вихрях, крепчавших с каждым новым порывом.

Вдруг Мариус показал на середину плато:
— Смотри!

Неподалеку от того места, где Константин наткнулся на слой желатинообразного кремния, начали вздыматься волны — они медленно, но упорно ползли в направлении ветра. Редкие белые гребни вздымались вверх и под хлещущими ударами бури опадали каскадами капель. Довольно обширный участок плато внезапно ожил и стал похож на озеро, лениво перекатывающее тяжелые волны. Когда вихрь, словно набираясь новых сил, на мгновение прекращался, белые валы замирали на месте, а затем снова начинали перекатываться — медленно и вяло.

— Это же не вода! — крикнул Мариус. — Это похоже на...

— Проба покажет, вода это или...

— Желатин, — закончил Мариус.

— Может быть, и желатин! По-моему, эти волны того же происхождения, что и геометрические горы...

Перелетев горную гряду, космонавты очутились над равниной и попали в белую пелену взвивающихся отовсюду песчаных завес. Вокруг ничего не было видно. Космонавты с трудом вошли в корабль, сняли скафандры и, оставив их в ионизационной дезакамере, бросились к иллюминатору. За стеклами иллюми-

натора не удавалось различить ничего, кроме бесконечных песчаных смерчей, вздымающихся на сотни метров. В ожидании результатов проб, которые должны были выдать анализаторы, космонавты устало развалились в креслах. Для анализа были взяты пробы белого вещества, похожего на липкий снег, и куски породы, собранные в горах и на плато.

— Опять услышим «ничего необычного», «кремний», — борясь с дремотой пробормотал Мариус. — Я свирепею, когда слышу шаблонные ответы этих безликих машин. Погляди в иллюминатор, что там творится! А они называют это — «ничего необычного»!

Раздался щелчок ультразвуковой установки, и зажглась лампочка, сигнализирующая о начале выдачи результатов, но голос не произнес уже надоевшего «ничего необычного», хотя звучал все так же бесстрастно:

— Проба номер один. Полимерный материал на основе кремния.

Космонавты недоуменно переглянулись. Металлический голос продолжал:

— Проба номер два. Полимерный материал на основе кремния.

Анализ остальных проб дал точно такие же результаты. Замигали разноцветные сигнальные лампочки, затем аппарат объявил:

— Запишите формулы. Проба номер один...

По мере того как голос робота монотонно диктовал, на экране анализатора появлялись сложные структурные формулы, включающие различные элементы, среди которых основное место занимал все тот же кремний — владыка Белой Пушинки.

Когда анализатор закончил работу и автоматически выключился, Константин присвистнул от изумления.

— Ничего не понимаю! Полимерный материал? Интересно, кто же мог изготовить здесь равнины, горы и озера из полимера?

— А может быть, вся планета представляет собой своеобразную лабораторию? — Мариус недоуменно пожал плечами и отбросил в сторону тетрадь с записями химических формул. — Послушай, как насчет обеда? На сытый желудок у меня голова лучше работает.

За стенами корабля белые смерчи продолжали равнодушно кружиться в фантастическом призрачном хороводе.

К вечеру буря стихла так же внезапно, как и началась. Над равниной лениво поднимались две луны, заливая окрестности матовым светом, который придавал безжизненному ландшафту еще более искусственный вид. Горный массив на горизонте сверкал, словно паря в воздухе.

После нескольких часов отдыха космонавты вновь продолжили работу. Результаты анализов по-прежнему их озадачивали. Неподалеку от корабля они установили автоматическую буровую вышку, чтобы исследовать пласты на глубине в несколько тысяч метров и разобраться в структуре породы, которая на поверхности оказалась столь странной. Установка, вибрируя, метр за метром пробивала кору планеты. Через каждые сто метров бур выбрасывал на поверхность пробу и направлял ее прямо в анализатор. Результаты записывались, и робот тотчас сообщал их космо-

навтам. Они могли также изменять режим бурения, получая пробы через каждый метр, а в случае необходимости и чаще.

Сначала бур проникал в породу с трудом, словно ему приходилось пробиваться сквозь металл. Первые сотни метров проходки сопровождалась одними и теми же словами робота:

— Полимерный материал на основе кремния.

Но, достигнув глубины в пятьсот метров, бур пошел значительно быстрее: по-видимому, сопротивление уменьшилось.

— Мариус, возьми пробу! Не ожидай очередной сотни метров! — крикнул Константин. — Возможно, мы наткнулись на какой-то тонкий слой, а потом снова начнется этот проклятый полимер.

Мариус нажал на рычаги, установка вздрогнула, но бур тут же продолжал свой невидимый путь. На поверхности появилась проба, герметично закрытая в стальном цилиндре. На этот раз робот объявил:

— Различные породы. Глина, песчаник, известняк.

— Но ведь это же самые распространенные породы на Земле! — воскликнул Константин. — После пятисот метров начинается земля! Быстрее, Мариус! Неужели глубже мы опять наткнемся на залежи полимера?

Но бур продолжал уходить вниз все с той же легкостью. Результаты пробы неизменно свидетельствовали об одном:

— Глина, песчаник, известняк.

Недра Белой Пушинки, казалось, ничем не отличались от земли, но планета была одета в

толстую броню из полимерного материала, словно кто-то задался целью защитить ее.

Когда бур достиг глубины в три тысячи метров, ночь была на исходе. Обессиленные тяжелой работой и долгим пребыванием в космических скафандрах (как бы хорошо они ни были сконструированы и какими бы удобными ни казались в первые часы, с течением времени они начинали очень мешать), космонавты выключили установку.

Теперь они совершенно ясно представляли себе разрез верхних слоев планеты, скрытых под броней из полимера,— чередование скальных и глинистых пород, влажные пески, пещеры, заполненные смесями всевозможных газов, подземные воды. Все бесчисленные пробы были теперь уложены в лаборатории космолета в небольшие герметично закрытые сосуды. Автоматическая буровая установка проникла в глубь Белой Пушинки, и полученные результаты предстояло довести до сведения всех научных институтов Земли.

— Отбой! — сказал Константин. — Пять обязательных часов сна. Нам еще многое предстоит сделать...

— А может быть, разрешим себе небольшую разминку?

— Какую?

— Давай устроим вылазку на вертолете, ну хотя бы минут на пятнадцать. Смотри, уже светает. Полет освежит нас. После прогулки и спать будем лучше.

— Что ж, неплохая идея.

На этот раз они полетели не к горному массиву, а в противоположную сторону. Гладкая как зеркало равнина постепенно голубела. Луны поблекли, начинало светать. На вершинах гор зажглись первые сиреневые блики. Когда же за горизонтом поднялось желтое солнце, на плоской равнине внезапно сверкнула зеленоватая тонкая искра, затем ослепительно полыхнули змейки молний, тут же слившиеся в пульсирующий светящийся опаловый шар, который стал медленно вращаться. Издали он казался странным световым сигналом.

Космонавты направили вертолет к этому причудливому источнику света, осторожно снизились и повисли метрах в десяти от него. Рассвело, и вся равнина окрасилась в нежно-голубой цвет. Космолет, видневшийся на горизонте, казался частью геометрического пейзажа. Под вертолетом на гладкой поверхности космонавты увидели прозрачный правильный куб высотой примерно в метр. Идеально ровные грани куба словно были вырезаны тончайшим инструментом, а в самом его центре виднелся сгусток молочного цвета. Едва первые лучи солнца коснулись странного куба, как все его углы расцвели ярким фейерверком, а внутри снова полыхнула зеленая молния, извивающаяся будто живое существо.

— Точно алтарь или памятник, воздвигнутый во славу всей гаммы красок,— пробормотал Константин.

— Я же тебе говорил, что мы попали в мир геометрии! Но кто они, эти геометры, которые играют с целой планетой?

Пустынная равнина казалась безжизнен-

ной. Жили только цветные струи, бьющие из одиноко стоящего куба. Мертвые просторы, раскинувшиеся вокруг, лишь подчеркивали ощущение необычности.

Так что же это такое? Каприз природы или?..

— Может, спустимся и возьмем пробу? — предложил Мариус.

— Нет, летим на корабль. Вернемся позднее. Вряд ли куб исчезнет.

— Кто знает? По-твоему, я смогу уснуть, если не узнаю, что это такое?

— Конечно, сможешь, — сказал Константин, направляя вертолет к космическому кораблю. — Гарантирую, что сможешь...

— Н-нда, — буркнул Мариус. — Я-то знаю, что смогу...

Куб смеялся им вслед всеми цветами спектра.

Когда они проснулись, моросил мелкий дождь, как и накануне. В салоне, стоя перед центральным иллюминатором, Константин стал надевать на себя скафандр.

— Снова дождь? — спросил Мариус.

Константин ответил не сразу.

— А тебе не кажется странным, что, хотя здесь так часто идут дожди, мы не обнаружили ни одной речки, ни одного озера? Если не считать колодца в центре плато, никакой жидкости на поверхности мы не видели...

Мариус так и подскочил:

— Ну, конечно же! Как это раньше не пришло нам в голову?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Если здесь, на планете, как мы полагаем, существуют особые, лабораторные условия, то и вода должна быть необычной! Нам с самого начала следовало проверить ее.

Не успел он закончить, как Константин уже привел в движение механическую «руку», и та набрала ковш дождевой воды. Мариус еще делал зарядку, когда бесстрастный голос аппарата произнес:

— Вода пересыщена кислородом. На два атома водорода два атома кислорода. Много примесей...

— Вот оно что... — протянул Константин. — Действительно, как это мы не подумали? Перекись водорода... Теперь ясно, почему здесь нет озер. Под действием дождя пластмасса окисляется, кислород остается в песке, а водород освобождается...

— И все-таки должны же здесь существовать моря или хотя бы озера, иначе откуда берутся тучи?

— Ты прав. Нам нужно перебазироваться. А сегодня постараемся исследовать на вертолете как можно больший район планеты.

Под ними тянулся все тот же однообразный пейзаж — пластмассовая равнина. Кое-где ее белую поверхность прорезали красные струйки, похожие на артерии. Потом на поверхности появились провалы — беспорядочно разбросанные, но идеально прямые, будто проведенные с помощью ножа и линейки. Казалось, здесь повторялся горный массив, который они исследовали накануне, но перевернутый, как на негативе, и погруженный в глубину. Пирамидальные провалы чередовались с коническими.

На дне их то здесь, то там поблескивали водные зеркала.

— Смотри! — в один голос вскрикнули космонавты.

Перед ними раскинулось море — серое, мрачное море, изборозженное концентрическими волнами, словно ветер дул из его глубины; в воздухе не ощущалось ни дуновения, и все-таки поверхность моря, насколько хватало глаз, была покрыта волнами. Над водой плыли синеватые испарения. Обширный пляж, белый и гладкий, как равнина, на которую опустился космолет, обрывался высоким отвесным берегом. На пляже виднелось несметное количество кубов такой же величины, как тот, который космонавты нашли прошлой ночью. Правда, они были разбросаны без всякого порядка, но четкое совершенство их линий заставляло подозревать, что они сделаны разумными существами.

— Идем на посадку, — сказал Константин.

Разыскав подходящее место, космонавты посадили вертолет. Мариус рванулся к морю, но Константин остановил его:

— Сначала выясним, что это за кубы.

Механическая «рука» послушно отломил кусок от ближайшего куба, и через минуту раздался ровный голос:

— Ничего необычного. Хлористый натрий.

Космонавты в изумлении переглянулись.

— Хлористый натрий? То есть... Не понимаю, — ошеломленно пробормотал Мариус.

— Обычная поваренная соль?

— Невероятно! Может быть, аппарат неисправен? Проверим еще раз.

Они откололи кусок, затем проверили анализатор и, только убедившись, что туда не попало ничего постороннего, поместили в него пробу. Ответ не заставил себя ждать — тот же бесстрастный голос произнес:

— Ничего необычного. Хлористый натрий.

— Значит, все-таки... Не понимаю, — голос Мариуса стал сухим и бесстрастным, словно на него повлияли шаблонные ответы аппарата.

— Чего ты не понимаешь? По-твоему, на планете не может быть соли?

— Но...

— Разумеется, ты ждал пластических масс, но ведь анализатор не может нас обманывать. Что ж, сделаем кристаллографический анализ.

Анализатор пробормотал что-то невнятное и затем, к недоумению космонавтов, произнес:

— Ничего необычного. Монокристалл хлористого натрия.

— Знаешь, Константин, — со вздохом сказал Мариус, — боюсь, что...

— Чего ты боишься?

— Боюсь, что анализатор не в порядке...

— Возможно... Но при всех обстоятельствах необходимо повторить анализ в лаборатории, на космолете. Возьмем еще несколько проб от других кубов.

Они медленно побрели по пустынному берегу, похожему на площадку для игр, где дети гигантов разбросали кубики, которые поблескивали теперь в желтом свете дня.

— Подумать только — кристаллы величиной в кубический метр! — бормотал Мариус. — Где это слыхано, чтобы поваренную соль доставляли на морской берег в таких кубах?

Он принялся отбивать кусок этой необычной соли, но неожиданно куб, около которого он находился, стал темнеть, наливаясь фиолетово-синим цветом.

— Мариус, — крикнул Константин, — проверь счетчик!

У каждого космонавта на груди висел небольшой радиационный счетчик. Сейчас его стрелка ожила и еле-еле вздрагивала.

— Ниже нормы.

— Правильно, но будь начеку!

Волнение на море усилилось, волны бежали все быстрее. Синеватый туман над водой начал сгущаться, вскоре небо заволокли темные тучи, которые, казалось, вырастали прямо из моря. Между соляными кубами с воем метался ветер. Стрелки счетчиков бешено дергались, кубы быстро синели, словно от холода.

— Что происходит? — спросил Мариус. — Радиация усиливается!

— Вернемся в вертолет.

— Но мы же не взяли пробу морской воды...

И тут разразилась гроза. Она обрушилась на них внезапно, как бы вырвавшись с яростной силой из морской пучины. Из темно-свинцовых туч, нависших над самым морем, сыпались снопы искр, которые быстро сливались в небольшие, с кулак, желтые шары, лихорадочно подскакивавшие на поверхности воды. Шары пульсировали, как будто внутри них кто-то судорожно корчился. Все так же подпрыгивая, они вздувались, достигали нескольких метров в диаметре и затем рассыпались искрящимся дождем капель, из которых образовывались новые шары.

Как завороженные, смотрели космонавты на эту дикую пляску. Иногда шары сталкивались между собой, и тогда вверх взвивалась зеленоватая молния, притягивая на своем пути сотни других светящихся шаров, которые распадались и вновь возникали с непостижимой быстротой. Молнии вспыхивали все чаще, и наконец по краям туч возникло сплошное изумрудное сияние. Дневной свет совсем погас, но в отсвете желтых шаров и изумрудного венца, трепещущего на небе, можно было ясно различить яростно бурлящие волны и пронизанные фиолетово-синим светом кубы на берегу, из углов которых сыпались снопы искр.

Космонавты бросились к вертолету. В кабине из антирадиационной стали стрелки укрепленных на скафандрах счетчиков постепенно успокоились. Но счетчик, установленный снаружи, тревожно вздрагивал. Радиация стремительно возрастала.

Первые капли радиоактивного дождя, крупные и светящиеся, упали как раз в тот момент, когда вертолет поднялся в воздух.

— Константин, ты только погляди, что происходит с монокристаллами!

Константин оглянулся. Под струями воды кубы на берегу задымились и начали таять на глазах. Но вскоре пелена усилившегося дождя заслонила море и пляж.

Преследуемые ливнем, космонавты все-таки успели добраться до корабля. Едва огромные щиты грузового отсека захлопнулись за вертолетом, как водяные потоки обрушились на равнину. Песок кипел, то тут, то там возникали лужи, которые, хотя ливень не прекра-

щался ни на секунду, мгновенно испарялись, словно поверхность была раскалена докрасна. Изумрудный венец молний плыл над равниной и горами, заливая все призрачным светом.

— Да, это не похоже на обычную грозу, — сказал Мариус. — Надо выяснить, с чем мы имеем дело...

Они включили механическую «руку», но не успели получить ответа, как с криком: «Буровая установка!» Мариус выскочил из салона. Когда он добрался до установки и включил механизм автоматической разборки, в космолете робот объявил:

— Дейтерий-два, кислород-два. Тяжелая вода.

— Мариус! — крикнул Константин в микрофон. — Ты меня слышишь?

Мариус махнул рукой, давая понять, что слышит.

— Сейчас же возвращайся! Это дождь из тяжелой воды! Слышишь?

— Кончаю, — ответил Мариус, — сейчас вернусь.

— Брось установку! Это тяжелая вода, понимаешь?

Мариус еще раз махнул рукой и снова нагнулся над буром. Механизмы усердно демонтировали буровую установку.

В ту же секунду всю равнину как бы охватило желтое пламя, состоявшее из мириадов светящихся шаров. Изумрудный венец исчез; вместо него всего в нескольких метрах от поверхности планеты возник другой, в котором, как в огромной ладони, перекачивались раска-

ленные добела шары. Они сталкивались, сливались, вырастали до гигантских размеров. Один из них завертелся на месте, как бы пытаюсь сохранить равновесие, а затем со страшной скоростью ринулся на буровую установку.

— Мариус! — закричал Константин, невольно зажмурившись.

Когда он открыл глаза, раскаленный шар плясал в воздухе правее корабля, а Мариус лежал на песке неподалеку от разбросанных труб. Константин хотел было окликнуть его, но в ту же секунду Мариус вскочил и стремглав кинулся к кораблю. Танкетка-робот, методически подбиравшая детали буровой установки, невозмутимо следовала за ним.

— Пролетел мимо. Повезло...—Мариус попытался улыбнуться.—Что там происходит?

Он в изнеможении упал в кресло, все еще не в силах унять бившую его дрожь.

— Это тяжелая вода. Теперь тебе понятно, откуда берутся такие гигантские разряды энергии? Это...

— Лаборатория. А что я тебе говорил? Мы должны ее зарегистрировать — ведь она станет одной из самых совершенных лабораторий Института космонавтики.

Через иллюминаторы космонавты могли любоваться грозой во всем ее величии. Огромные шары, неудержимо разрастаясь, перекатывались из стороны в сторону.

— Если они увеличатся еще больше...

А шары все росли, и вскоре на равнине, дымящейся под изумрудными молниями, не было видно уже ничего, кроме гигантских мечущихся шаров.

— Приготовить антирадиационную пушку! Игра становится опасной.

Космонавты поднялись в верхний отсек, где на вращающейся платформе стояла антирадиационная пушка. Достаточно было нажать кнопку, и ствол пушки автоматически выдвигался из стен космического корабля и начинал искать источники излучения. Обнаружив источник такой мощности, что он мог быть опасным, пушка безошибочно уничтожала его.

Не успели космонавты включить механизм, как пушка открыла частую стрельбу. Все вокруг окрасилось в грозный фиолетовый цвет. Антирадиационная пушка вращалась с бешеной скоростью, поражая один бушующий шар за другим. Но едва они лопались, как из ослепительной пыли возникали новые. Весь корабль содрогался от ударов пушки.

Гроза утихла через час. Побледнел изумрудный венец, раскаленные шары превратились в угасающие искры. Дождь продолжался, но счетчики снаружи космолета уже не показывали такого высокого уровня радиации. Над равниной разлился мрачный серый свет. Вдали из дымки выплыл горный массив. Его пирамиды и конусы сверкали всеми цветами радуги. Вконец измотанные космонавты принялись тщательно обследовать весь корабль. Не обнаружив ничего опасного, они вернулись в салон, сняли гермошлемы и уселись в кресла. За иллюминатором виднелась равнина, вся источенная дырами, которые пробуравил в ней дождь. Неподалеку от корабля мрачно поблескивала лужа тяжелой воды.

— Ты видишь воду? — спросил Мариус.

— Да.

— И что ты думаешь делать?

— Я пока не выключил антирадиационную пушку. Гроза может возобновиться в любой момент. Сейчас надо отдохнуть часа два, а потом...

— А потом?

— Сразу же улетим. Видимо, мы еще недостаточно оснащены для такой планеты, как эта.

— Пожалуй, ты прав. А какой безобидной она выглядела...

Издали Белая Пушинка, как и раньше, казалась покрытой вечными снегами. Корабль мчался к Земле. Планета тяжелой воды все удалялась, дружелюбно мерцая.

Вдруг Мариус поднялся, раздраженно снял со стены «маленький местный календарь» и разорвал его на клочки.

— Мариус, ты уничтожаешь собственное творение? Чем провинился календарь? Ведь ты имеешь обыкновение сохранять их...

— А зачем мне хранить его? Чтобы он напоминал, что мы прибыли сюда на месяц, а сумели продержаться только три дня? И каких? Всего-то три дня этой проклятой планеты! И теперь мы должны возвращаться на Землю с пустыми руками! Такого со мной еще не случалось.

— Ну, не совсем с пустыми руками... Ведь мы захватили с собой немало проб, а кроме того...

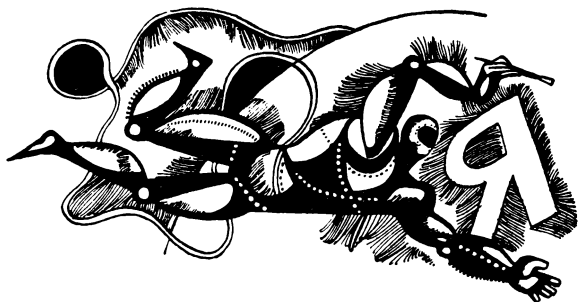
— Тоже мне — пробы! «Ничего необычного. Полимерный материал. Ничего необычного.

Хлористый натрий»! Что мы везем на Землю? Поваренную соль?

— А полимерами не стоит пренебрегать, Мариус. Может быть, Белая Пушинка научит нас вырабатывать новые пластмассы, значительно более прочные, чем наши. Разве это ничего не значит? Вслед за нами сюда прилетит другая экспедиция — а может быть, опять мы, — на другом космическом корабле, оборудованном для таких необычных условий, и тогда будут раскрыты все тайны этой огромной естественной лаборатории, которая называется Белой Пушинкой. Не исключено, что мы везем людям значительно более ценный дар, чем думаем. Может быть, мы открыли нечто совершенно новое. На Белой Пушинке существуют почти те же условия, что и на Земле; в составе воздуха имеются кислород и азот, но только в ином соотношении. И все те пластмассы, которые мы получаем искусственно, на этой планете образует сама природа. Вода здесь тоже состоит из кислорода и водорода, только они находятся в другом соотношении. А водород заменен дейтерием. Вода исчезает, когда дождь все еще льет... Я думаю, что природа Белой Пушинки еще не раскрыла все тайны своего... как бы это лучше выразиться... производства. Пока она только раздражила нас. Но мы обязательно вернемся!

— Ну, в этом ты можешь быть уверен! Никто, кроме меня, не составит «маленький местный календарь» на Белой Пушинке.

Космонавты посмотрели в иллюминатор, но планеты уже не было видно.

Миху Драгомир

ЧЕЛОВЕК-КОМЕТА

Когда космолет миновал Юпитер и выходил из Солнечной системы, направляясь к Тау Кита, мы с Магдой опять поссорились. Я сидел и читал. Вдруг Магда вскочила и выбежала из салона, хлопнув дверью, точь-в-точь как дома, на Земле. В таких случаях я ее ни о чем не расспрашивал, но, очевидно, именно мое молчание усиливало ее обиду. Я заранее знал все, что она скажет — что я не обращаю на нее никакого внимания, вечно сижу, уткнувшись носом в книгу, всегда угрюм и молчалив и вообще стал каким-то чужим и далеким. Кое в чем, пожалуй, она была права, но меня отчаянно раздражали ее попытки навязать мне свою точку зрения.

Через минуту Магда вернулась и резко сказала:

— На этот раз, видимо, ты поймешь — я больше не могу. Разве я для того полетела с тобой, чтобы любоваться, как ты сидишь и читаешь? Хватит, сыта по горло!

Я постарался ответить ей мягко, не повышая тона, ровным, спокойным голосом, хотя, как всегда в подобных случаях, считал себя несправедливо обиженным. Я даже улыбался, но чувствовал, что улыбка получается неестественной, и это еще больше меня злило.

— Дорогая, почему ты не займешься спортом, как все остальные? (Я прекрасно понимал, что это предложение просто нелепо.) Почему ты не слушаешь музыку? (Говоря по правде, Магда очень любила слушать музыку вместе со мной...) Сейчас у нас обоих слишком много свободного времени. Я же обязан учиться. Ты ведь знаешь, что по возвращении на Землю мне нужно сдать экзамены по крайней мере еще по одной специальности. Не могу же я всю жизнь оставаться только врачом. Да пойми ты это наконец, черт возьми!

Не удивительно, что после этого спор сразу же обострился и стал чисто риторическим, так как немедленно начались взаимные упреки и язвительные реплики. Я просто похолодел. Неужели мне не будет покоя даже здесь, в космосе? А ведь экспедиция продлится добрых восемь земных лет...

На сей раз ссора была ожесточеннее, чем обычно, и в конце концов я ушел. Я тоже хлопнул дверью, и это меня немного успокоило. Некоторое время я бесцельно бродил по кори-

дорам, потом машинально зашел в амбулаторию. У нас до сих пор не было ни одного пациента, и мы с Магдой занимались только тем, что каждое утро проверяли медицинскую аппаратуру и инструменты. Магда прозвала амбулаторию «белой гостиной», расставила по всем уголкам вазы с цветами и шутливо утверждала, что будет пускать сюда только экскурсантов, которые захотят ознакомиться с «местом, где в древности лечили тех, кто соглашался заболеть». В эту же «белую гостиную» она собиралась приглашать друзей на каждую годовщину нашей свадьбы.

Я вспомнил все это, и наша очередная сцена, хотя я, казалось бы, давно уже должен был к ним привыкнуть, вдруг причинила мне острую боль. Конечно, Магда очень волевой и энергичный человек, но ведь это-то мне в ней и понравилось когда-то...

Я сидел на диванчике, закрыв лицо руками, и чувствовал, как мной постепенно овладевает апатия. Здесь царила абсолютная тишина, так как амбулатория была тщательно изолирована от внешних шумов; в ней всегда было тихо, даже когда работали одновременно все двигатели космолета. Мягко поблескивали кварцевые плафоны. Все здесь было расставлено нашими руками. Я окинул взглядом аппаратуру — новенькую, блестящую, ни разу не использованную. Хотя космонавты обладали завидным здоровьем, амбулатория была оборудована всем необходимым даже для самых сложных операций. Но пока наши обязанности сводились лишь к тщательному периодическому медицинскому осмотру всех без исклю-

чения членов экипажа — и тех, кто работал, и тех, кто был погружен в длительный сон. Как же мы проведем завтрашний осмотр? Ведь все поймут, что между мной и Магдой произошла серьезная размолвка! При одной мысли об этом у меня перехватило дыхание. Люди покорили космос, научились строить мощные комфортабельные космолеты — настоящие небольшие планеты, где есть все, что необходимо для жизни, — но никак не могут отучиться от древней привычки совать нос не в свое дело! И Магда, наверное, думает сейчас о том же...

— Неужели даже здесь я не могу хоть минутку побыть одна?

Магда стояла на пороге, всем своим видом приглашая меня убраться.

— Магда, все наши перепалки просто нелепы, я хочу...

— А я хочу, чтобы ты оставил меня одну! Можешь готовиться к своим экзаменам, ты, вечный студент!..

Что оставалось делать? Я вышел и в бешенстве зашагал по пустынным коридорам. В эти часы весь экипаж, кроме пилотов, спал. Куда же деваться? Я не сомневался, что, хотя Магда и потребовала оставить ее одну, она пробудет в «белой гостиной» не больше четверти часа, а потом все равно начнет меня разыскивать, чтобы выговориться. Это я знал твердо — ведь мы ссорились не впервые.

Вот почему я решил уйти в хвостовую часть корабля, надеясь, что там Магда меня искать не будет. Мне хотелось спрятаться от нее хотя бы на час, пока она не успокоится.

Я спустился на лифте в нижнюю часть корабля, зашел в один из отсеков, тщательно запер за собой дверь и присел на какой-то ящик.

Отсек был залит тем же ровным белым светом, что и коридор. В нем хранились всевозможные запасы. Он не казался особенно вместительным, хотя и имел в длину метров десять. Не знаю, как долго я просидел неподвижно, стараясь не вспоминать о наших раздорах с Магдой. О чем я думал? Не помню — видимо, я задремал.

Проснулся я внезапно, словно от сильного толчка. Спина одеревенела, почему-то закружилась голова, и я на миг опять закрыл глаза, но тут же пришел в себя. Взглянув на часы, я обнаружил, что провел в отсеке почти пять часов. Наверное, Магда уже испугалась и ищет меня повсюду.

Как глупо было ссориться из-за таких пустяков! Я бы прекрасно мог бросить учебники на часок-другой и пойти с Магдой в бассейн или просто погулять с ней по маленькому парку в центральном отсеке космолета... Ведь она совершенно права — я уделяю ей непозволительно мало внимания! Теперь я вспомнил, что как раз перед этой ссорой она просила меня найти в фонотеке песни наших студенческих лет, чтобы послушать их вместе со мной хотя бы полчаса. А я так углубился в свою книгу, что даже не ответил ей! Мало того — почти тут же, как идиот, посоветовал ей для успокоения нервов послушать музыку. Да, конечно, я вел себя безобразно. Надо сейчас же найти ее и помириться...

Я хотел выйти, но бронированная дверь не повиновалась, как самая простая дверь между двумя обыкновенными комнатами, запертая на ключ. Я дернул ее сильнее — никакого результата. Тогда я начал по очереди нажимать все кнопки и дергать все рычаги, но тоже без всякого толка. Я нашел кнопку сигнала тревоги и нажал ее. Отсек сразу заполнился резким свистом. Я нажал кнопку еще раз и стал ждать, думая о том, как будут потешаться надо мной пилоты. А начальник экспедиции, вероятно, заставит еще раз сдать экзамен по технике безопасности... Хуже того — найдя меня здесь запертым, все поймут, что я снова повздорил с Магдой. Эта мысль привела меня в бешенство. Нет, надо объясниться раз и навсегда. Мы не имеем права выставлять свои чувства на всеобщее посмешище.

Я прождал часа полтора, но ничего не произошло. По-видимому, сигнала тревоги никто не услышал. Я снова включил его, охваченный вполне понятным беспокойством. Потом открыл иллюминаторы и посмотрел наружу. За окнами из прозрачного материала висел непроглядный мрак, в котором горела россыпь ярких точек — обычное зрелище, открывающееся перед космонавтами. Я бил кулаками по двери, кричал, снова и снова нажимал на сигнал тревоги, хотя уже прекрасно понимал, что никто меня не услышит. И действительно, все мои призывы оставались без ответа. Тогда я открыл остальные иллюминаторы и, осмотревшись, понял наконец ужасную правду. Случилось непоправимое: отсек каким-то об-

разом отделился от космолета, и теперь я остался один в бесконечном пространстве.

Как произошла эта катастрофа, я так и не понял. Вероятно, пытаясь открыть дверь, я включил какой-то механизм, который отделил мой отсек от корабля. Хвостовой отсек, да и многие другие части космолета в случае необходимости всегда можно было отделить от основного корпуса. Но не все ли равно, как это случилось? Я был теперь совершенно один, запертый в каком-то подобии тюремной камеры (я читал о тюрьмах в старых, еще докосмических романах). И по чьей бы вине это ни произошло, надо искать какой-то путь к спасению! Однако после первой волны страха я несколько успокоился. «Ведь не случилось ничего страшного, — сказал я себе. — Отделившийся отсек должен покорно следовать за космолетом, как крошечный спутник. Это известно даже детям еще со времен Жюль Верна... Значит, для беспокойства нет никаких оснований». Я знал, что в каждом отсеке имелся по меньшей мере один скафандр для выхода в космическое пространство. И действительно, я быстро нашел такой скафандр, надел его и через узкий герметический тамбур вышел наружу.

Космолета не было.

Я возвратился в отсек, стараясь не поддаваться панике. Итак, я остался один!.. И вдруг невыносимое ощущение полного одиночества обрушилось на меня всей своей страшной реальностью. Бесконечность не вызывает у нас никакой тревоги, когда это абстракция,

обозначенная значком ∞ . Но ведь даже маршруты космолетов, даже путь света от галактики к галактике конечны. А как может чувствовать себя человек, обыкновенный человек, которого слепой случай поставил лицом к лицу с бесконечностью Вселенной?.. Мои мысли были прикованы к космолету, который теперь с чудовищной скоростью удалялся от меня. А я... я с той же скоростью удалялся от него, словно стремясь побыстрее скрыться от тех единственных людей, которые еще были сравнительно недалеко от меня в этом мертвом мире бескрайней пустоты. Я вспомнил, что хвостовой отсек, как и некоторые другие отсеки космолета, был оборудован ракетами обратного действия, так что он не просто отделился, он был запущен в направлении, противоположном курсу космического корабля. И кто знает, когда заметят мое отсутствие?

Да и что они смогут предпринять? Скафандр защищал меня от космического холода, и все же мне казалось, что я уже чувствую характерные симптомы замерзания, когда отчаяние постепенно угасает вместе с сознанием. Нечеловеческим усилием воли я стряхнул гнетущее оцепенение.

Хотя я был осужден на гибель, разум и инстинкт заставляли меня бороться, искать спасения. Пока я еще жив и защищен от беспощадной враждебности космоса, я должен сопротивляться смерти, какой бы неравной ни была схватка, в которую ввергнул меня случай. Но сколько я еще смогу выдержать в узком, неудобном помещении, залитом белым, равнодушным светом? Да и стоит ли вообще

бороться? Имеет ли мое сопротивление хоть какой-нибудь смысл?

Я стал машинально перебирать хранящиеся в отсеке запасы. Увы, среди них не было почти ничего, что могло бы мне пригодиться. Человек, очутившийся на необитаемом острове, все-таки видит растительность, пусть даже скудную, он может собирать ракушки или ловить рыбу и уж, во всяком случае, может вволю дышать воздухом, тем самым воздухом, который у меня скоро кончится. Правда, я обнаружил несколько банок твердого кислорода, предназначавшегося для нашей больничной палаты, но для меня он был совершенно бесполезен: дышать им можно было только с помощью аппарата, а аппарат находился в амбулатории... Итак, у меня имелся лишь обычный регенератор воздуха с весьма ограниченным запасом энергии. Пищи оказалось и того меньше. Но хуже всего было отсутствие какой-либо радиоаппаратуры, с помощью которой я мог бы связаться с космолетом. Каждое новое открытие причиняло мне острую, буквально физическую боль. Я пытался собраться с мыслями, но они были одна безнадежнее другой, и в конце концов я впал в совершенное отчаяние. Чтобы ни о чем больше не думать, я проглотил две таблетки снотворного.

Проснувшись, я машинально посмотрел на часы, но оказалось, что они стоят. Я завел их, но какую пользу могли они принести здесь, в вечном и непроницаемом мраке космоса?! Разве для меня еще продолжало существовать время в обычном смысле слова? А пространство? Обычные понятия о времени и простран-

ве исчезли, слившись в единое чудовище, пожирающее мои последние минуты.

Я помнил, что вошел в хвостовой отсек, когда космолет, пролетев недалеко от Юпитера, покидал нашу Солнечную систему. Но сколько часов — или дней — протекло с тех пор? И куда я мчался на своем крошечном обломке ракеты?

Как ни странно, в эти минуты отчаяния мне в голову приходили самые нелепые мысли: например, я вспоминал старинную историю о Робинзоне Крузо, выброшенном океаном на необитаемый остров... Я бы отдал все что угодно, лишь бы ощутить под ногами хоть клочок земли, лишь бы избавиться от давящей бесконечности космоса. В течение многих веков имя Робинзона Крузо было символом победы человека над жестокими законами одиночества, символом торжествующей воли к жизни. Но он-то был одинок на земле, среди природы, живой и дарующей ему жизнь. Нет, он, собственно, вовсе и не был одинок: он просто находился далеко от остальных людей. Мое же одиночество было абсолютным, поистине космическим, полным отчуждением от всего человеческого.

Чтобы не потерять власти над собой, я обязательно должен был принять какое-либо решение — все равно какое, лишь бы что-нибудь делать. А ведь так просто избавиться от этого кошмара: открыть тяжелые люки герметического тамбура и впустить в эту крохотную ракушку космический вакуум. И все... Но я еще был жив, и все мое существо мучительно жаждало спасенья.

Я вновь принялся перебирать запасы, хранившиеся в отсеке. Отобрав все, что могло в крайнем случае заменить пищу, я принял большую дозу тонизирующего средства, которым мы обычно пользовались при операциях. Эта доза давала мне возможность в течение двух суток не заботиться о еде. Затем я наткнулся на довольно внушительный запас совершенно ненужных мне солнечных зеркал и большой набор красок. Вид его вызвал у меня горькую улыбку.

В те времена во многих космических экспедициях принимали участие художники — любители и профессионалы, нередко даже известные мастера. Тогда только-только начиналась эпоха космического искусства, и художники были готовы путешествовать целые месяцы и даже годы, лишь бы увидеть собственными глазами пейзажи Венеры и Меркурия или, временно поселившись на каком-нибудь спутнике, писать фантастические хороводы облаков на Юпитере. Кстати, одна из таких картин и заставила нас с Магдой стать врачами-космонавтами. Мы еще не решили, кем быть, и, собственно говоря, даже не думали о подобной возможности, когда неожиданно увидели пейзаж единственной планеты Тау Кита — фиолетовое море, берег, затененный огромными синими деревьями, и небо, по которому плыли три луны. Эта картина, известная на всем земном шаре, была написана выдающимся художником и производила на всех потрясающее впечатление. Она принесла нам образ иного, неизвестного мира, который был так похож на наш, но цвета которого обладали столь фантас-

тической яркостью, что перед ними блекли все земные краски. Мы с Магдой тогда как раз получили дипломы врачей.

— Еще две недели поваляемся на пляже, — говорили мы друг другу, — а потом решим, чем заниматься.

Нам уже предложили два места в полярном санатории в Антарктике, и было очень приятно мечтать, как мы будем жить и работать среди ледяных торосов, в стеклянном, залитом искусственным солнцем городе. Были и другие предложения, но, я думаю, в конце концов мы поехали бы туда, на полюс, если бы случайно не зашли на выставку современной живописи, открывшуюся на курорте, где мы проводили отпуск. Когда Магда увидела эту картину, она ахнула, а потом долго молчала.

— Мы должны, обязательно должны увидеть все это собственными глазами!.. — наконец прошептала она.

В эту минуту решила наша дальнейшая судьба. Мы поступили на курсы специализации для врачей-космонавтов и через год отправились в первое космическое путешествие. В течение земного месяца мы кружили вокруг Меркурия, стараясь разгадать тайны его литосферы. Через год я вернулся на Землю глубоко разочарованным.

До первого полета я думал, что любая экспедиция в космос — это настоящее путешествие в мир сказок, где мы ежедневно будем восхищаться неведомыми чудесами, легко, как пушинка, опускаться на другие планеты, обнаруживать новые миры и величественные следы иных звездных цивилизаций, а потом, вернув-

шись на Землю, изумлять человечество своими потрясающими открытиями. Эти фантазии заворожили нас, космическая романтика овладела нами безраздельно, и мы добровольно покорились ее деспотизму, сулящему так много неизведанного и прекрасного.

Однако первая же экспедиция развеяла эти мечты, показав нам трудную и скучную действительность: однообразные дни в космолете, одно и то же неизменное расписание дня, а главное — сплошная, вечная ночь вокруг. Зрелище уплывающей вдаль Земли восхищает только в самом начале. Позже по Земле только тоскуешь. Хотя вокруг простирается необъятность бесконечного пространства, летишь словно по туннелю, окруженный со всех сторон крошечной, непроглядной тьмой. За все время полета мы не совершили ни одной посадки. Да, первая же экспедиция значительно умерила нашу восторженность. Я уже был готов отказаться от должности врача-космонавта и остаться на Земле, но Магда даже слушать об этом не хотела. Первая неудача только раззадорила ее — и именно потому, что не удалось пережить ничего необыкновенного.

— Мы обязаны продолжать, обязаны! — твердила она. — Я должна во что бы то ни стало увидеть Тау Кита!

Копия этой картины висела в нашей каюте, сверкая всеми своими необыкновенными красками, с непреодолимой силой увлекаая нас в глубины космоса.

Наша каюта!.. Я тупо уставился на тюбики с красками и вдруг в отчаянии стал топтать их ногами.

Надеяться на встречу с людьми можно повсюду, но только не в вечной ночи космоса. Шансы на встречу столь ничтожно малы, что практически она полностью исключается. Но заведомо понимая всю нелепость надежды, я все-таки заставлял себя думать о спасении, и это немного успокаивало меня, хотя такое успокоение граничило с сумасшествием. Собственно, я даже не искал выхода, а просто пытался отогнать мысль о неизбежной гибели.

Как долго я сидел в мрачном отупении? Не знаю. В конце концов я решился на осмысленное действие, единственно возможное в моем положении. Я надел скафандр и выбрался наружу. Лечу ли я или неподвижно повис в безвоздушном пространстве? Вокруг черная пустота. Я — единственное живое существо во всей этой необъятности, слабый, беспомощный человек, превратившийся в одинокую комету, потерянный для всех своих спутников и ожидающий полного исчезновения. Где я нахожусь, над своим отсеком или под ним? Низ, верх — эти понятия исчезли. Единственным механизмом, который все еще пытался как-то измерять время, была моя кровь — она судорожно пульсировала, словно крича: «Жив!»

И я написал это большими буквами на боковых стенах отсека, используя все тюбики с белой краской. «Я жив!» — было начертано на одной стороне отсека. «Я жив!» — кричали буквы на другой. Последняя соломинка, за которую я еще мог цепляться. Призрачная и ничтожная надежда! Для моего спасения требовалось, чтобы какой-нибудь космический корабль пролетел поблизости (а что значит «по-

близости» в космосе?), чтобы у него были включены прожекторы (а это случалось лишь в тех случаях, когда космонавты специально что-то искали) и, наконец, чтобы в их лучи попала та крохотная песчинка, в которой ютился я. Лишь в этом случае в немом равнодушии космоса раздался бы крик: «Я жив!»

Несмотря на всю неискушенность в математических расчетах, я прекрасно сознавал, что шансы на спасение равны нулю... Теперь оставалось только ждать. Как долго? Возможно, вечность. А что мне делать в моей затерянной в пространстве тюремной камере? Хотя время для меня уже остановилось, я все-таки ощущал его в нетерпеливом биении своего сердца. Сперва я решил регулярно принимать тонизирующие средства и просто лежать, думая о чем попало. Но в мыслях таилась смертельная опасность. Все они были населены людьми и здесь, в плену мертвой бесконечности, становились настоящей пыткой. Значит, необходимо было помешать им. Для этого я располагал большим запасом снотворного и мог бы себя усыпить, но я боялся тех страшных минут пробуждения, которые вновь и вновь будут убеждать меня в том, что не произошло никаких перемен, боялся, что не смогу в такое мгновение побороть не только свои мысли, но и подсознательные стремления. Я уже ловил себя на том, что машинально тянусь к рычагам, чтобы открыть люки и раствориться в пустоте... Но ведь я еще мог сопротивляться и, значит, должен был бороться до конца! Я упрямо надеялся, что какая-нибудь перемена обязательно произойдет еще до того, как иссякнут мои

последние силы. Мне оставалось только надеяться — и ждать.

Значит, главной задачей стало обезвредить своих непосредственных врагов — собственные мысли и порывы. А для этого необходимо было погрузиться в сон и спать как можно дольше. Это было вполне осуществимо. Космические скафандры снабжены автономной системой жизнеобеспечения, терморегулятором и прибором для регенерации кислорода. Я снова принял большую дозу тонизирующего и надел скафандр. Регенерационное устройство работало безотказно. А если даже оно испортится после того, как я усну, я все равно ничего не почувствую. Не торопясь, постепенно, точь-в-точь как в операционной при гипотермической анестезии, я начал понижать температуру внутри скафандра. Когда температура моего тела дошла до 35 градусов, перед моими глазами поплыл туман, принявший смутные очертания Магды... Я вытянул руки вдоль тела, оставив терморегулятор включенным. Я знал, что температура тела постепенно понизится до 5 градусов, затем понижение прекратится и я останусь лежать в скафандре, погруженный в глубокий сон без сновидений. Только сердце будет биться, медленно и слабо, поддерживая еще теплящуюся жизнь. Я сам себя усыпил и, возможно, навсегда. Теперь мое положение может измениться, только если кто-то проникнет в этот склеп либо метеорное тело разобьет его вдребезги.

Сперва у меня появилось такое ощущение, словно пальцы моих ног погрузились в теплую

воду. Затем постепенно чувствительность кожи полностью восстановилась, и тяжесть, давившая на веки, исчезла. Я осторожно открыл глаза.

Я лежал в большой полутемной комнате. Постель заливал нежно-голубой свет зарождающегося дня. Сквозь плававший перед глазами туман мне улыбалась Магда.

— Ты... — с трудом выдохнул я.

Она приложила палец к губам и улыбнулась так, как умела улыбаться только она одна.

— Где я, Магда?

— Ты со мной. Но тебе нужно спать.

Она наклонилась, мягко провела ладонью по моему лбу, а затем обрызгала из пульверизатора мое лицо наркотическим раствором с хорошо знакомым мне хвойным запахом. Засыпая, я почему-то упорно думал об одном: где мой скафандр?

Не знаю, долго ли я еще спал, но проснулся уже со свежей головой. Магда все еще сидела рядом и смотрела на меня. Лишь тогда я понял, что лежу в «белой гостиной» нашего космолета. Значит, меня спасли? Или все это было просто галлюцинацией?

— Сейчас тебе уже можно сесть.

Она погасила свет и открыла иллюминаторы. Снаружи чуть колыхался, словно спокойно дыша, ярко-синий небосвод, на котором сияли три огромные красные луны. Внизу тянулся пляж и море с лениво переливающимися фиолетовыми волнами. Высокие, синие деревья отбрасывали на пляж свои тени.

— Морской берег на Тау Кита...

— Да, любимый... Видишь, картина нас не обманула. Только ее краски были бледнее, чем в действительности.

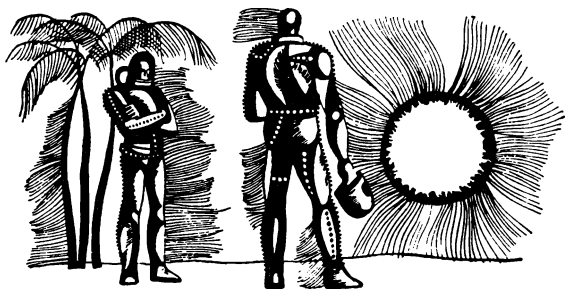
Теперь, записывая по просьбе музея первых десятилетий космических полетов это происшествие, я невольно улыбаюсь. Как мог я хоть на секунду подумать, что друзья бросят меня в космосе и не сделают все возможное и невозможное для моего спасения? Почему мне взбрело в голову, что Магда покорится космосу? Ведь она всегда добивалась того, к чему стремилась, и добралась даже до морского берега на Тау Кита.

Правда, я был из рук вон плохо подготовлен в области техники. После случая, о котором я вам рассказал, было решено, что все участники любой экспедиции независимо от их основной специальности должны твердо усвоить принципы конструирования и вождения звездных кораблей. Так что мой горький опыт имел и положительный результат...

Тогда меня больше всего ужаснула мысль, что космолет и этот проклятый отсек стремительно удаляются друг от друга, причем отсек летит по никому не известной траектории и разыскать его в необъятном космосе можно только случайно. Если бы мне были известны, хотя бы поверхностно, принципы движения расходящихся ракет, я бы знал, что подобная ракета, запущенная с космического корабля, имеет точно рассчитанную скорость и траекторию, и, следовательно, космолет, с которого она начала свой путь, может при необходимо-

сти легко ее догнать. Нам известны орбиты сотен и тысяч крохотных астероидов, и было бы просто нелепо запускать ракеты, не имея возможности следить за ними. Сегодня это знает любой школьник. Вот почему мне так смешно собственное невежество тех лет...

Сейчас я вижу перед собой тот самый отсек, в котором я провел... Сколько я провел в нем времени на самом деле? Мне даже не хочется этого знать, хотя товарищи по экспедиции утверждали, что мое «приключение» длилось всего лишь несколько дней. Но понятие дня имеет какой-то смысл, когда дни отсчитываются на планете или хотя бы на космолете. Там же, в моем отсеке, это слово не значило ничего. Каждый день был вечностью, и это не метафора, а истина. Отсек стоит сейчас передо мной и кричит всеми своими грубо намалеванными белой краской буквами: «Я жив!». Директор музея попросил меня записать всю эту историю на пленку. Ему уже надоело снова и снова повторять рассказ о давнем случае из жизни врача, который не имел ни малейшего понятия о законах движения ракет. Собственно говоря, вся история рассказана двумя скупыми словами: «Я жив!», написанными на стенках отсека. О ней рассказывает и улыбка Магды, которая обязательно хочет, чтобы на сей раз мы пригласили друзей отпраздновать годовщину нашей свадьбы на Тау Кита, на берегу фиолетового моря.

Ион Хобана

ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ

Лежащий на операционном столе космонавт оказался более рослым, чем профессор представлял его себе по фотографиям в газетах и по изображениям на экранах телевизоров. Более рослым и более красивым. Продолжительная гипотермия сделала его тело твердым и холодным как мрамор. Мраморным казалось и бескровное лицо с синевой под закрытыми глазами.

«Интересно, какие у него глаза, голубые или зеленые?» — подумал профессор и, выключив ультразвуковой душ, вложил под веки контактные линзы. Потом он твердым шагом подошел к операционному столу. Теперь все его мысли сосредоточились на одном: он должен вернуть жизнь преждевременно умершему че-

ловеку, впервые в медицинской практике применив новый метод лечения.

Ассистент повернул выключатель, и свет медленно погас. Операционный стол постепенно принял почти вертикальное положение. Кажалось, космонавт вот-вот шагнет по прозрачному полу.

— Включить приборы! — приказал профессор, и на экране зажглось море зеленых искр. Их движение поначалу было хаотичным, но постепенно они сложились в изображение поврежденного участка мозга космонавта. Профессор внимательно изучал тончайшие детали мозговой структуры. Да, диагноз кибернетической установки подтвердился: тяжело травмированы центры памяти.

В прозрачном сосуде были заранее заготовлены клетки искусственного мозга для замены поврежденных. Эти клетки создавались по модели еще живых клеток мозга пациента. Сегодня впервые профессор должен был попытаться заменить часть самой высокоорганизованной материи. До сих пор подобные опыты он проводил только на животных, и результаты не всегда были положительными. Конечно, нужно бы еще несколько месяцев для дальнейших опытов, и все же ждать нельзя было ни минуты...

В зеленоватом полумраке казалось, будто космонавт просто спит. Но сердце не посылало в артерии животворный ток крови. Гипотермия поддерживала слабое равновесие на краю пропасти. Еще несколько минут, и клиническая смерть станет необратимой.

Профессор натянул перчатки биоэлектрон-

ного манипулятора и внимательно взгляделся в изображение на экране. Блестящие скальпели, пинцеты и аппарат для накладывания швов приблизились к разбитому черепу. Выполняя волю человека, они совершали точнейшие движения.

Процесс выздоровления протекал значительно медленнее, чем ожидалось. Хотя пересадка прошла удачно и возвращенное к жизни сердце билось ритмично, сам больной, казалось, не проявлял ни малейшего желания выздороветь. Вначале, несколько окрепнув, он попросил принести ему диктофон, перо и бумагу. Но теперь все это валялось в углу, а космонавт целыми днями неподвижно лежал и молчал. Ел он очень мало, без аппетита, не принимал тонизирующих лекарств и вообще отказывался от лечения.

Прошло две недели. Как-то профессор заглянул к нему после обычного обхода. Усевшись в кресло возле кровати больного, он попытался вызвать его на разговор.

— Я пришел пожуричь вас...

— Ваше право,— вяло ответил космонавт, продолжая разглядывать потолок. — Вы хотите сказать, что вернули мне жизнь, что я должен быть признателен и так далее и тому подобно...

— Не пытайтесь обидеть меня,— добродушно возразил профессор, удобнее устраиваясь в кресле.

— А меня меньше всего интересует, обидитесь ли вы... да и вы сами.

Космонавт грузно перевернулся на бок, словно проверяя эластичность матраса.

«Большой ребенок!» — подумал профессор, и на его губах мелькнула улыбка. Затем он совершенно спокойно сказал:

— А вот меня очень интересует и вы, и ваше здоровье.

— Ну, разумеется. Ведь речь идет о космонавте, открывшем пять планет.

— Не только поэтому! Речь идет о человеке, который не хочет жить. Мой ассистент убежден, что ваша апатия объясняется какой-то еще не обнаруженной нами травмой нервной системы. А я считаю...

— Меня не интересует, что вы считаете. Я хочу спать, — прервал его космонавт.

«Я пошел по неправильному пути, — подумал профессор, — придется менять тактику».

— Хорошо. Не буду с вами спорить, — сказал он. — Меня достаточно утомили корреспонденты, чтобы я еще мог воевать и с...

— Вы изложили им свои предположения? И они согласились с ними? Ну-с, что же будет дальше? Появятся статьи с сенсационными заголовками или решено ограничиться намеками между строк?

Профессор вытащил сначала из правого, а затем из левого кармана пиджака несколько вечерних газет.

— Если это вас интересует, посмотрите сами.

Космонавт не удостоил его ответом. Профессор встал.

— Я покину вас на несколько минут. Мне нужно повидать еще одного больного.

И, словно предупреждая возражение собеседника, повторил:

— Только на несколько минут!

Казалось, никто не прикоснулся к газетам, оставленным у изголовья больного. Однако от внимательного взгляда профессора не ускользнуло, что сейчас они лежали в ином порядке. Было ясно, что их спешно перелистали. А газета «В мире космоса» была даже открыта на второй странице, на статье, озаглавленной «Космонавт выздоравливает». Она начиналась следующими словами: «Как нам сообщил главный врач, жизнь пилота вне всякой опасности. Скоро герой космоса сможет снова...»

— Час вечернего дождя, — с грустью сказал профессор. — Когда-то дождь вдохновил меня на первые стихи, а теперь он напоминает мне о ревматизме, от которого почтенные коллеги так меня и не избавили. Впрочем, я сам виноват. Лет пятьдесят назад, во время экскурсии на Венеру...

— Неужели вы думаете, профессор, что я поверю, будто у вас нет других забот и вы пришли болтать со мной от безделья?

— Нет, но я хочу, чтобы вы поверили: ваше выздоровление очень важно и не только для вас одного!

— Понимаю, — усмехнулся космонавт. — Забота творца о долговечности его творения...

Профессор вздрогнул, но продолжал, не оборачиваясь, смотреть, как за окном самолеты метеорологической службы собирают тучи для вечернего дождя. После продолжительной

паузы, казалось бы, без всякой связи со всем, что сейчас было сказано, он произнес:

— Как вы знаете, много веков назад был так называемый период Средневековья...

— С той же логической последовательностью я мог бы сообщить вам,— прервал его космонавт,— что у моего отца была чудесная коллекция ракушек с планеты Альфа Центавра...

— В те времена встречались и такие чудовища,— невозмутимо продолжал профессор,— которые умышленно калечили детей и заставляли их попрошайничать или показывали их на ярмарках, как настоящее чудо природы. Несчастные уродцы приносили немалый доход... Вот такие «творцы» очень заботились о долговечности своих творений...

Между тем тучи уже слились в неподвижную массу, напоминавшую по форме гигантскую медузу. Самолеты исчезли. Антенна метеорологического центра на какую-то долю секунды раскалилась докрасна и выбросила в небо ослепительную молнию. И тотчас же из «медузы» вырвались мириады серебристых щупалец.

— Я не хотел обидеть вас,— тихо сказал космонавт.— Но вы должны понять меня. Ощущение полной бесполезности...

— Бесполезности?

— Я родился на борту космического корабля, исследовавшего звездную систему Барнарда. Это была ракета эпохи начала освоения космоса: старт с наземной площадки, атомный

двигатель и... скорость, которая сейчас показала бы просто смешной. Два десятилетия в состоянии невесомости... два десятилетия свободного падения с короткой передышкой на совершенно негостеприимной планете, единственное сходство которой с Землей сводилось к той же длине суток.

Я легко переносил все эти трудности, потому что вообще не знал еще жизни в земных условиях. Остальные члены экипажа тоже быстро привыкли к невесомости — у них за спиной был опыт многочисленных полетов. У всех выработалось особое чувство, близкое к тому, которым обладают птицы.

Да, классическая эпоха героики космоса... Тогда главным врагом космонавтов были не метеорные частицы или космические лучи, а время. Люди ели, спали, проверяли работу различных приборов и аппаратов, и так каждый день одно и то же, по строгому распорядку... Я думаю, именно тогда и родилось выражение «убить время», хотя филологи утверждают, что оно появилось намного раньше.

На космолете были микрофильмотека, зал для различных игр и спортивный зал. Но мне больше нравилось слушать беседы космонавтов. Многие писатели утверждают, будто ветераны космических полетов — это молчаливые богатыри с каменными лицами и такими же каменными чувствами. Чушь! Какие жаркие споры разгорались между ними, когда каждый упорно расхваливал «свою звезду» или «свою планету»! А потом в подкрепление своих рассказов они демонстрировали документальные пленки, и я был у них арбитром. Я

часами смотрел на экран, не в силах оторваться от стереоскопических изображений, звуков и запахов миров, чарующих неповторимой красотой. А космонавты рассказывали: «Вот этот лес малиновых кристаллов — единственная форма жизни на планете двойной звезды 61 Лебеда... Здесь мы потеряли трех товарищей... Растения-людоеды сомкнулись над ними, и все было кончено... А эта планета в шестнадцать раз больше Юпитера... Нам едва удалось взлететь с нее...»

О Земле они всегда говорили с какой-то непонятной мне печалью. И казалось странным, как могут тосковать о Земле люди, которые ищут острых ощущений на неизведанных планетах?..

Я знаю, вы скажете: «Ну, как же? Ведь Земля — это колыбель человечества, его родина, мать цивилизации Солнечной системы...» Не спорю, но лично я не из тех, для кого полет на Уран — это лишь приключение! Почему я рассказываю вам обо всем этом? Минутку терпения... Члены нашей экспедиции были, разумеется, специалистами различных профилей. Под их руководством я изучал космонавтику, астробиофизику — словом, все то, что необходимо для получения диплома галактического пилота. Изучал и терпеливо ждал встречи с Землей — я знал, что это обязательный этап на пути к звездам.

Неожиданный рой метеоритов между Юпитером и Сатурном заставил нас израсходовать много горючего. Поэтому торможение при посадке было недостаточным. Моя мать не вынесла этой перегрузки...

Некоторое время я посещал курсы Института космонавтики, с трудом привыкая к жизни на Земле. Потом получил диплом и был зачислен стажером на космический корабль, направлявшийся к Бете Центавра. Врачом этой экспедиции был мой отец. Без особого волнения я покинул Землю...

Нет, не задавайте мне никаких вопросов! Иначе у меня не хватит мужества продолжать...

Итак, мы десятки лет путешествовали в космосе, исследуя звездные системы. Мы обнаружили пять пригодных для жизни планет, а кроме того, открыли немало новых законов, которым подчиняется космос. Один из них носит мое имя. Я изобрел также компенсатор эффекта Допплера. Он установлен почти на всех фотонных космолетах.

Кроме того, я разработал ряд проектов освоения других планет.

Все это сейчас кажется мне громкими названиями давно забытых книг. Я ничего не помню отчетливо. Я забыл, как выглядят открытые мною планеты, забыл найденные закономерности и даже основные принципы космической навигации. Целыми часами я тщетно пытаюсь вспомнить один из основных законов небесной механики. Но напрасно я исписал сотни страниц. Я догадываюсь, в чем дело! Очевидно, при аварии у меня были повреждены центры памяти. А я не могу начинать все сначала. Поймите, профессор, у меня не хватает времени. Я знаю, вы скажете: «Постарайтесь найти свое место здесь, на Земле!» Да, разумеется, меня всюду примут с распростер-

тыми объятиями... Уже через шесть месяцев я мог бы стать заведующим оранжереей растений с Венеры. А через год...

Нет, профессор, эта перспектива меня не прельщает. Представьте себе, что вы вдруг забыли основы вашей профессии, что вы уже не можете больше лечить людей и искать новых путей в медицине... И даже это еще не все. Ведь у вас есть свой дом, своя семья. Вы сын Земли, а я...

Ну, вот. А теперь можете меня бранить сколько вам угодно.

Здание ЦГИ (Центра галактических исследований) излучало ослепительный солнечный свет, накопленный в течение дня. Черный гравиплан, словно огромная бабочка, которую привлек этот ослепительный свет, плавно опустился на верхнюю террасу. Выйдя из кабины, профессор поспешил в кабинет директора.

— Войдите! Вас ждут, — мелодичным голосом произнес робот-секретарь, и профессор невольно подумал: «Наверное, это приятное контральто подбирал сам директор — он ведь большой любитель музыки». Но прежде всего директор был очень занятым человеком. Вот и сейчас он следил по телевизору за отлетом корабля на Марс, одновременно диктуя ответ Солнечному совету и перелистывая полученные Центром отчеты. «Редкая способность расчленять внимание. Говорят, в докосмическую эпоху ею обладал один генерал, который тоже умел заниматься одновременно несколь-

кими делами, — подумал профессор. — Как, черт возьми, его звали?»...

Директор действительно ждал профессора и, увидев его, выключил телевизор и диктофон, отложил в сторону отчеты и приказал роботу-секретарю регистрировать все поступающие сообщения. Затем, повернувшись к профессору, он озабоченно спросил:

— Ну, как идет выздоровление космонавта?

Пока профессор рассказывал, директор все сильнее хмурил брови и наконец воскликнул:

— Нет, нет, мы должны сделать все, чтобы он выздоровел! Я готов предоставить в ваше распоряжение все ресурсы Центра! Солнечный совет слишком многим обязан этому человеку!

— К сожалению, я не в силах вернуть ему память.

— Надо что-то придумать!

...Через час после разговора с профессором директор попросил секретаря вызвать одного из сотрудников Центра.

Это был застенчивый молодой человек небольшого роста. Запинаясь от робости перед прославленным космонавтом, он изложил ему свой необычный, но очень увлекательный план и со страхом ждал ответа пилота, который нервно расхаживал по комнате и, наконец, заговорил отрывистыми фразами:

— Сверхсветовая скорости! Понятно... Это означает, что радиус исследования неимоверно возрастает... Можно исследовать самые отда-

ленные системы Млечного Пути... И даже Метегалактику!

Он внезапно остановился перед креслом молодого ученого.

— Если опыт удастся, ваше имя навсегда войдет в историю космонавтики... Я очень признателен, что вы подумали обо мне. К сожалению, состояние моего здоровья...

— Но профессор сказал... — начал было молодой человек, сильно краснея.

— Профессор не сказал вам всего! — резко перебил его космонавт, но, взглянув на лицо собеседника, добавил уже значительно мягче: — Ну, не знаю... Во всяком случае, вам нужен полноценный сотрудник, а не бесполезный балласт. И вы должны понять, почему я не могу принять ваше предложение. Я даже не в состоянии следить за приборами корабля...

— Эта идея возникла у меня после того, как я прочитал ваш труд об интерференции полей притяжения. Я отправлюсь в путь только в том случае, если вы будете на борту корабля. Предварительные опыты прошли очень удачно. Теперь нам предстоит сделать большой скачок, а профессор сказал...

Ученый заколебался, но голубые глаза космонавта просили, настаивали, требовали, чтобы он продолжал, и он тихо закончил:

— Профессор сказал: «Возможно, сверхсветовая скорость возвратит ему память...»

На полукруглом экране возникло какое-то странное свечение, похожее на полярное сияние. Краски — голубые, красные, зеленые —

сливались и превращались в искрящиеся пучки света.. Космонавт не отрывал глаз от этого необычного сияния, которого он никогда не видел во время своих полетов со скоростью, не превышавшей скорости света.

Склонившись над картой Галактики, молодой ученый сказал:

— Мы приближаемся к системе Лаланд 21-183. Среднее расстояние планеты от звезды — 0,132 единицы. Относительная масса равна 0,06. Период обращения — около 14 лет...

Космонавт, не отрываясь, смотрел на перемены космического сияния.

Анализ дал благоприятные результаты. В атмосфере планеты не было вредных газов. Космонавты сняли с себя скафандры и, облачившись в легкие огнеупорные костюмы из мэлена, более прочного, чем сталь, вышли из корабля.

Первым, что бросалось в глаза на этой планете, была буйная растительность: необычайно высокая трава, сплетения лиан и гигантские деревья, кроны которых образовывали сплошной океан листвы.

Космонавт и его спутник направились к реке, которую заметили еще при посадке. Было жарко, и эта расслабляющая духота мешала думать и двигаться. Но все вокруг говорило о чудовищной жизненной силе — она чувствовалась в непрерывном шуме трав и листвы.

А вот и река! Свинцовая гладь, уходящая куда-то вдаль. Ее вид будил в сознании космонавта какое-то неясное воспоминание. Он

задумчиво приблизился к берегу. Шаг, еще один... Но вдруг молодой ученый остановил его.

— Вы думаете, это опасно?

— Не знаю. Во всяком случае, параграф 37 Устава галактических экспедиций гласит: «Запрещается прикасаться к жидким веществам до их анализа, который обязателен во всех случаях». Впрочем, давайте посмотрим...

С этими словами он бросил в реку сухую ветку. Не успела она коснуться воды, как из глубины выпрыгнуло какое-то существо и схватило ее, сомкнув пасть с чудовищным скрежетом.

Космический корабль устремился дальше в безбрежный океан мирового пространства. Молодой ученый сообщил:

— Приближаемся к системе Росс-614. Планета вращается вокруг общего центра системы со скоростью одного оборота в 15 лет. Она вся покрыта водой.

— Росс-614,— космонавт напряженно нахмурился, стараясь преодолеть провал памяти.

— Вы уже побывали здесь тридцать лет назад. В своем бортовом журнале вы отметили: «Космические корабли исследовательских экспедиций должны быть пригодны для любой среды. Именно потому, что этого еще нет, я вынужден покинуть водную планету, не узнав, что скрывается в ее глубинах».

Космонавт удивленно посмотрел на молодого ученого. Неужели слова, произнесенные им тридцать лет назад, еще живут в памяти этого человека, с которым он лишь недавно познакомился?

На экране ультрафиолетовой радиации появились какие-то странные тени. Не успел космонавт рассмотреть их, как завибрировали стрелки звукового индикатора. Что-то затормозило погружение корабля, а затем он и вовсе остановился.

— Что это? Какое-то препятствие?

Не отвечая, молодой ученый включил большой экран перископа. Космонавт едва сдержал крик. При свете прожектора в глубине ясно виднелись очертания кубических, цилиндрических и шарообразных строений из прозрачного материала.

— Неужели подводная цивилизация?

— Нет. Просто третья экспедиция ЦГИ открыла здесь огромные залежи урановой руды.

Луч прожектора выхватил из мглы множество экскаваторов, дробильных установок и труб, по которым ценное сырье поступало на гигантские склады.

Космонавт впервые ощутил огромную гордость за человека. «Вот что способны сделать посланцы Земли!» — подумал он. И ему захотелось самому быть там, на дне, чтобы посылать заводам и космическим кораблям энергию, которую содержат в себе бесформенные глыбы минерала.

— Бетельгейзе, самая яркая звезда созвездия Орион. Она в несколько миллионов раз больше, чем наше Солнце...

Молодой ученый умолк, заметив пристальный взгляд космонавта. Станным был этот

взор, который преследовал его и позже, когда оба они пробирались по пустыне очередной планеты в поисках каких-либо признаков жизни.

— Относительная масса — 0,1 и довольно большая сила тяжести, — говорил молодой ученый. — Атмосфера непригодна для человека и состоит из метана и аммиака.

Сгибаясь под тяжестью скафандров, оба космонавта брели по пустыне. Вокруг них, словно застывшие волны, высились песчаные дюны. Солнце еще не скрылось за горизонтом, но на небосклоне уже появились три аметистовые луны.

— Передохнем, — сказал космонавт.

Они добрались до небольшой чащи деревьев с фиолетовыми листьями и прислонились к шершавым стволам, от которых падали на песок длинные тени.

— Сумерки, — промолвил космонавт, и в его голосе, слегка измененном рацией скафандра, чувствовалось какое-то странное волнение.

Уходящее на покой светило залило все небо, от бирюзового горизонта до самого зенита, нескончаемыми волнами всех красок радуги.

Молодой ученый невольно вздохнул, но тут же, спохватившись, поспешно сказал:

— Пора возвращаться. После захода солнца температура атмосферы здесь резко падает.

Космонавт не ответил. Ученый оглянулся и увидел, что его спутник снял гермошлем и зачарованно смотрит вдаль. Его лицо казалось теперь совсем молодым. В широко раскрытых

глазах словно отражалась вся волнующая поэзия этой планеты, которую он открыл для себя на закате жизни, полной неутонимых поисков. Со сложным чувством облегчения, радости и смущения молодой ученый тоже снял гермошлем и полной грудью вдохнул запах пальм в оазисе Сахары.

«Неужели еще в джунглях Амазонки он понял, что мы вовсе не покидали Землю? — думал он. — Или он сообразил это, когда мы погружались в Тихий океан?..»

Теперь, когда они смотрели на все окружающее без фиолетового светофильтра, Солнце предстало перед ними в своем естественном виде: багряный диск медленно уходил за линию горизонта, словно не желая расстаться с Землей. Ярче засветились Луна и два ее искусственных спутника. На небе зажглись мерцающие звезды, такие близкие и такие далекие... Космонавт мельком взглянул на них, а потом посмотрел вокруг. Только теперь он по-новому увидел всю красоту Земли, только теперь ощутил ее материнское тепло.

Камил Бачу

ЦИРКОНОВЫЙ ДИСК

Один удар в стену означал: «интересная новость», два — «очень интересная новость», три — «сенсация».

На этот раз раздались четыре удара.

Не успел я подняться со стула, как шеф ворвался в кабинет, размахивая листком бумаги.

— Отправляйтесь немедленно, Гарроу, — приказал он. — Самолет с экспертами вылетает в 11.45. В нашем распоряжении тридцать минут.

— Двадцать восемь, — поправил я. — А нельзя ли узнать, куда он вылетает?

— В Вайоминг.

— В Вайоминг, — задумчиво повторил я.

В прекрасный Вайоминг... Опять сибирская язва у черных коз?

— Хуже, — сказал шеф.

— Ну, значит, там нашли какой-нибудь редкий цветок, — пробормотал я. — Давно мечтаю об этом. А что за эксперты, шеф? Медики, океанографы? Принимая во внимание горный рельеф Вайоминга, я склонен думать, что это океанографы.

— Осталось двадцать восемь минут, — сказал шеф, — а вы даже не пошевелились. Вы слишком ленивы, Гарроу. Если так пойдет и дальше, вряд ли вы будете достойны своего жалованья.

— Так что же это за эксперты? — повторил я.

— Разные специалисты по авиации, психиатры, физики.

— И что им там нужно?

— Они хотят поймать блюдоце.

— Гм. Какое блюдоце?

— Летающее блюдоце, Гарроу. Некий Хайпорн сообщил, что видел, как неизвестный предмет пролетел по воздуху, а жители Дауэлла — одного из самых больших городов Вайоминга — заявили, что этот предмет с виду будто бы похож на компотницу. Военные эксперты не пришли к согласию. Но они склонны полагать, что это спутник-шпион.

— Пропаганда, — заключил я, кивнув головой.

— Конечно, пропаганда, — согласился шеф. — Вы шляпа, Гарроу. Будь вы порасторопнее, вы сами узнали бы все у Портера и поняли бы, что на сей раз это не обычная ис-

тория с тарелками и спутниками. Речь идет уже не просто о каких-то пятнах и облачках, а о спутнике-шпионе с определенным заданием.

— А кто такой этот Хайпорн? Что он за человек?

— Понятия не имею. Кто его знает, может быть, он и не лжет. Надеюсь, в этом вы сами разберетесь. У вас есть деньги?

— Два доллара.

— Не густо. Вот еще двести. Я предупрежу вашу жену, чтобы она не ждала вас к обеду. Счастливого пути. В случае чего — звоните.

Я бегом спустился по лестнице, сел в машину рядом с шофером и стал думать, в чем же, собственно, дело. Рассказы о летающих блюдцах давно перестали быть сенсацией. Слишком многие видели их, а некоторые даже утверждали, будто летали на таких блюдцах на Марс. Вначале видения, связанные с блюдцами, ничем не отличались от религиозных, только на сей раз ангелы не махали крыльями, а вертелись перед носом у верующих в виде суповых мисок. Потом кто-то высказал идею, что блюдца — это вовсе не ангелы, а спутники-шпионы, с помощью которых русские наблюдают за Соединенными Штатами. Нашлись и такие, кто утверждал, будто на них имеются военные экипажи, бомбы, подзорные трубы и прочие мелкие предметы домашнего обихода. В доказательство предъявляли даже фотографии — несколько белых пятен на грязно-сером фоне. Нашлось немало простаков, клюнувших на эту приманку. Тем не менее интерес публики к летающей посуде катастрофически

падал. И вот теперь шеф решил послать меня в Вайоминг — я должен встретиться там с неким Хайпорном, у которого что-то пролетело над головой. Как правило, «специалистами» по летающим блюдам оказывались провинциальные дамы, изнывающие от скуки, несмотря на бурную благотворительную деятельность. Правда, кое-где такое видение снисходило и на мужчин, но они выглядели еще более жалко, чем женщины. Как бы то ни было, всех этих кликуш обуревало одно стремление — прославиться. Если кто-нибудь начинал рассказывать о блюде, тут же находились люди, утверждавшие, будто они видели кастрюлю с пропеллером, а какой-нибудь очевидец доверительно шептал вам на ухо, что ему удалось сделать величайшее открытие — обнаружить летающий таз с отдельным входом. Но хуже всего, на мой взгляд, были не сами басни, а стремление использовать их для военной пропаганды, чтобы взвинтить и без того уже невыносимое нервное напряжение. Мне очень хотелось разом покончить с этим пугалом, и поэтому я нетерпеливо ждал встречи с «ясновидцем» из Дауэлла.

Вопреки моим ожиданиям передо мной стоял совсем молодой человек, лет двадцати пяти — высокий, худощавый, в очках, очень вежливый и сдержанный. Журналисты буквально брали его штурмом, но он серьезно и спокойно отвечал даже на самые глупые вопросы. Кто-то из репортеров спросил его, не подавали ли ему с блюда каких-нибудь сигналов.

— Нет, сэр, — ответил он.

— А оно было совершенно круглое? — спросил другой журналист.

— Да, — ответил Хайпорт.

— Как долго вы наблюдали за его полетом? — снова спросил корреспондент газеты «Ньюпинг таймс».

— Три секунды. Потом оно исчезло.

— В каком направлении?

— В направлении гор.

— И вы не попытались гнаться за ним?

— Это было бы довольно трудно, сэр, так как оно двигалось со скоростью не меньше ста километров в час.

— А там, на нем, кто-нибудь был? Например, космонавт?

— Нет, сэр. Кстати, по-моему, диаметр диска не превышал метра.

— И все же на нем должен был находиться какой-то груз, — задумчиво произнес журналист.

— Почему?

— Вряд ли такой аппарат запустили над нашей территорией только для того, чтобы вы могли им полюбоваться!

— Прошу прощения, — с достоинством ответил молодой человек, — но мне известно лишь то, что я вам сообщил. Выводы вы можете делать сами.

— Итак, — настойчиво продолжал журналист, — вы утверждаете, что на блюде никого не было?

— Никого.

— В конце концов, что ж тут удивительного, — примирительно произнес кто-то, — запус-

тили же мы спутники-шпионы, как только нам позволили технические возможности. Почему бы им не последовать нашему примеру?

— Позвольте, господа! — Хайпорн вдруг повысил голос. — Вы, конечно, мои гости, но я вынужден заявить, что не намерен принимать участие в подобных дискуссиях. Я должен также обратить ваше внимание на то, что аппарат, предназначенный для военных целей, не стал бы летать на высоте всего в тридцать метров. Ведь его было бы слишком легко уничтожить. Однако прошу вас оставить эту тему и задавать только такие вопросы, которые могли бы пробудить интерес ваших читателей к науке или технике.

— Н-да, — пробормотал корреспондент «Ивнинг таймс», — наука... А впрочем, почему бы и нет? Вы геолог и, как настоящий ученый, должны попытаться объяснить это явление. Скажите, не бросилось ли вам в глаза что-нибудь необычное? Цвет, блеск, общий вид?

— Не отрицаю, — ответил Хайпорн, — впечатление было сильное. Но, как вы понимаете, за три секунды, да еще глядя практически против солнца, трудно уловить форму быстро движущегося тела. Будь у меня зрение похуже, я вообще мог бы подумать, что все это мне почудилось.

— Оставьте, — резко оборвал его корреспондент «Ивнинг таймс», — вы ученый и к тому же молоды и здоровы. Ваше описание очень точно, и поскольку все случилось днем, вы должны были заметить множество подробностей. Даже если вы не смогли уловить ничего,

кроме формы предмета, то я уверен, что вы заметили направление его полета.

— Направление? — Геолог несколько растерялся. — Думаю, что... Постойте... Я поднялся по тропинке на вершину Гертруды, то есть шел на северо-запад. Потом повернул направо, значит...

— То есть на северо-восток, — подхватил кто-то из присутствующих.

— Вот именно. Потом я немного свернул влево, чуть-чуть.

— Значит, на север, — перебил его все тот же голос.

— Возможно, — неуверенно согласился Хайпорн. — И тогда... Пожалуй, это круглое тело пронеслось надо мной справа налево.

— То есть с востока на запад, — наставительно заключил голос.

— Все ясно! С востока на запад, — повторил корреспондент газеты «Ивнинг таймс». — Со скоростью сто километров в час над вершиной Гертруды. Позвольте, а на какой высоте?

— Я уже сказал вам, что на высоте тридцати метров.

— С таким же успехом высота может оказаться и триста метров. Определить размеры летящего предмета, глядя на него против солнца, невозможно, если не знаешь расстояния. А расстояние определить невозможно, не зная размеров предмета. Заколдованный круг.

— Вы совершенно правы, — согласился Хайпорн. — Но этот предмет задел вершину одного из больших дубов у дороги, метрах в пятидесяти от бензоколонки, и срезал ветку.

— Срезал ветку?! — Корреспондент «Ивнинг таймс» в волнении вскочил со стула.

— Я поднял ее и взял с собой, — спокойно продолжал молодой человек.

Он подошел к окну и вернулся с дубовой веткой, листья на которой уже начали вянуть.

— Вот она, — сказал он. — Срез удивительно чистый. Я исследовал его под микроскопом — ничего, кроме едва заметных следов.

— Каких следов? — спросил кто-то сдавленным от волнения голосом.

— Следов одного минерала.

— Какого минерала?! — в один голос закричали корреспонденты.

— Тише, джентльмены, — спокойно сказал геолог. — Если, кроме формы и направления полета, вас интересует еще и цвет диска, то я могу сообщить, что он был красноватым. Это сразу бросилось мне в глаза. В первый момент мне показалось, что над моей головой пронесся тетерев, но я не почувствовал ни малейшего ветерка. Позже я сделал анализ нескольких крупинок минерала и понял, что правильно определил цвет — они действительно были красноватыми и напоминали циркон. Таким образом, предмет, замеченный мной вчера в 18 часов по вашингтонскому времени, был, по видимому, куском циркона или родственного ему минерала. Возможно, что тщательный анализ в хорошо оборудованной лаборатории...

Последние слова геолога потонули в грохоте опрокинутых стульев и шуме возникшей в дверях свалки. Журналистов крупных газет Запада не интересовал тщательный анализ, сделанный в хорошо оборудованной лаборато-

рии. Они спешили выбросить на рынок наиболее сенсационную часть сообщения геолога: направление, в котором двигалось блюдо. Цвет минерала, из которого оно было сделано, должен был лишь сделать заголовок более броским.

— Не удивляйтесь, — сказал я геологу. — Вы сами прогнали их. Они нуждались в блюде, прилетевшем с Востока, и вы его им преподнесли.

— Я?! — изумленно спросил Хайпорн. — Но я не сказал им ничего определенного, — продолжал он с видимым раздражением. — Ваши собраты сами установили это направление и теперь, конечно, устроят вокруг него шумиху. Мне это очень не нравится.

Сняв очки, он взял со стола портфель и направился к двери.

— Куда же вы, мистер Хайпорн?

— Мне очень жаль, — ответил геолог, — но я вынужден вас покинуть. Бутерброды и лимонад в холодильнике. Разумеется, вы мой гость, но вы понимаете — другого выхода у меня нет. Все, что произошло за последние три часа, чрезвычайно неприятно, — все эти вопросы, домыслы, инсинуации. Нет, нет, мистер... мистер...

— Гарроу.

— Итак, мистер Гарроу, я исчезаю.

— Каким же образом, если это не секрет?

— На улице у меня стоит машина.

— Вы не возражаете, если я поеду с вами?

Хайпорн скорчил недовольную мину и хотел что-то сказать.

— Меня не интересует направление полета

блюдца, — поспешно добавил я. — Просто любопытно, неужели это и в самом деле был циркон — ведь в этих краях его раньше не встречали, да и вообще изверженные породы попадают здесь очень редко.

Геолог надел очки, внимательно посмотрел на меня и вдруг широко, по-детски, улыбнулся.

— Простите, если я был резок, мистер Гарроу. Поехали.

Два курса технического института не раз выручали меня в моей журналистской работе. Но никогда еще я не был им так признателен, как теперь, когда они хоть на время помогли мне рассеять недоверие этого наивного, но энергичного молодого человека. Правда, насчет циркона я вспомнил совершенно случайно; просто я несколько месяцев назад ездил с группой геологов и немного поднатаскался в терминологию. Но любой, даже самый пустяковый специальный вопрос мог поставить меня в тупик. К счастью, Хайпори молча гнал машину, выжимая из нее всю возможную скорость. Не прошло и десяти минут, как мы уже выехали из города и теперь по пыльному шоссе поднимались к видневшимся на горизонте горам.

— В самом деле, — внезапно сказал Хайпори, — здесь нет изверженных пород, хотя, правда, есть кристаллические сланцы. Но вам, вероятно, известно, что циркон встречается преимущественно в кислых вулканических породах, которых здесь нет вовсе. Однако меня больше заинтересовал красновато-коричневый

цвет следов на дереве. По-видимому, речь идет об очень редкой разновидности циркона — о гиаците. Честно говоря, мне всю ночь снились разные кольца, браслеты... А проснувшись, я подумал, уж не ставролит ли это? Такие же красновато-коричневые следы, и состав близкий. Гиацинт распространен очень широко — от Урала до Цейлона, встречается и у нас. То же самое можно сказать и о ставролите — его зона распространения проходит через Швейцарию, Южную Африку и США. Что же из этого следует? И тут я еще больше запутался — ведь с таким же успехом этим минералом мог оказаться и алмаз. Алмаз принято считать абразивом, он применяется для полировки и шлифовки. Но в чистом виде алмаз — драгоценный камень.

За следующим поворотом шоссе Хайпорн затормозил. Мы находились у подножия скалы, поросшей чахлой травой. Справа зеленели дубы.

— По-моему, лучше свернуть на боковую дорогу, — сказал Хайпорн, — чтобы выбраться из потока машин, идущих к Большому северному шоссе и на каменные разработки. А тут уже никого нет, только моя палатка. Итак, мистер Гарроу, сегодня утром все мои размышления ограничились витринами ювелирных магазинов. Если бы не цвет крупинки, я вообще считал бы это за наваждение, но доказательства налицо. Впрочем, через четверть часа вы сами сможете в этом убедиться — достаточно взглянуть на следы в микроскоп, а я попытаюсь показать вам химические реакции.

Он снова остановил машину — на этот раз

в узкой, очень глубокой лощине, со всех сторон окруженной серыми отвесными скалами.

Хайпорн вынул из багажника несколько ящиков, потом исчез в глубине ущелья и вскоре появился со свертками зеленоватого полотна и несколькими картонными коробками.

— Располагайтесь поуютнее, — сказал он.

Итак, я оказался гостем геолога. Цель достигнута, и к утру я узнаю гораздо больше, чем могли мечтать господа из «Ивнинг таймс». Полный самых радужных надежд, я принялся вбивать колышки палатки в твердую землю. Пока я возился с веревками, Хайпорн открыл ящики, и из них появились банки консервов, спиртовка, надувной матрас, подушка и несколько книг. Затем он установил складной алюминиевый столик, проверил его горизонтальность с помощью небольшого уровня и поставил микроскоп. Установив еще один такой же круглый столик с выдвижными ножками, он разместил на нем штатив с пробирками, несколько никелированных коробочек и фарфоровых тиглей. Не прошло и часа, как палатка превратилась в скромно оборудованную лабораторию.

— Прошу вас, мистер Гарроу, — сказал геолог.

Тонкой стеклянной пластинкой он соскреб крупинки минерала со среза ветки и стряхнул ее в пробирку. Я не видел никакой пыли, но по озабоченному виду геолога мог судить, что он ее прекрасно видит.

— Углекислый натрий, — пробормотал геолог, подсыпая в пробирку немного белого порошка.

Потом он зажег спиртовку и держал пробирку над огнем, пока внутри не образовалась прозрачная капля. Добавив туда соляной кислоты и хорошенько взболтав содержимое, Хайпорн протянул пробирку мне.

— Итак, он растворяется. Ну что ж, теперь воспользуемся лакмусовой бумагой.

Он открыл одну из никелированных коробочек, вынул полоску бумаги и опустил ее в пробирку. Бумага тотчас окрасилась в бледно-оранжевый цвет.

— Вероятнее всего, это циркон, — задумчиво произнес Хайпорн, — но как определить его кристаллическую структуру, как взять пробу на радиоактивность?

Я растерянно пожал плечами.

— Проще всего было бы отправить пробу в настоящую лабораторию, — продолжал Хайпорн, — но, учитывая не совсем обычные обстоятельства, при которых я увидел диск, боюсь, ее могут использовать в чуждых для науки интересах. А мне бы этого не хотелось, мистер Гарроу.

Он выжидательно повернул ко мне свое худое открытое лицо.

— М-да, — протянул я. — Не думаю, чтобы моих коллег очень заинтересовали результаты минералогического анализа. Что касается меня, мистер Хайпорн, то лично я приехал сюда с целью опровергнуть очередную мистификацию. Признаюсь, вы совершенно сбили меня с толку. Я ожидал, что встречу какую-нибудь выжившую из ума барыньку или страдающего галлюцинациями чиновника на пенсии, а столкнулся с ученым, исполненным самых честных

намерений. По правде говоря, я просто не знаю, как быть дальше.

— Хорошо бы отыскать этот проклятый камень, — сказал геолог.

— Но как найти камень среди этого скопления скал?

— В этом нет ничего невозможного, — с улыбкой возразил геолог.

Его лицо светилось таким добродушием, что я невольно улыбнулся в ответ.

— Да, да, ничего невозможного, — повторил он. — Дело в том, что диск пролетел совсем не в том месте, которое я указал вашим коллегам. И эта ветка вовсе не с того дуба, который растет у бензоколонки. Нет. Диск упал в этой лощине тридцать шесть часов назад. Размеры этого ущелья примерно сто пятьдесят на семьдесят метров, то есть десять тысяч пятьсот квадратных метров. Я уже обшарил шаг за шагом больше половины лощины. Если вы поможете мне, то мы найдем его не позже чем к завтрашнему вечеру.

— Неужели вы верите в летающие блюда? — спросил я.

— Разумеется, нет!

— Вы упоминали, что поблизости находятся каменоломни. Может быть, этот камень заброшен сюда сильным взрывом?

— До ближайших каменоломен отсюда два километра.

— Но если допустить, что это был взрыв особенно большой силы? — настаивал я.

— Да, в таком случае камни могли бы разлететься и на один-два и даже три километра.

— А это значит...

— И взорванная скала может дать осколки самой разнообразной формы — от крошечного остроконечного кусочка до продолговатых многогранников.

— Значит? — повторил я, невольно повышая голос.

— Но в этом районе нет ни циркона, ни ставролита, ни альмандина, — тихо сказал Хайпорн. — Их нет нигде ближе трехсот километров отсюда.

Хайпорн что-то мастерил, сидя на надувном матрасе, а я лежал на спине и из-под откинутого полога палатки смотрел, как над зубцами скал скользит полная луна. Как обычно в таких поездках, события разворачивались так быстро, что у меня не было времени их обдумать. Еще утром я был в редакции. В три часа пополудни присутствовал на импровизированной пресс-конференции в пригороде Дауэлла, а теперь, в девять часов вечера, смотрю, как луна цепляется за скалистые стены этого неведомого ущелья в Вайоминге.

— Работает, — вдруг прошептал геолог. — Работает!

Он вскочил на ноги и на радостях отбил чечетку, что совершенно не вязалось с его серьезной физиономией.

— Работает, Гарроу, — взволнованно повторил он.

Несколько часов, проведенных вместе, сблизили нас. В конце концов оба мы были исследователями, общими усилиями разбили палатку в пустынном ущелье и теперь с оди-

наковым нетерпением ожидали рассвета, чтобы отправиться на поиски камня, срезавшего дубовую ветку.

— Что работает? — сонно пробормотал я.

— Телевизор!

— Какой телевизор?!

Этот человек то и дело изумлял меня, не смотря на все мои героические усилия казаться невозмутимым.

— Каким же образом вам удалось заставить его работать? — спросил я с довольно глупым видом.

— А я подключил его через небольшой трансформатор к линии питания карьера — она проходит примерно в двухстах метрах отсюда. Я ведь очень часто бываю в экспедициях, и мне не хотелось бы терять связь с миром. Через год я приспособлю для этого специальный аккумулятор.

— А где же антенна?

— Наверху. Мы находимся на высоте более тысячи метров, и если бы не скалы вокруг, могли бы принимать множество разных программ. Но сейчас нам придется довольствоваться тремя-четырьмя мощными станциями. Вот, смотрите.

Геолог отодвинулся, и за его плечом я увидел экран телевизора, установленного на одном из складных столиков. Изображение было очень нерезким, я не мог различить ничего, кроме белых и черных пятен. Потом на экране возникли какие-то лица — они словно выплыли на поверхность из мутных глубин.

— Что за черт! — возмущенно воскликнул Хайпорн.

Я рассмеялся. Подумать только— даже в этой глуши геологу не удалось избавиться от назойливых журналистов. Все те, кто еще совсем недавно осаждал его вопросами, теперь развязно рассказывали с экрана о случившемся.

— Речь идет о летающем блюдце диаметром около двух метров, — говорил корреспондент газеты «Ивнинг таймс». — Оно двигалось с Востока со сверхзвуковой скоростью и направлялось к крупным населенным центрам Запада. Опасность, которую представляет для нас такой спутник-шпион, подчеркивал и человек, первым его заметивший, ученый-геолог. . .

— Черт знает что! — воскликнул Хайпорн. Он вскочил на ноги, и в тот же миг изображение исчезло.

— Какая наглость! — продолжал взбешенный геолог. — Если бы я знал, что все это примет такой оборот, Гарроу, я бы ничего не рассказывал. Кто знает, что еще наболтал этот тип! И надо же, чтобы телевизор испортился именно сейчас. . .

Геолог снял заднюю стенку телевизора, пытаясь отыскать поломку.

— Здесь все в порядке, — бормотал он себе под нос. — Возможно, я нечаянно нарушил какой-нибудь контакт, когда вскочил с матраса? А может быть, плохо подсоединил кабель к антенне? Придется лезть наверх. Я вернусь через пять минут. Если за это время. . .

Телевизор чуть слышно захрипел, потом внутри послышался легкий треск.

— Ну, ну, старина, — подбадривал Хайпорн свое детище, — еще немного. Не шевелитесь,

Гарроу, а то опять все может испортиться. Контакт восстановился сам.

Экран посветлел, и на нем быстро замелькали фронтоны каких-то зданий, лица людей, крыша небоскреба и снова дома, улицы. Потом изображение исчезло, а когда через какую-то долю секунды экран вновь осветился, на нем забило что-то вроде огромного крыла. Потом на экране появилось серое пятно, перечеркнутое черными линиями и крутыми кривыми, похожими на застывшие волны.

— Ну вот и все,—пробормотал Хайпорн.— Придется мне повозиться с ним еще несколько месяцев. Избирательности нет никакой: то работает как следует, то принимает все волны сразу. Я-то думал, что отключилась антенна, а болезнь, оказывается, внутри. Пойдите!

Телевизор, казалось, умолкший навеки, вдруг снова захрипел. На этот раз экран был освещен гораздо ярче и на нем крупным планом возникло лицо самого Хайпорна с разинутым от удивления ртом. В широко раскрытых глазах читалось неопишное изумление.

— Великий боже, это еще что такое? — упавшим голосом произнес Хайпорн. — Они ухитрились снять меня и теперь показывают всему свету в этом дурацком виде!

Несколько секунд он пристально вглядывался в собственное изображение, потом нажал кнопку и выключил телевизор.

— Черт бы их побрал! — выругался он. — Когда-нибудь я с ними посчитаюсь! Если вы честный журналист, Гарроу, то помогите мне. Я очень рад, что вы не сбежали вместе с этой бандой торговцев сенсациями.

По мокрой от росы траве мы карабкались вдоль провода к гребню скалы, где виднелась антенна, похожая на большую металлическую воронку. Хайпорн решил, что кабель где-то надломился и контакт время от времени восстанавливается сам собой.

Геолог шел впереди, то и дело нагибаясь над проводом, а я брел следом и любовался диким и заброшенным ущельем. До нас доносился отдаленный гул взрывов в карьерах, вдали возникали облачка пыли, розовевшие в свете рождавшегося дня. Вдруг Хайпорн крепко схватил меня за руку.

— Гарроу,— хрипло шепнул он, повернув ко мне побледневшее лицо с дрожащими губами.

Я посмотрел на землю, куда он показывал пальцем, и тоже застыл в изумлении. Провод исчезал под красновато-коричневым диском толщиной в ладонь и диаметром больше метра.

— Это он,— воскликнул Хайпорн. — Это он, я его узнаю!

Мы опустились на колени и принялись ощупывать пористый, влажный от росы камень.

— Просто кусок скалы,— сказал я, стараясь унять волнение. — Просто камень, который природе взбрело в голову сплющить и закруглить таким диковинным образом.

Но Хайпорн не слушал меня. Распластавшись на животе и затаив дыхание, он разглядывал красноватый диск в карманную лупу.

— Гиацинт,— пробормотал он. — Кажется, в самом деле гиацинт. Гарроу, помогите мне сдвинуть его с провода.

Мы подхватили камень и едва не упали.

Диск оказался неожиданно легким — не больше десяти килограммов.

— Это невероятно, — глухо произнес Хайпорн. — В диаметре он больше ста двадцати сантиметров. А сто двадцать в квадрате...

Геолог вытащил из кармана записную книжку и с лихорадочной поспешностью начал подсчитывать.

— Семьсот двадцать килограммов! Ну, что вы на это скажете? — спросил он, растерянно глядя на меня. — Даже при минимальном удельном весе циркона ему полагалось бы весить не меньше пятисот шестидесяти килограммов, а при максимальном — свыше семисот. У ставролита удельный вес тоже большой — семь с половиной, и диск, будь он ставролитовый, весил бы килограммов пятьсот. Ну, а алмадин слишком хрупок, он разбился бы при падении.

— Может быть, это из-за пор? — пробормотал я. — Или он полый внутри?

— Полый... Полый? А может быть, это какой-нибудь продукт отхода при добыче циркона? Непостижимо... Всего десять килограммов вместо шестисот. В шестьдесят раз меньший удельный вес. Это что-нибудь около двенадцати сотых. Как у синтетических губок.

Хайпорн снова опустился на колени и начал ощупывать камень, едва прикасаясь к нему кончиками пальцев.

— Гладкий... — шептал он, — и пористый. Несомненно, это продукт горения. Может быть, кусок породы с ближайших разработок? Но таких минералов здесь нет. Или какой-нибудь очень легкий взрывчатый материал. Способ-

ная плавать взрывчатка... Как вам кажется, Гарроу? А что если это какая-нибудь бомба, плавучая мина?

Геолог смотрел на меня из-под сдвинутых на лоб очков близоруким, добрым и беспомощным взглядом.

— Придите в себя, Хайпорн, — грубо сказал я, чтобы скрыть свое волнение. — Еще немного, и вы поверите в существование летающих блюд.

Геолог поднялся с колен и помотал головой, как бы стряхивая с себя кошмар. Ткнув камень носком, он повернулся к нему спиной, и на лице его расплылась открытая добродушная улыбка.

— Простите, Гарроу, — сказал он, разводя руками. — Не знаю, что на меня нашло. Нервы пошаливают. Наверное, слишком мало спал с тех пор, как эта чертовщина пролетела у меня над головой. Обычно меня не так легко вывести из равновесия.

— Не сомневаюсь, — согласился я. — Вы ведь привыкли бродить в одиночку по ущельям с рюкзаком за плечами. Я убежден, что вы немало повидали во время ваших геологических странствий и не спасуете перед каким-то обломком скалы.

— И все же, — задумчиво произнес Хайпорн, — если как следует поразмыслить...

— Только не здесь, — возразил я. — Доберемся сначала до антенны, проверим, все ли там в порядке, потом оттащим этот чертов камень в палатку и «вскроем» его с соблюдением всех правил анестезии.

— Хорошо, — согласился геолог, — полез-

ли дальше. Мы будем наверху вместе с солнцем.

И в самом деле, заря зажигала вершины скал, и мне казалось, что ущелье вот-вот зазвенит, как огромный колокол, наполненный светом. Туман на дне лощины поредел, и нашим взорам открылась палатка, прилепившаяся между двумя огромными валунами.

— Хорошая у вас профессия, Хайпорн, — тихо сказал я. — Ради таких восходов стоит побродить по горам, даже рискуя не найти ничего, кроме тишины и одиночества. Или одиночество иногда угнетает вас?

Хайпорн промолчал. Запрокинув голову, он смотрел в голубое небо.

— Чистейший перламутр, — продолжал я. — В городе никогда не увидишь такого неба.

— Диск... — вдруг едва слышно пробормотал Хайпорн.

— Что? — переспросил я.

— Диск, — снова сказал геолог.

Я оглянулся. Диск исчез — лишь несколько сломанных стеблей чертополоха отмечали место, где он только что лежал.

По спине у меня пробежал холодок. Вокруг высились серые громады скал, источенных ветром и дождями, торчащие, щербатые. Кое-где пробивалась редкая трава и рос какой-то незнакомый мне вид рододендронов. Подъем был не очень крут, и вся лощина просматривалась сверху, вплоть до небольшой рощицы осокорей. И тем не менее вокруг не было заметно никаких следов диска.

— Очевидно, когда вы толкнули его ногой, он вышел из равновесия и покатился вниз, причем как раз в тот момент, когда мы повернулись к нему спиной. Катился он бесшумно и довольно медленно, потому что он легкий и мягкий. И вот так он потихоньку сбежал от нас в ложину.

Я сам не верил ни одному своему слову, но чувствовал непреодолимую потребность объяснить происшествие, пусть даже по-детски наивно.

— Он ни в коем случае не скатывался вниз, — возразил Хайпорн.

— Что?

— Я говорю, диск не скатывался вниз.

— Тогда, может быть, он взмыл вверх?!

— Совершенно верно, Гарроу. Смотрите.

Мы присели на корточки, и геолог показал мне несколько примятых травинок выше того места, где лежал диск. Он вытащил из кармана лупу, поднес ее к земле, и я увидел на сером камне едва заметные красновато-коричневые следы, словно кто-то протащил здесь кусок ржавого железа. Я рассмеялся:

— Но это еще ничего не доказывает, Хайпорн. Вы мне показали дорожку, по которой диск катился сюда. Следы эти вчерашние или даже позавчерашние — одним словом, они появились здесь, когда ваш цирконовый диск упал и скатился в ложину.

— Не думаю, — пробормотал геолог. — Вчерашний дождь оживил всю растительность: если бы этот летающий камень весил даже двести килограммов, трава все равно поднялась бы. Вот посмотрите.

Геолог вынул флягу и побрызгал на прижатые к земле стебельки. И, действительно, не прошло и пяти минут, как они выпрямились.

— Нет. Это еще ничего не значит, — продолжал я настаивать, хотя уже не столь уверенно, как прежде. — В конце концов, как вы можете объяснить, что камень покатился вверх?

— Да я и не пытаюсь это объяснить. Покатился, и все, черт бы его побрал! Если бы я обнаружил во всем этом хотя бы крупицу логики, то прежде всего постарался бы объяснить, каким образом диск вообще залетел сюда.

— А не думаете ли вы, что это все-таки обломок скалы, заброшенный сюда взрывом?

— Скала с удельным весом пуховой подушки!

— Или, может быть, это изобретение неизвестного нам исследователя, случайно сделанное кем-то потрясающее открытие?

Хайпорн с сомнением посмотрел на меня.

— Изобретение? Неужели, по-вашему, великие открытия, грандиозные изобретения бывают плодом случайности? Нет, дорогой Гарроу. Чтобы открыть камень с удельным весом в двенадцать сотых или около этого, да еще заставить его летать, нужно работать многие годы... И не в школьной лаборатории, а в крупном научном центре. Для создания такого камешка потребовалась бы целая сеть лабораторий, сотрудничество металлургов, специалистов по электронике, кибернетиков, радистов и целой армии химиков. Вот так. А втайне можно это сделать лишь в том случае, если

ставить себе крайне секретные цели. Короче говоря, если речь идет о секретном оружии. Однако наша пресса, которая знает все или, вернее, болтает обо всем, ни словом не обмолвилась по этому поводу, а ведь для этого нужно было бы...

— Что?

— Чтобы ничего не пронюхал ни один репортер, не проболтался ни один фанфарон в генеральском мундире.

— И что же, по-вашему, это значит?

— Что камень в самом деле прилетел издалека, как это утверждали ваши коллеги, хотя лично мне они глубоко антипатичны. При чем прилетел он с Востока.

— Вы бы еще сказали, что это посланец неба! Когда ученые не могут объяснить какое-нибудь явление, они нередко обращаются к богу. Может быть, вы успели даже выяснить, какие военные задачи выполнял этот камень, так легко ускользнувший у вас из-под носа?

Хайпорн пожал плечами:

— Я не намерен с вами ссориться, мистер Гарроу. Как бы то ни было, летающий диск существует. Откуда бы он ни прилетел, его появление блестяще подтверждает наличие антигравитонов. Кварц, касситерит, бериллий, альмандин, циркон — все это чепуха. Я пошел по неверному пути. Вне всякого сомнения, это не минерал, а продукт химической реакции. Не исключено даже, что это циркон, как я и подумал сначала, но антигравитационный циркон, циркон для производства самолетов.

Глаза у Хайпорна блестели, щеки покраснелись.

— Антигравитон, — повторил я. — Антигравитационный циркон. Не обижайтесь, Хайпорн, но все это представляется мне чистейшей фантазией. Даже если мы имеем дело с таким телом, то ведь вы сами понимаете, что между малым и отрицательным весом существует огромная принципиальная разница. Может быть, вы думаете, что этот камень приводится в движение каким-то антигравитационным потоком? В таком случае...

— Гарроу, — прошептал геолог и снова, как полчася назад, схватил меня за руку. — Гарроу!

Вдруг он оттолкнул меня и кинулся вниз по склону, словно вратарь за мячом. Он дважды упал, потерял очки и наконец поднялся, весь растрепанный, сжимая в руках драгоценный диск, который показался мне теперь желтовато-серым.

— Я держу его, Гарроу, — кричал Хайпорн. — Теперь-то я его не упущу! Он прятался под этим кустом рододендрона, поэтому мы его и не заметили. Бежим к палатке, быстрее...

Хайпорн бросился вниз, на каждом шагу рискуя сломать себе шею, и вскоре я потерял его из виду.

Задыхаясь, я добежал до палатки и, откинув полог, в изнеможении упал на матрас. Лишь когда мои глаза привыкли к полумраку, я понял, что в палатке никого, кроме меня, нет и что я принял за геолога его рубашку, брошенную на столик.

— Хайпорн, — позвал я. — Не прячьтесь. Мне тоже хотелось бы посмотреть, что вы там делаете.

Я подождал несколько секунд, но вокруг было тихо.

Ну, конечно, Хайпорн решил работать на воздухе, там светлее. Я вышел из палатки и принялся рыскать по кустам в надежде, что застану ученого за каким-нибудь опытом, который он не пожелал мне показать. Но геолог бесследно исчез, и эта игра в прятки начала меня раздражать: если он решил продолжать исследования один, ему стоило только сказать мне об этом, и я не таскался бы за ним, как пригостишка.

— Хайпорн! — закричал я во всю глотку. — Хайпорн!

Эхо загрохотало по скалам каньона и рассыпалось вдали, точно град мелких камешков. Вокруг снова воцарилась тишина, прерываемая только гулом отдаленных взрывов.

Меня охватило беспокойство: может быть, Хайпорн — ученый-маньяк и прячется, чтобы я не украл его секрет? А что если он свалился со скалы и лежит теперь беспомощный где-нибудь поблизости? Решив, что нет никакого смысла торчать у палатки и надирать горло в надежде, что меня услышат, я опять поднялся на гребень, продолжая шарить по кустам и звать геолога.

Через каждые двадцать шагов я останавливался и проверял провод, который вопреки опасениям Хайпорна оказался в полном порядке. Так я добрался до вершины скалы, до того места, где возвышалась антенна телевизора,

напоминавшая благодаря своим четырем воронкам радиолокационную установку.

Внизу расстилалась подернутая дымкой равнина, края которой терялись в тумане за голубой лентой ручья. Прямо подо мной тускло поблескивало несколько красных крыш, между ними вилась узкоколейка. До моих ушей доносились голоса, смех, но мне не удавалось ничего рассмотреть, кроме каких-то шевелящихся теней. Как всегда в тумане, звуки казались то приглушенными, то очень четкими. На мгновение слышалась чья-то ругань. Потом я разглядел внизу ватагу скачущих верхом мальчишек. У переднего в руках была веревка, по-видимому, от парившего в небе змея.

Тогда я сбросил пиджак и принялся размахивать им, как флагом, решив, что эти сорванцы могут оказаться прекрасными помощниками в поисках геолога. Мальчишки, вероятно, заметили меня, потому что один из них выстрелил из пистолета, и все остальные, как по команде, повернули к скале, на вершине которой я стоял. Но когда солнечные лучи пронизали толщу тумана, я увидел, что все они пригнулись к гривам лошадей и бешено скачут куда-то по каменистой равнине. Вскоре я обнаружил, что это не дети, а взрослые, одетые во что попало, и многие без седел.

— Эй! — крикнул я. — Э-эй!

Последние клочья тумана растаяли в голубом небе, и внезапно передо мной появился змей, которого пускали скакавшие внизу люди, — дракон с четырьмя лапами и огромной головой. Я подумал, что это, вероятно, ковбои, решившие после очередной попойки развлечь-

ся стрельбой по змею. А может быть, это какая-нибудь традиционная игра рабочих из каменоломен Вайоминга?

Всадники гуськом обогнули глубокую впадину и бешено ринулись к отвесной скале. Я слышал лошадиный хrap, возгласы и даже стук подков по каменистому грунту. Громадная тяжелая игрушка повернулась, и четыре лапы дракона вдруг оказались человеческими руками и ногами, огромная голова — круглым камнем, а веревка — лассо, которым был привязан к диску человек в разорванной одежде, испускавший отчаянные вопли.

— Хайпорн! — в ужase прошептал я.

С диким шумом, ржанием и криками кавалькада остановилась у подножия скалы, а геолог продолжал скользить по воздуху к антенне с четырьмя воронками. Страхнув овладевшее мной оцепенение, я кинулся наперерез и как раз в тот момент, когда Хайпорн оказался над краем скалы, схватил его за ноги и рванул вниз. Я ожидал, что меня подбросит и швырнет куда-нибудь в сторону, но Хайпорн сполз ко мне на руки, как узел с бельем, а диск, описав несколько кругов, плавно и бесшумно опустился на землю.

— Солнце... — с трудом проговорил Хайпорн. — Свет...

— Молчите! Молчите! — остановил я его. — Лежите спокойно.

— Свет... — продолжал бледный как полотно геолог, едва шевеля пересохшими губами. — Не заслоняйте его... Фотонный эффект...

Голова его упала на грудь, и он умолк, не закончив фразы. Я осторожно уложил Хайпор-

на на спину, подсунул ему под голову свернутый пиджак и стал ждать людей, которые, задыхаясь, карабкались на скалу.

Взмокшие и поцарапанные каменотесы расселись вокруг диска на почтительном расстоянии, словно этот бурый камень был для них табу. Они с беспокойством и даже опаской поглядывали на меня, будто это я заколдовал с вершины скалы всю долину.

— Что тут у вас случилось? — спросил я.

Люди молча переглянулись и снова усталились на стонавшего Хайпорна, который лежал у подножия антенны.

— Как вам удалось набросить на него лассо? — с улыбкой спросил я. — Это довольно мудро сделать со скачущей лошади.

— Да он, проклятый, все никак не хотел остановиться, — ответил русоголовый крепко сколоченный парень, тот самый, что скакал впереди. — Я увидел его в тумане, когда мы рассаживались по грузовикам, чтобы ехать в карьер. Мне показалось, будто это лысый кондор.

— И верно, он сказал, что это лысый кондор, — подтвердил худощавый взлохмаченный каменотес. — Тедди сказал, а мы, конечно, поверили. Он у нас глазастый.

— Глаза у меня и правда хорошие, — продолжал рассказчик. — Но я не был уверен, что это кондор, слишком уж низко он крутился над нами. Я схватил ружье и сказал им, чтобы они побереглись, — птица могла свалиться кому-нибудь на голову. Но тут сверху раздался голос: «Не стреляйте!»

— Точно, — подтвердил худощавый. — Мы прямо рты разинули. Тедди решил, что это кто-то шутки шутит, да куда там.

— Я даже спросил, кто из них дурачится, но сверху снова закричали: «Бросьте веревку!»

— По веревке, значит, — захихикал худощавый. — Прямо с неба в каменоломню Донвал!

— Тогда я не на шутку перетрусил, — продолжал каменотес свой рассказ. — В жизни не встречал святых и не верил, что они еще бродят по Вайомингу, но когда тебе кричат с неба — это уж слишком. Если бы все это было поближе к скалам, я бы решил, что кричит кто-нибудь из спортсменов, которые лазают по горам, а так меня прямо в дрожь бросило.

— А он у нас и черта не боится, — сказал худощавый. — Тедди остается здесь на ночь один и без оружия, и никто не осмеливается подойти.

— Верно, — с подкупающей простотой согласился рассказчик. — Но тогда я не знал, что и думать, а тот опять свое: «Помогите, — кричит, — я испытываю аппарат, а он потерял управление». Ну если так, думаю, тогда дело другое, и сердце у меня сразу встало на свое место. Откашлялся я, чтобы прочистить горло, и закричал: «Спуститесь пониже, мистер». «Не могу», — отвечает он. «Тогда обождите немного, пока рассеется туман». «И ждать не могу, — отвечает. — Аппарат меня больше не слушается». «Что же нам делать?» — спрашиваю я. «Накиньте, — говорит, — на меня лассо». Представляете, мистер, каково это — набросить лассо на какое-то облако.

— То покажется, то спрячется, — добавил художавый.

— Потом вышло солнце, — продолжал рассказчик, — и мы увидели, что вот этот мистер лежит на чем-то круглом и порхает, точно пушинка над дымящей трубой. Кто-то подал мне лассо, и после нескольких попыток я его поймал. «Тяните вниз!» — кричит ваш дружок, и мы стали тянуть, но ничего не вышло. Тогда он обвязал веревкой аппарат и себя и сказал, чтобы мы ни в коем случае его не отпускали. Аппарат, мол, может вырваться и улететь, поэтому нам лучше сесть на коней, чтобы не упустить его. Ну, ребята скоренько привели коней...

— Нет, сначала мы вчетвером попытались стащить его вниз, — поправил художавый. — Взялись все разом, а остальные куда плотнее меня. Вместе мы тянем не меньше трехсот килограммов, но как мы ни старались, аппарат ни с места.

— Верно, — согласился русоголовый, — не меньше трехсот, а аппарат хоть бы что. Только мы вскочили на коней, как веревка рванулась и потянула нас за собой. Остальное вы сами видели. А теперь скажите, что это за аппарат? Ракета?

— Да... Нечто вроде, но только пробный экземпляр, — протянул я. — Испытания еще не закончены.

— А это что за воронки? — поинтересовался русский парень, показывая на антенну. — Может, какое-нибудь оружие? Уж не занялись ли вы здесь военными опытами?

— Ничего похожего! — энергично запроте-

ствовал я. — Шеф объяснит вам, как действует эта чертовщина. Кстати, он, кажется, уже пришел в себя.

Хайпорн со стоном потянулся и, шатаясь, встал на ноги. Одна штанина у него была разорвана до колена, рукав пиджака куда-то исчез. Но даже в таком растерзанном виде геолог выглядел весьма энергичным молодым человеком, готовым немедленно приняться за дело.

— Так ты здесь, мерзавец, — прохрипел он, поправляя очки, — здесь, проклятый!

Он обошел вокруг диска с такой осторожностью, словно это была мина, и присел поодаль.

— Я еще очень мало знаю о тебе, — пробормотал он. — Но все же кое-что знаю.

Геолог обернулся и подозвал меня к себе.

— Идите сюда, Гарроу, садитесь рядом со мной. Нет, нет, не здесь!

Не успел я разобраться в смысле последних слов, как диск вдруг подскочил и ринулся на Хайпорна.

— Ложись, — с тревогой закричал он, бросаясь на землю. — Ложись!

Я повалился на бок, успев заметить, что диск плавно опускается на землю. Люди, распластавшиеся на траве, как при бомбежке, медленно поднимались, втянув головы в плечи.

— Это его главная загадка. Или одна из загадок, — произнес геолог, потирая колено. — Я заметил это еще до того, как взял диск в руки и вдруг отправился в полет над долиной. Если вы припоминаете, Гарроу, несколько ча-

сов назад, когда мы нашли его, он лежал на четырехугольном обломке скалы на солнце. Мы подошли к нему, ощупали и отвернулись, а когда опять посмотрели на него, диска уже не было. Я думал, что он незаметно закатился под куст. Ничего подобного, он взлетел, как вот только что. И так как прыжки диска пропорциональны размерам затемненной поверхности, он поднялся тогда по крайней мере метров на пятьдесят, потому что я заслонил спиной примерно треть его поверхности. Теперь тени от вашей головы оказалось достаточно, чтобы он кинулся на меня. А когда я взял его в руки, то совсем закрыл одну из его сторон. Не понимаю, как мне удалось удержаться, когда он взмыл вверх. Возможно, свет упал на него откуда-то сбоку, и поэтому он не сразу набрал высоту. Но по мере того как я устраивался на нем поудобнее, он поднимался все выше и выше. Если бы у диска не было какой-то внутренней программированной настройки, я находился бы теперь где-нибудь километрах в восьми от Земли. Но неизвестный нам конструктор предусмотрел такую возможность и запретил ему подниматься выше ста метров над любым объектом. Я понял это, заметив, с какой точностью его траектория воспроизводит весь рельеф местности, над которой мы пролетали. Как только показалось солнце, мне удалось снизиться до пятидесяти метров, но потом, когда я потерял равновесие и снова обхватил диск руками, начался этот дьявольский галоп. Мистер Гарроу, перед нами величайшее чудо нашего века, а ведь это — всего лишь одно из магических свойств диска.

Геолог пристально посмотрел на пористый камень. Цвет его бледнел, по поверхности расползались зеленоватые тени.

— Минерал-хамелеон. Поразительно! — хрипло проговорил Хайпорн. — Или я схожу с ума, или этот камень живой!

Столпившиеся вокруг люди, вытянув шеи, молча следили за происходящим у них на глазах превращением. Еще недавно красновато-коричневый, диск постепенно становился зеленым, сливаясь с окружающими кустами.

— Вы помните, — взволнованно сказал геолог, — сегодня утром он показался нам желтым. Я тогда подумал, что изменение оттенка вызвано освещением зари. Но это было то же самое, что теперь. Диск меняет цвет в соответствии с окружающей средой. Значит, он прибегает к защитной окраске. Первый раз я увидел его на закате, и он покрылся тогда красноватым порошком или пленкой. Потом он стал желтым, а теперь — зеленым. Попробуем сделать его голубым.

С этими словами Хайпорн стащил с себя рубашку, разостлал на земле и сдвинул диск на нее. По краям камня тотчас же появились голубые пятна, словно его посыпали голубым снегом. Потом пятна вытянулись, расплзлись и покрыли весь камень.

— Потрясающе! — прошептал геолог. — Это превосходит все мои подозрения. А я-то, дурень, по оставленным следам принял его за циркон. С таким же успехом он мог быть алмазом, баритом, солью или серебром! Или ракушечником, или горелым деревом!

— Больше всего меня удивляет его способ-

ность подниматься в зависимости от площади затемненной поверхности, — сказал я.

— Почему?

— Потому что если это так, то ночью он должен летать где-то на невероятной высоте, а в солнечный день весить сотни килограммов. Но насколько я понял, днем он летает, а ночью отдыхает.

Хайпорн молча кусал губы. Потом беспомощно развел руками.

— В самом деле, Гарроу. Об этом я не подумал. Но все, что я сказал, верно. Я проверил это на собственной шкуре. Очевидно, мы познакомились только с частью этого явления. Вполне возможно, что здесь используются также инфракрасные тепловые лучи. Есть у кого-нибудь спички?

Люди молчали, не спуская глаз с ученого.

— Вы что, хотите поджечь его? — спросил русоволосый рассказчик.

— Нет, только слегка подогреть.

— Может, лучше сделать это в другом месте? Боюсь, не придется ли собирать наши кости. Какой только дьявол принес вас с этой чертовщиной на нашу голову!

— Но вы же меня знаете, Тедди! Мы же не раз встречались, когда я неделями лазил по этим горам. Я геолог и разыскиваю здесь полезные ископаемые.

— Все это мы знаем, — вмешался худошавый. — Но зачем вы воткнули наверху эти воронки, а теперь притащились сюда с каменным чудищем, которое кидается на людей? Может, это какой-нибудь снаряд!

— Как тебе не стыдно, Тедди, — с упреком

сказал геолог, повернувшись к рассказчику. — Не к лицу вам, лучшим каменотесам Вайоминга, дрожать перед каким-то валуном. Ведь вы на своем веку раздробили сотни таких камней, подняли в воздух тысячи тонн породы. И тут перед вами всего только камень — кусок скалы. Разница в том, что его снабдили источником энергии и химическим механизмом мимикрии. Он совершенно безопасен. Я же не такой дурак, чтобы играть с огнем. А ну, у кого есть зажигалка? — бодро заключил он.

Тедди полез было в карман, но тут же раздумал.

— А может, мистер Хайпорн, вы нам объясните, для чего служит эта штуковина?

— Для чего она служит? — повторил геолог. — Это-то я и хочу узнать.

— Выходит, он не ваш?

— Нет.

— Откуда же он взялся?

Хайпорн растерянно посмотрел на меня, и я ответил на его взгляд глупой улыбкой.

— Откуда-то прилетел, — сказал геолог. — По-видимому, издалека...

— А зачем?

— Вот этого я не знаю, — отрезал Хайпорн. — Представления не имею! Ну, ладно, большое спасибо за то, что вы меня спасли, но если вы трусите, можете уходить. Мы остаемся здесь и попробуем разгадать секрет камня.

— Вот, возьмите, — резко сказал Тедди, протягивая Хайпорну зажигалку. — Нагревайте. А вы отодвиньтесь подальше, — бросил он приятелям, с осуждением смотревшим на него,

— Молодец, Тедди, — обрадовался Хайпорн. — Ты настоящий мужчина. Минутку, теперь я его немного приподниму и подожгу под ним сухую траву.

Геолог взялся за край диска, поднатужился и изумленно повернулся ко мне.

— Прилип, — пробормотал он. — Прилип к скале.

Тедди схватился за камень с другой стороны. Общими усилиями им удалось немного приподнять голубоватый диск, но тот тут же упал обратно; геолог и Тедди с кряхтением выпрямились.

— Может быть, это из-за рубашки, — предположил я. — Может быть, голубой цвет вызывает увеличение тяжести. Попробуем окружить его желтым.

Хайпорн быстро собрал вокруг диска самые желтые ветки рододендрона и снова попытался сдвинуть камень с места, но по-прежнему без малейшего успеха.

— Нет, нет, не то! — раздраженно воскликнул он. — Мы идем ощупью, как слепые котята. Изменение цвета связано у него только с защитой и абсолютно не влияет на увеличение веса.

— Но ведь увеличение веса — тоже своего рода защита, — возразил я.

Геолог растерянно пожал плечами, но тут же его озарила какая-то мысль — он выхватил из рук сидевшего рядом каменотеса тяжелый молоток и слегка стукнул им по краю диска. Раздался треск, и в руках у Хайпорна осталась одна рукоятка, а сам молоток отлетел в сторону.

— Вы сломали мой инструмент,— недовольно сказал каменотес.

— Да я только коснулся камня,— вполголоса ответил Хайпорн. — Я был уверен, что он станет защищаться, но не ждал такой активности. Рукоятку перерезал какой-то высокочастотный разряд.

Геолог пощупал чистый блестящий срез рукоятки молотка и передал ее мне. Я понюхал ее. От нее исходил сильный запах озона.

— Срезанная ветка дуба пахла хвоей,— сказал Хайпорн, не спуская глаз с лежащего на рубашке камня. — Если бы я держал молоток как-нибудь иначе, то легко мог остаться без руки. Помогите мне отнести камень в палатку.

— Ну нет! — злобно возразил худощавый рабочий. — Проваливайте-ка отсюда, не то вызовем полицию. Где это видано, чтобы нормальный человек летал верхом на булыжнике?! А сам булыжник менял шкуру, как змея, и рубил дерево? Бьюсь об заклад, это или оружие, или какое-нибудь колдовство. Кто его знает, а вдруг вы сами превратитесь во что-нибудь и исчезнете? Может, вы вовсе и не Хайпорн! А?

— Не трусь,— смеясь, сказал геолог успокоительным тоном. — Ты, я вижу, совсем оробел.

— И нечего тут смеяться. Вы будете швырять нам на голову скалы, а я должен терпеть и танцевать под вашу дудку? А ну, сматывайте манатки!

— Хорошо, — сказал геолог с какой-то странной улыбкой. — Мы уйдем, но только в том случае, если вы перестанете дрожать от

страха и среди вас найдется несколько мужчин, которые спустятся с нами в палатку и помогут завершить этот опыт. Тедди, ты не раз бродил со мной по горам и теперь, конечно, не откажешься помочь нам?

— Ладно уж, — нерешительно сказал Тедди.

— Вот и прекрасно, тогда возьми еще двух-трех ребят и спускайтесь к палатке. Ну, мистер Гарроу, теперь вам будет о чем писать. Я считаю до трех. При счете «три» цепляйтесь за диск. Раз, два, три...

Я изо всех сил уцепился за диск и почувствовал, как он задрожал и закачался подо мной.

— Держитесь крепче, — крикнул Хайпорн.

Я обхватил геолога за плечи, и в тот же миг камень взлетел вверх, как из пращи. Каменотесы разбежались во все стороны, прикрывая голову руками.

— Управляйте им, — приказал Хайпорн. — Гоните его к палатке.

Я решил, что геолог бредит, и не пошевелился.

— Выбросьте ноги влево, — крикнул он. — Вот так, а теперь не шевелитесь. Диск может летать, но управлять им мы должны сами.

Люди внизу казались теперь маленькими, как с крыши двадцатизэтажного дома. Под нами расстилалась равнина, прорезанная серебристой лентой ручья, громоздились серые скалы ущелья, на дне которого виднелась наша палатка.

— Плохо слушается, — бормотал себе под нос Хайпорн. — Сразу видно, что он для этого не предназначен.

Я вцепился в Хайпорна, охваченный небывалым возбуждением. У меня было ощущение, будто происходит какое-то сказочное чудо, и я ждал, что диск вот-вот взлетит к солнцу или со скоростью ракеты понесется вокруг Земли. Но круглый камень продолжал плавно скользить над долиной, и когда я закрыл глаза, мне показалось, что я плыву по спокойному морю на большой автомобильной камере. Мы летели на одной и той же высоте, и все же я чувствовал себя очень неуверенно. Если бы нашему воздушному экипажу вздумалось вдруг перевернуться, мы оказались бы в положении мух, цепляющихся за обломок летящего потолка. Я хотел поделиться своими мыслями с Хайпорном, но он не обращал на меня ни малейшего внимания. Он то и дело менял позу и при этом громко разговаривал с диском.

— Правее, — приказывал он. — Теперь левее, левее, дружище... Так держать. Ниже! Какие же задачи поставил перед тобой твой конструктор? Возьми капельку повыше, чтобы не задеть это дерево.

Я холодел от ужаса каждый раз, когда Хайпорн слишком сильно свешивался с диска, но ему, казалось, все было нипочем. Повинуясь его резким движениям, камень стал перескакивать через вершины деревьев, как лошадь через барьер, и это еще усиливало возбуждение Хайпорна.

— Выше, черт тебя побери! — кричал он всю глотку. — Браво, жеребенок! Выше, еще выше!

Не знаю, чем окончился бы наш полет, но

в это время из-за скалы вдруг вынырнула ро-
щица черных тополей. Не успел Хайпорн вы-
молвить слова, как у меня под ногами вспых-
нуло белое пламя, по лицу хлестнули ветки, и
я в отчаянии ухватился за них. Хайпорн вце-
пился в ствол, и в тот же миг вся крона дерева
обрушилась вместе с нами на землю. До сих
пор не могу понять, каким образом, падая с вет-
ки на ветку с высоты по меньшей мере в два-
дцать метров, нам удалось отделаться лишь
незначительными царапинами! Голова у меня
еще гудела, когда я услышал рядом голос Хай-
порна.

— Что и требовалось доказать, — удовлет-
воренно сказал он. — Что и требовалось дока-
зать. Я начинаю разбираться в программе, по
которой работает этот механизм. Ночью он ле-
жит на земле, а днем летает. Но летает не
весь день. Позавчера, когда я впервые увидел
его, он летел со скоростью не меньше ста кило-
метров в час, а сегодня утром лежал непод-
вижно. Следовательно, программа диска рас-
считана меньше чем на сутки. Если его заста-
вить подняться не вовремя, то он болтается в
воздухе без всякого направления. Если его пы-
таются расколоть, он защищается, если за ним
наблюдает — маскируется. Пока мы можем
заклучить, что перед нами машина, предназна-
ченная для того, чтобы лететь в определенном
направлении в течение определенного времени.
Она снабжена регулятором веса в зависимо-
сти от освещенной поверхности и регулятором
цвета, учитывающим цвет окружающих пред-
метов. Последнее представляется мне нелепо-
стью. Очевидно, конструктор просто хотел ис-

пытать метод управляемой мимики, так как использовать его для защиты глупо и бесполезно.

Продолжая говорить, Хайпорн выбрался из-под груды сломанных ветвей и, порывшись среди них, вытащил диск, предусмотрительно прикрыв его край пиджаком как раз настолько, чтобы он весил не больше нескольких килограммов.

— Как видите, Гарроу, я уже научился использовать его способности,— довольным тоном сказал он. — Мне даже кажется, что диск тоже привык к нам, иначе он не пощадил бы наши ноги, срезав чуть ли не половину тополя. А теперь поспешим, Гарроу. Насколько я вижу, вы невредимы.

Когда мы добрались наконец до палатки, то застали там Тедди с двумя молодыми каменотесами.

— Молодцы, ребята! — радостно воскликнул Хайпорн. — Не соскучились здесь без нас?

— Нет, — ответил Тедди. — Мы включили телевизор. Они говорят, будто вы нашли эту машину и будто ее заслали русские. Это, мол, шпионская ракета.

— Ослы! — вспыхнул Хайпорн. — Настоящие ослы! Ничего не знают, а позволяют себе ссылаться на других.

Геолог положил камень на один из круглых столиков, но не рассчитал своих движений. Диск перевернулся и упал за телевизор. Экран вздрогнул, и на нем, как накануне, замелькали изображения. Тедди нагнулся, чтобы поднять диск, но Хайпорн резко остановил его.

— Стоп! — воскликнул он. — Не двигайся.

И вы ни с места. Мне все ясно, Гарроу. О бже! Это даже больше, чем я предполагал!

На экране возникло что-то, напоминающее волнующуюся реку, в которой катилась бесконечная вереница наложенных друг на друга изображений вывесок, домов, машин, женских ног, полицейских.

— Он работает сразу в нескольких диапазонах, — возбужденно сказал Хайпорн. — Ему полагалось бы передавать их отдельно, но это зависит также и от нашего приемника.

Геолог встал и, продолжая говорить, принялся настраивать телевизор. Смена изображений замедлилась и приобрела какую-то связность.

— Что там видно? — взволнованно спросил Хайпорн.

— Город, — шепнул я.

Весь экран занял огромный бетонный мост, но тут же исчез, уступив место бензоколонке. Потом и она исчезла, а на экране возникли искаженные злобой, окровавленные лица с разинутыми в немом вопле ртами. Несколько подростков дрались ножами, нанося удары куда попало. Клубок тел вдруг распался: один из участников драки упал на колени, ударился лицом о мостовую и затих. Соперник ткнул его ногой и подхватил под руку девицу с челкой и папиросой в зубах. Все разошлись, и только одинокое тело осталось лежать в луже крови посреди освещенной фонарями улицы. Потом вдруг экран осветился ярче, и на нем задвигались голые ноги живого манекена в витрине. Затем его заполнили белые балахоны куклукс-клановцев. Внезапно экран потемнел, его за-

полонили плотные шеренги медленно движущихся автомобилей. За ними виднелись ряды лагун, сколоченных из чего попало. Их сменили каменные здания, сверкающие тысячами огней. Потом появились какие-то огромные железные ворота, перед которыми прогуливались отдельные группы людей.

— Это Фриско! — воскликнул Тедди. — Фабрика Спаллера! Я узнаю ребят из забастовочного пикета.

И вдруг экран погас.

— Так и есть, — прозвучал в тишине дрожащий голос Хайпорна. Лицо его вспотело от волнения. Я почувствовал, что и сам весь мокрый, как после ванны. — Это киноаппарат и вместе с тем миниатюрная передаточная телестанция. Самый поразительный киноаппарат, какой только можно вообразить. Но будем действовать по порядку. Должно же здесь быть какое-то начало. Давайте обследуем поверхность диска сантиметр за сантиметром, пока не найдем первую запись. Если у него приемо-передаточный цикл рассчитан на двадцать четыре часа, то в нашем распоряжении осталось еще три часа до того момента, когда он перейдет на прием. Мне кажется, это совпадает у него с началом перемещения.

Геолог выкатил диск на середину палатки, расчертил его мелом на квадраты и стал водить над ними кончиком проволоки, соединенной с антенной. В течение часа на экране одна за другой сменялись различные уличные сценки, потом у самого его края возникла какая-то дрожащая призрачная линия, похожая на отдаленный берег.

— Еще немного, — хрипло произнес Хайпорн. — Еще немного.

На экране за клубились облака, потом их пронизал яркий свет и из сверкающего тумана возникло огромное серебристое плато, уходящее в светящиеся дали. По мере того как уменьшалось расстояние, на экране все ярче вырисовывались громадные прозрачные параллелепипеды и множество каких-то странных многоруких существ, которые передвигались, не прикасаясь к земле. По однообразию их форм и движений я заключил, что это роботы. Роботы двигались к центру плато, где укладывали в длинную узкую трубу какие-то цилиндрические предметы. На переднем плане появилась верхняя часть одного из роботов — капсула из прозрачного материала типа плексигласа, заполненная сетью проводников и трубок. Робот отошел, и в тот же миг экран вспыхнул ослепительным светом и все исчезло, кроме бесконечного серебристого плато, в центре которого взметнулся гриб черно-белого дыма. Плато быстро удалялось и уменьшалось, пока не превратилось в затерянную среди голых скал полоску, а вскоре и сами скалы стали кучкой мелких камешков. На экране медленно крутился громадный шар, потом его где-то в глубине сменил другой — такой маленький, что его можно было принять за пузырек на стекле экрана. Экран становился то искристо-ярким, то черным. Из глубины его поднялось, словно всплывая на поверхность воды, маленькое пятнышко. Вокруг него висели серые хлопья, которые постепенно превратились в прозрачные волны, а за ними обрисовался тяже-

лый шар, ярко освещенный сбоку. Мутные волны разорвались, и на экране осталась только путаница выпуклых линий и водоворотов. Потом снова возникла извилистая линия, напоминающая берег.

— Америка! — прошептал Хайпорн, и я почувствовал, что он дрожит.

На экране проплыли белый пляж, отдельные домики, поля, пашни и, наконец, огромный бетонный мост с широкими пролетами. Мы вновь оказались в Сан-Франциско.

Хайпорн отложил проволоку и в изнеможении опустился рядом со мной.

— Они хотят познакомиться с нами, — сказал он неожиданно тихо. — Но кто они? Что они собой представляют, если сумели создать таких роботов? И что они подумают о нас? Банда хулиганов, подравшихся насмерть из-за какой-то девчонки, процессия куклуксклановцев, лачуги из жести...

— Но это только часть земного шара, — вмешался я. — Кто знает, где будет диск завтра?

— Он передает все время, — прервал меня Хайпорн. — Я убежден, что ночью, когда нельзя фотографировать, он передает, чтобы освободить свою «память». К счастью, нам удалось заставить его заговорить простым прикосновением провода, и, судя по тому, как он повторял сцены, можно заключить, что он запрограммирован так, чтобы давать их в одном и том же порядке. Но ведь диск могут уничтожить, Гарроу. Он может погибнуть до того, как передаст своим хозяевам что-нибудь, помимо изображений, которые мы уже видели. Тогда

образ Америки останется для них вот таким. А мы? Мы, другие? Люди? — Он резко повернулся к Тедди. — У вас в поселке есть девушки? Какой-нибудь музыкальный инструмент? Семейные фотографии?

— Есть, — растерянно ответил тот.

— А сколько до вас езды?

— На вашей машине за полчаса обернемся.

— Десять минут, — сказал Хайпорн. — Всего десять минут. Они должны знать о нашей жизни не только плохое. Не только хулиганов и девок. Скорее, друзья!

Хайпорн выбежал с Тедди из палатки, сел за руль и через мгновение машина скрылась из виду. Я подошел к диску, на этот раз не только взволнованный, но и охваченный глубоким уважением. В этом сером пористом камне — теперь он стал серым, — казалось, чувствовались бесконечные холодные пространства. Чей-то непохожий на наш мозг придумал его и послал исследовать Землю. Ночь за ночью он рассказывал им о том, что увидел здесь. Это была кинокамера-ракета, передаточная и приемная станция с заданной через миллионы километров программой. Возможно, изображения, которые мы видели, были лишь частью того, что она записала или запишет. Ее полет мог ведь длиться уже много дней, месяцев, а может быть, и лет.

Послышавшийся снаружи визг тормозов прервал мои размышления. Хайпорн вбежал в палатку в сопровождении Тедди, стройной большеглазой девушки и еще пятерых камнотесов. Они вынесли диск из палатки и

принялись танцевать вокруг него под аккомпанемент кларнета. Потом один из каменотесов подхватил девушку на руки и закружился с ней вокруг диска. Хайпорну удалось поймать на свой телевизор и показать диску передачу балета. Люди спешили продемонстрировать перед диском все, что у них имелось: молотки, фонари, семейные фотографии, и все это сопровождалось веселым заразительным смехом.

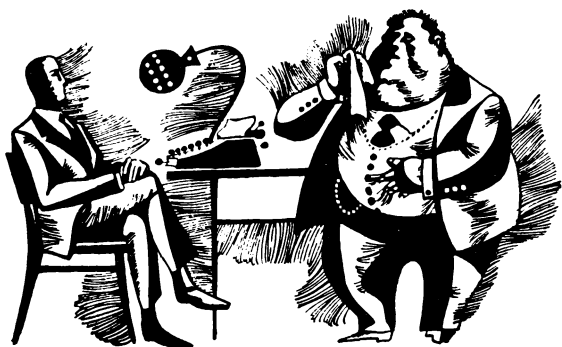
— Они сочтут нас сумасшедшими, — пробормотал Хайпорн. — Подумают, что мы весь день напролет только обнимаемся да целуемся.

— Не беда, — сказал я. — Они все поймут, когда диск пересечет Тихий океан и Японию и они увидят заокеанские страны. Мне кажется, диск движется именно в этом направлении — как раз противоположном тому, которого хотели господа из газет. Не так ли?

Хайпорн весело согласился и, порывшись в своих ящиках, извлек оттуда две бутылки виски. Мы расшумелись бы не на шутку, если бы диск не начал вдруг угрожающе покачиваться.

— Держите его! — закричал Тедди, бросаясь на диск.

Все повалились на камень, как во время игры в регби. Но диск продолжал покачиваться. И вдруг, стряхнув с себя людей, плавно взмыл в воздух, как воздушный шар, вырвавшийся из рук ребенка. Он поднялся над деревьями, понесся на запад и вскоре растаял в небе, озаренном последними лучами заходящего солнца.

Камил Бачу

ИСПЫТАТЕЛЬ ПИЛЮЛЬ

Стоило ему сделать первый шаг по лестнице, которая ведет в нашу редакцию, и я тотчас безошибочно определял, что это подымается Мэнни. Он весил девяносто два килограмма и шагал грузно и уверенно, улыбаясь направо и налево, словно стараясь поделиться если не своей силой, которую считал чрезмерной для себя одного, то хотя бы своей жизнерадостностью.

Вот и на сей раз, несмотря на бесконечные звонки телефона и громкую ругань уборщицы в соседней комнате, я сразу услышал его шаги по лестнице и громовое «привет», когда он поздоровался с ребятами из нашей редакции. Осторожно приоткрыв дверь — он всегда обращался с дверьми очень осторожно, чтобы

случайно не выбить их,— и едва переступив порог, Мэнни крикнул:

— Гарроу, я женился!

Его густые, сросшиеся брови весело приподнялись, на щеках обозначились две ямочки, а из-под губ блеснули белые зубы.

— Да, я женился, — повторил он. — У нее две матери и дядя. Вернее, родная мать и тетюшка, ставшая для нее второй матерью, а дядюшка стал вторым отцом, потому что ее настоящий отец сейчас вроде как бы чужой дядя. В общем, Гарроу, здорово, правда?

— Ну, а она сама? — спросил я.

— Восхитительная! Она брюнетка — вернее, шатенка. Волосы пышные, волнистые, носик крошечный, и чуть что — она сразу смеется. Знаешь, мы с ней решили объехать весь мир.

— А пока вы где обитаете?

— Я снял комнату у одного отставного майора — он открыл пансионат. Мы и столуемся у него.

— А у твоей супруги есть какая-нибудь профессия?

— Она литературный критик.

— Но, Мэнни, это же не профессия. Для женщины это скорее роскошь.

— А она этим и не занимается, — успокоил меня Мэнни. — Сейчас она увлеклась коллекционированием кукол. У нее уже есть медвежонок, обезьянка, маленькая крестьяночка с металлическими глазками. Кроме того, она целыми днями переставляет мебель. Купила чехлы и краски. Каждую стену красит в другой цвет.

— А ты чем занимаешься?
— Я работаю испытателем...
— Летчиком-испытателем?
— Да нет... Я работаю в одной лаборатории испытателем пилюль.

— Что ты мелешь, Мэнни?

— Клянусь тебе, Гарроу! И знаешь, что я тебе скажу? Мне никогда не доводилось так нервничать. Даже когда я рвал цепи в дакотском цирке, или в ту ночь, когда погиб корабль, на котором я был юнгой, или когда мне пришлось быть проповедником в Техасе. И ни одна из всех профессий, которые я испробовал, не была такой поганой, как эта, а ведь я работал даже ассенизатором в Лос-Анжелосе! Да, это моя тридцатая профессия и, боюсь, не последняя. На всякий случай, чтобы создать видимость, будто должность у меня почетная, я заказал себе новые визитные карточки.

Он вытащил из кармана одну карточку и протянул ее мне. Я прочитал: «Мануэль Кэтхуз, испытатель пилюль. Шандоу, Итальянская улица, 3».

— Выходит, ты — что-то вроде научного сотрудника?

— Ну, куда там!

— Твоя лаборатория обслуживает птицеферму?

— С чего это пришло тебе в голову?

— Да я подумал, что вы кормите этими пилюлями кур.

— Вовсе нет.

— Так что же ты с ними делаешь, Мэнни?

— Глотаю их.

— А что в них есть — витамины?

— Всякая всячина. Дело заключается в следующем: стоит кому-нибудь изобрести новый препарат, особенно такой, который рекламируется как чудодейственный, то первый, кто испытывает его на себе, — это я.

— Выходит, ты — подопытный кролик?

— Вот именно!

Мэнни встал, расправил плечи, ударил себя кулаком в грудь и снова уселся. Немного помолчав, он сказал:

— Нелегко в наше время содержать семью, Гарроу. Ведь кругом уйма безработных. Конечно, если бы я не женился, то вряд ли взялся бы за это дело. Уж лучше бродяжничать. Эти идиоты, чего доброго, могут и отравить меня по ошибке.

— Кто выдумал такую работу?

— Я сам. Я четыре месяца работаю в фирме «Туби энд Туби» помощником лаборанта. За это время мне уже тысячу раз объясняли, как выгодно быть двуногим подопытным кроликом, человеком с луженым желудком, железным сердцем и стальными мускулами. Человеком, готовым на любой риск. Между нами говоря, риск не так уж велик. У меня всегда под рукой противоядие.

Он вынул из кармана несколько флакончиков и показал их мне.

— Например, капли из первого пузырька я принимаю, когда мне становится плохо, и через несколько минут начинается рвота — выворачивает буквально наизнанку. Капли из второго пузырька ослабляют эффект пилули, а капли из третьего — вовсе его уничтожают. Все отлично продумано. Ну, я и сказал себе:

«А почему бы и не рискнуть? Летчиков-испытателей на свете много — не меньше десяти тысяч. А вот испытатель пилюль я единственный».

— Послушай, Мэнни, — сказал я. — У нас в редакции нашлось бы для тебя место, и работать тебе особенно не придется. Ты только наблюдай, а писать буду я. У тебя наметанный глаз, жизнь ты знаешь, вот и станешь чем-то вроде репортера.

— Нет, она не согласится.

— Кто «она»?

— Жена. Пойми, Гарроу, каково ей было бы, если бы я стал репортером в жалкой газетенке, после того как был пилотом? Она решила бы, что это предел падения. Не обижайся, но с тобой дело проще — ты прирожденный журналист. А теперь скажи честно: тебе самому нравится эта идея — испытание пилюль?

— Жуты!

— Значит, тебе такая работа не нравится?

— Нет, скорее пугает.

— М-да... Дело вкуса. Видишь ли, Гарроу, я, собственно, пришел попросить, чтобы ты написал об этом.

— С удовольствием. Мы начнем такую кампанию против мистера Туби старшего, что ему жарко станет!

— Нет, нет, пока не надо. Оставь его в покое. Наоборот, хвали его. Мне нужна реклама. А вот когда фабриканты пилюль во всех штатах узнают о моем существовании, тогда можешь уничтожить не только Туби старшего, но и Туби младшего. Хотя, признаюсь откровенно, не думаю, чтобы голос вашей левой газетенки

мог заглушить хор всех «Таймсов», «Ивнингс» и «Уорлдов», когда они дружно начнут славить фабрикантов пилюль. Лучше помоги мне создать прочную основу для моей новой семейной жизни.

— Не успеешь, Мэнни. Хозяева в два счета отправят тебя на тот свет.

— Ну и пусть! Зато я стану национальным героем. Шутка ли? Человек-уникум, который за один-единственный год победил чуму, чихотку, брюшной тиф, сап, чесотку...

— Ну, чесотку ты не одолеешь, сколько бы ни старался.

— Ладно, пускай. Но остаются еще ангина, оспа, сыпняк...

— А еще что?

— Да уж позабыл, что там еще.

— Не станешь же ты утверждать, что будешь принимать и пилюли от чумы?

— Буду. Они тоже включены в программу. Ты даже не представляешь себе, с какими интересными типами работает старик Туби! Если бы все эти изобретатели чудодейственных лекарств не умирали с голоду, они принесли бы человечеству огромную пользу.

Мэнни встал и похлопал меня по плечу:

— Значит, договорились, Гарроу? Помоги мне, а я расскажу тебе про все их подлые проделки. Будь здоров. Я забегу в пятницу.

Через несколько дней после нашего разговора я сидел в редакции и писал. Вдруг послышались знакомые шаги Мэнни. Они показались мне более грузными, чем обычно, и я подумал,

что бедняга, видимо, очень устает на новой работе.

— Это я, — сказал он.

Боже мой, что за фигура! Вздутые щеки свисали, живот неимоверно вырос. Одет он был в немыслимую женскую кофту навыпуск.

— Это я, — пискляво повторил он. — Старик Туби дал мне какую-то чертовщину для желающих пополнеть, и, по-моему, эффект потрясающий. Ты не находишь?

— Да, тебя неимоверно разнесло!

— И жена говорит то же самое; она отказывается меня видеть.

— Почему?

— Ей, видишь ли, не нравятся толстые мужчины. Ну, как мне убедить ее, Гарроу, что это не прихоть, а профессиональный риск? В конце концов должен же каждый из нас хоть что-нибудь сделать для человечества!

— На сколько же ты поправился за эти три дня?

— На тридцать килограммов. Под личным наблюдением самого Туби я съел уйму всякой пищи — ел ветчину, яйца, запивал молоком, снова ел пирожные, жаркое, морковь, апельсины. И вот результат.

— И как ты себя чувствуешь?

— Признаться, тяжело. Сам не знаю почему. Увы, старина, я должен бежать. Шеф ждет меня у весов в лаборатории. Будь здоров.

Недели две Мэнни не появлялся. Я несколько раз звонил ему, но мне неизменно отвечали,

что он работает над новым препаратом и не может подойти к телефону. Попытался я заглянуть к нему домой, на Итальянскую улицу, но никого не застал. Я начал было беспокоиться, когда однажды вечером в редакции появилась женщина. Она куталась в платок, так что лица ее не было видно. Она молча положила передо мной визитную карточку Мэнни.

— Это он вас послал? — спросил я.

— Да, — прошептала женщина.

— Ну, как у него дела?

— Спасибо. Работает.

— Над чем же он так упорно работает? Почему он прячется от меня? Неужели старик Туби боится, что Мэнни стащит его патенты?

— Нет, мистер Гарроу, не в этом дело. Просто бедняга Мэнни не может выйти на улицу.

— Почему же?

Женщина молчала.

— Почему? — повторил я.

Женщина молча сняла с головы платок, и я увидел Мэнни, вернее, фигуру, имевшую довольно отдаленное сходство с Мэнни и очень похожую на снежного человека. Лоб зарос волосами, брови почти закрыли глаза, а со щек и подбородка свисала длинная густая борода.

— Растет, как снежный ком, — простонал Мэнни. — У меня такое чувство, словно я — лопнувший тюфяк, из которого лезет солома. Черт побери, Гарроу, я мог бы обеспечить потребности небольшой матрасной фабрики только за счет волос с головы, даже без помощи бороды!

— Так почему же ты не принимаешь свои

хваленые капли? Чего ты ждешь? — взорвался я.

— Мне не разрешают, — жалобно сказал Мэнни. — За каждый лишний килограмм волос я получаю дополнительно полдоллара. На эти деньги я хочу купить жене ковер к Новому году.

— Ковра тебе не хватает? На кой черт он тебе нужен, когда у тебя на каждой щеке висит по коврику?

— Б-р-р, — содрогнулся Мэнни. — Если бы она увидела меня сейчас, то не помог бы не только ковер, но даже «Кадиллак» новейшей марки. Она все равно бросила бы меня. Ведь она убеждена, что я работаю в лаборатории техником. Понимаешь, Гарроу, техником!

Он тряхнул головой, и волосы, собранные в пучок на его макушке, буквально затопили мой письменный стол, словно горный поток, вырвавшийся из теснины.

— Что ты делаешь? — закричал я, невольно хватаясь за ножницы.

— Умоляю тебя, брось ножницы! — испугался Мэнни. — Здесь волос на добрых два доллара. Сейчас я их подберу. Бедняга Лони Гудинг, как бы он был счастлив, если бы имел такое средство! А миллионы лысых на всем белом свете, ради которых я страдаю! Дай мне, пожалуйста, побольше скрепок.

Он не без кокетства свернул брови трубочкой и закрепил их, как это делают женщины со своими прическами. Затем уложил волосы в огромный клубок и, заколов его на макушке, ловко прикрыл платком.

— Я бы еще посидел, — печально сказал

Мэнни. — Но через десять минут платка уже не хватит.

Придерживая левой рукой копну волос на голове, он протянул мне правую и выбежал из комнаты.

Потом мы не виделись еще несколько недель. Как-то он позвонил мне и рассказал, что испытывает средство для загара и для приобретения нежного цвета лица. Правда, кожа уже несколько раз облупилась и стала такой тонкой, что стоит ему чихнуть, как она сразу лопается. Потом он испытывал пилюли, придающие «мягкость рукам», и в результате получил два вывиха и перелом. Старик Туби уже собирался рассчитать его, но тут на его счастье подвернулся новый препарат — «Аппетитоген». Этот препарат превзошел самые радужные надежды своего изобретателя: Мэнни, которого поместили для контроля в специальное помещение, съел за два дня девять уток, зажаренную на вертеле свинью, восемнадцать перепелок и шесть головок голландского сыру. Кроме того, он по рассеянности выпил две банки клея, который привлек его своим приятным запахом. Правда, клей был почти съедобен, но он склеил челюсти Мэнни, так что тот не мог раскрыть рта. После долгих стараний клей удалось устранить, но тут взбешенный Мэнни объявил голодовку.

Некоторое время он испытывал адские муки голода. Дело кончилось тем, что он не выдержал и в одно мгновение проглотил дюжину бутербродов, чуть ли не вместе с тарелкой.

После испытания «Аппетитогена» ему дали два дня отдыха. Все это время он сидел в маленькой закуской и пил чай с горячими булочками. Он поминутно щупал свой живот и голову, опасаясь, как бы они не выросли. Вообще его преследовала мысль, что внутреннее равновесие его крепчайшего организма нарушено и его вид может в любое мгновение измениться самым неожиданным образом. Он все время думал об этом и в конце концов совершенно лишился обычной жизнерадостности. Он стал ипохондриком, и голос его уже не был таким звучным, как прежде. По телефону он жаловался мне на тяготы жизни, на быстротечность молодости и на бренность человеческого существования.

Когда Мэнни занялся изучением трудов древних астрологов, я понял, что он серьезно болен. Мало того, что он читал запоем почти круглые сутки, он еще требовал, чтобы я обсуждал с ним их тезисы, и совершенно не думал о новых пилюлях, которые ждали его в лаборатории фирмы «Туби энд Туби».

Кто знает, может быть, он стал бы крупным специалистом в области древней астрологии, если бы не роковые пилюли, которые определили всю его дальнейшую судьбу.

Закат его карьеры испытателя пилюль начался в тот вечер, когда он проглотил пилюлю «Тарзаноло».

На торжественной процедуре присутствовали все руководители фирмы «Туби энд Ту-

би», ученые, а также представители конкурирующих фирм.

Мэнни неторопливо проглотил пилюлю, несколько раз прошелся по лаборатории, зевнул раз-другой и наконец улегся на кушетке. Присутствующие внимательно наблюдали за действием препарата, который, по словам изобретателя, предназначался для того, чтобы «вывести из состояния апатии и инертности средние слои населения».

Через несколько минут Мэнни открыл глаза, вскочил с кушетки и одним прыжком взвился под потолок, на металлическую люстру. Уцепившись за нее, Мэнни принялся судорожно стаскивать с себя одежду. В мгновение ока он остался в одних трусиках. Попугай мистера Туби разразился самой отборной бранью, какую только знал, но Мэнни так зарычал на него, что бедная птица от страха тут же испустила дух. Напрасно глава фирмы умолял Мэнни спуститься на пол; он стал прыгать с одного шкафа на другой, а затем бросился к двери и напрямик устремился по направлению к зоопарку. Он никогда раньше не бывал в зоопарке, однако сейчас безошибочно отыскал его по запаху запертых в клетках зверей, к которым его влекла внезапно вспыхнувшая жажда крови. Следом за Мэнни бросились перепуганные лаборанты, врачи и полицейские, но он не обращал на них ни малейшего внимания.

Ворота зоопарка оказались запертыми, однако, это его не остановило — он легко взломал их и с рычанием ворвался внутрь, потрясая кулаками. Его встретил рев и визг встревоженных животных, но он с налитыми кровью

глазами подбежал прямо к клетке льва и принялся трясти ее. Просунув руку сквозь решетку, он ухватил царя зверей за гриву и начал безжалостно бить его головой об пол. Когда Мэнни наконец отпустил несчастного, у льва был не менее жалкий вид, чем у его собрата на гербе Великобритании.

Расправившись со львом, Мэнни направился к клетке тигра, вырвал у него клыки и с силой вогнал их в бок носорога, испуганно следившего за этой операцией. Покончив с носорогом, Мэнни оглянулся и стал искать взглядом гориллу, но вместо нее нечаянно схватил шерифа, который не успел спрятаться, и водрузил его на спину плававшего в бассейне бегемота.

Прошло меньше времени, чем потребовалось для нашего рассказа, и туши всех львов были уже освежеваны, тигры лишились клыков, у носорогов оказались пропоротыми бока, а у пантеры, которая спаслась только чудом, от страха начались печеночные колики.

Напрасно пожарные пытались охладить пыл Мэнни, направив на него брандспойт,— он продолжал спокойно сдирать шкуру с ягуара, которого протащил прямо между прутьями решетки. Закончив свою работу, он картинно обернул шкуру вокруг бедер, удовлетворенно улыбнулся и запел старинную ирландскую колыбельную песню.

Воспользовавшись этой минутой затишья, Туби старший бросил ему банан, пропитанный препаратом, прерывавшим действие «Тарзанолоа». Мэнни схватил банан и съел его, после чего спокойно удалился, успев по пути

раздробить кулаком череп африканского буйвола, который хотел боднуть его.

— И все-таки я чувствую себя утомленным, — признался мне Мэнни через несколько дней после этого приключения. — Черт знает, чем они меня пичкают, но мне все время хочется спать. Я вроде бы и не хую, но одежда висит на мне мешком.

— А что говорит твоя жена?

— Переехала к своей матери. Таковы женщины, Гарроу! Ни один мужчина не сделал бы для нее того, что сделал я: я позволил, чтобы меня откармливали, как рождественского гуся, чтобы у меня росли волосы, как у снежного человека. Я даже убил больше зверей, чем Самсон и Геркулес, вместе взятые... И вот награда!

— Не унывай, Мэнни. Если она действительно любит тебя, то вернется. Таких, как ты, не бросают. Лучше скажи мне, как твоя новая работа в цирке?

— В первый вечер — это было позавчера — все шло хорошо. Я сломал железную решетку и порвал якорную цепь. Дирекция цирка была мною довольна. Но, увы, эффект «Тарзанолы» быстро ослабевает. Наверное, из-за той чертовщины, которой они пропитали банан. Просто не знаю, чем это кончится. Ты когда-нибудь слышал об аллополиплоидах?

— О чем?

— Об аллополиплоидах... — Мэнни невозмутимо смотрел на меня своими красивыми голубыми глазами.

— А что это такое?

— Сам не знаю. Но в записке, которую последний изобретатель пилюль подал мистеру Туби, встречалось и это словечко. Кстати, какая разница между хромосомами и хромом?

— Не знаю.

— Черт возьми. Видишь ли, Гарроу, обычно я дружил со всеми безумцами, чьи пилюли мне приходилось испытывать на себе. Тот, кто предложил «Аппетитоген», сам был этаким сухонький старикашка, а изобретатель нового средства для волос был совершенно лыс. Я прекрасно понимаю этих людей, которые всю жизнь бились, чтобы избавиться от собственного уродства, и таким образом смогли открыть всякую чушь... Но эти... аллополиплоиды... В конце концов, раз они дают мне еще не испытанное средство — значит они сохраняют за мной эту работу, не так ли? И за мною сохраняются все договорные права, верно? По закону так ведь выходит?

— Так, но ведь закон — это то, что хочет мистер Туби...

— Да... Ну, ладно, посмотрим, как все это обернется...

Расстроенный Мэнни ушел и не появлялся в редакции почти целую неделю. Когда он снова пришел, я сначала подумал, что это его брат Сэм, моряк. Они были похожи друг на друга как две капли воды, только Сэм был вдвое ниже и худее, чем Мэнни.

— Здорово, Сэм, — сказал я. — Давно ли ты пришвартовался, старик?

— Какой еще Сэм? Это я, — резко оборвал

меня Мэнни. — Тебе не кажется, что я похудел?

— М-да.. — пробормотал я. — Ты вроде и ростом-то стал пониже. А не слишком ли ты переутомляешь себя, Мэнни? Брось к черту этот цирк...

— Я там уже не работаю. Занялся боксом. Силу свою я вроде бы теряю медленнее, чем вес, и, по-моему, смогу добиться кое-какого успеха в среднем весе. Ну, так вот, Гарроу, я отыскал того типа, который писал об аллополиплоидах. Он говорит, что задался целью разработать систему, которая позволит человеку жить «за счет собственных ресурсов», то есть питаться тем, что накопил его организм раньше.

— Недурно придумано, — сказал я. — Вот и попостись дня четыре и питайся «за счет собственных ресурсов». Ты вполне можешь просуществовать за счет того жира, который еще остался на твоём теле, и за счет других веществ, которые может извлечь из тебя твой же организм.

— Это мне и без него известно. Но он утверждает, будто можно прожить без пищи месяц, два и даже целый год. По его мнению, это намного удешевит жизнь — рабочие будут тратить на себя меньше, а работать столько же, сколько сейчас.

— Без пищи?

— Да, только принимая пилюли. А организм будет потреблять всякий там кальций, магний, фосфор и жиры из того, что было накоплено им раньше. Умереть не умрешь, но похудеешь.

— Ну и отлично. А ты все равно ешь и тогда наверняка худеть не будешь.

— В том-то и дело, что из этого ничего не выйдет. Новый препарат отнимает у организма способность усваивать пищу до тех пор, пока не наступит биологическое равновесие. Но когда оно наступит, изобретатель не знает.

— Как же быть?

Мэнни беспомощно развел руками и опустил голову. В его густых бровях я заметил седину, а у рта залегли две глубокие складки.

— Ну, а как дела дома? Как жена, как куклы? — робко спросил я.

— О, дома все в порядке! Жена говорит, что побаивалась меня, когда я смахивал на великана. Теперь она со мной очень ласкова. Не пойму я ее, Гарроу, честное слово.

— По-моему, Мэнни, тебе надо бы раздобыть той чертовщины, которой они пропитали банан, чтобы приостановить действие «Тарзанола».

— Это идея! — воскликнул Мэнни, и глаза его заблестели, как бывало. — Попробую.

И он распрощался, преисполненный самых радужных надежд. Но что-то подсказывало мне, что он откажется от принятого решения, едва выйдет на улицу. Очевидно, так оно и случилось, потому что дней через восемь он позвонил мне и пригласил меня на скачки.

— Ого, у тебя завелись деньжата для тотализатора? Снова нашлась выгодная работа?

— Не очень-то выгодная, — смущенно пробормотал он в телефонную трубку. — Я сейчас работаю жокеем. Ведь мой вес — пятьдесят три килограмма.

— Сколько?

— Пятьдесят два восемьсот, — уточнил Мэнни.

— Господи, на каком же весе ты остановишься?

— Понятия не имею. Этот мерзавец ничего не говорит. Он предложил мне испытать какие-то новые порошки, которые вызывают постоянную улыбку. Но я отказался. Хватит, не хочу больше, чтобы меня эксплуатировали, Гарроу. Я сыт по горло своей работой у Туби.

— Правильно, держись, Мэнни, — ответил я не слишком уверенно.

После этого разговора я решил, что, пожалуй, пора мне вмешаться в эту историю. Получив разрешение шефа на самое энергичное разоблачение проходимцев, о которых я ему рассказал, вечером следующего дня я уже подходил к зданию, где помещается фирма «Туби энд Туби».

— Тебе что здесь нужно? — окликнул меня какой-то мальчишка у самого входа. — Захотел и себе беду нажить?

— Убирайся, постреленок, — огрызнулся я, поворачиваясь к нему спиной.

— Не сердись, Гарроу. Зачем ты меня гонишь? — печально ответил он. — У меня и так на душе скверно.

Господи, это был Мэнни. Мэнни собственной персоной! Он был одет в полосатую рубашонку и короткие штанишки, а из-под густых сросшихся бровей на меня укоризненно смотрели его голубые глаза.

— Мэнни! Что с тобой? Тебе на вид не больше двенадцати лет...

— По весу и росту — десять лет и шесть месяцев, — уточнил он. — Но до завтра я помолодею еще на шесть месяцев. А послезавтра...

Вот уже неделя, как Мэнни перебрался ко мне. Чтобы мы не мешали друг другу, я отгородил его кровать и письменный стол занавеской. А чтобы, не дай бог, кто-нибудь по неосторожности не наступил на него, я больше не принимаю гостей.

Мэнни встает довольно рано, моется в мыльнице, пьет чай и, вскарабкавшись по углу шкафа, выключает электрическую плитку. Если у него нет желания писать, я беру его с собой в редакцию, завернув в носовой платок. Если же его одолевает страсть к мемуарам, он пишет их на конфетти, которые нанизывает потом на нитку, как бусы.

Я советую ему заняться испытанием порошков «Улыбка», но Мэнни упорно отказывается. Он мечтает украсть несколько пилюль «Тарзанола» и расправиться с фирмой «Туби энд Туби» и со всей бандой изобретателей-шарлатанов. А пока он просит, чтобы я как-нибудь подсыпал его жене эту чертовщину с аллополиплоидами. Он надеется, что если она станет такой же крошечной, как и он, то вернется к нему.

Камил Бачу

ЕНИЧЕК

Расстроенный Еничек стоял передо мной, отливая синевой. Я ему сочувствовал. В прошлый раз он тоже ошибся, но пусть мне покажут того, кто ни разу не попадал впросак на М-110! Во-первых, это астероид третьего класса, этакий шарик диаметром в восемьдесят километров. Когда впервые видишь, как он к тебе приближается, так и подмывает высунуть ногу из предохранительной капсулы и пнуть его, словно это футбольный мяч. Во-вторых, кроме того, что он такой маленький и некрасивый, он к тому же находится в самой активной зоне этого сектора. Стоит провести на М-110 тридцать солнечных часов, и тебе уже хочется ругаться со всеми, вопить, носиться

повсюду или вообще взорвать астероид. Поэтому исследования на нем ведутся при помощи роботов серии «антропоморфный тип А» — «А-А», или просто «А», приятная человеческая внешность которых благотворно влияет на нервную систему. Но именно эта приятная человеческая внешность сбивает с толку, и ты каждый раз оказываешься в глупом положении. Дело в том, что роботы типа «А» очень чувствительны к голоду и холоду. Поэтому они ходят в защитных скафандрах, и их невозможно отличить от людей-исследователей.

— Посмотришь на них, — жаловался Еничек, — у всех руки и ноги сгибаются в суставах, у всех есть головы. Бегают, оборачиваются, кивают тебе, смеются. Если я заговорю с исследователем, как с роботом, он, пожалуй, отошлет меня на базу. А если мне встретится «А» и я с ним заговорю, как с человеком, он подумает, что я над ним издеваюсь. Ты же знаешь, какие они все обидчивые. А тут я еще совершил посадку не в заданном месте. Никогда со мной такого не случалось, но на сей раз я ошибся и теперь знал, что меня накажут. Было темно и холодно; я сообщил свои координаты. Мне ответили, что пошлют кого-нибудь, кто приведет меня на базу. Они нарочно сказали «кого-нибудь», чтобы я не знал, как себя вести. Это и было наказание. Вскоре какой-то огонек заскользил вдоль силовых линий искусственного магнитного поля. «Кто-то» остановился передо мной и молча кивнул. Ему явно хотелось, чтобы я свалил дурака.

— Что нового? — спросил я.

— Павел ест яблоки, — ответил он.

Сперва я предположил, что он издевается, но потом вспомнил, что в прошлый раз Павел еще не умел есть, и сказал:

— Через несколько дней он научится кашлять и чихать.

Я не видел за стеклом скафандра выражение его лица, но понимал, что ему — как и мне — совершенно безразлично, ест Павел яблоки или нет. (Павел — это робот для особых исследований; ученые развлекались тем, что вырабатывали у него рефлексy, внешне напоминающие человеческие.) Я счел целесообразным задать нейтральный вопрос:

— Как погода? Марганцевые метеориты больше не выпадали?

— Погода хорошая, — отозвался он. — Марганцевые метеориты больше не выпадали.

— Может быть, они больше не будут выпадать в течение этого периода.

— Считаю, — ответил он, — что не будут.

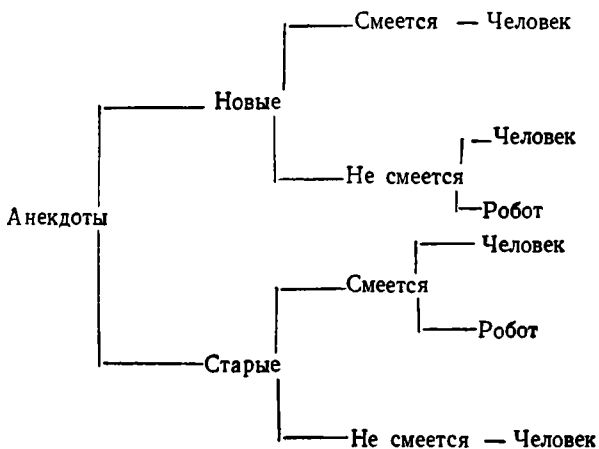
Его ответы придали мне некоторую уверенность. Люди обычно не договаривают предложений до конца и дикция у них хуже, чем у роботов. А он произносил законченные фразы с одинаковой интонацией. И я сделал из этого заключение, что он робот. Тем более, что он сказал «считаю», а не «думаю», «пожалуй» или «мне кажется». Известно, что роботы, если они чем-то обеспокоены, выбирают наилучший из возможных вариантов и говорят, как правило, «считаю» или «по моим расчетам». Поэтому я уже совсем было открыл рот, чтобы произнести формулу, предназначенную для «А», но тут он ударил меня по плечу и спросил:

— Какие новые анекдоты вы знаете?

— Анекдоты?!

Я вздрогнул сильнее, чем полагается, и чуть было не приветствовал его формулой, предназначенной для человека. Он посмел спрашивать об анекдотах! Да еще у вновь прибывшего! Разве «А» отважился бы на это? Как известно, роботов смешат только старые анекдоты, которые у них зарегистрированы с самого начала, или те, которые регистрируются и вводятся в их программы потом. А когда им рассказывают новый анекдот, они не знают, когда надо смеяться, и поэтому слушают его как простое сообщение, пытаясь извлечь из него некоторую сумму конкретных сведений. Ты помнишь схему?

Я подтвердил, что помню, но Еничек усомнился, достал карандаш и начертил на стене станции:

— Как видишь,— продолжал Еничек,— человек, услышав новый или старый анекдот, может смеяться, но может и не смеяться в зависимости от настроения. У робота же нет настроения; у него программа. Новый анекдот смешит только человека. Значит, мне следовало рассказать новый анекдот.

— Извини, Еничек,— перебил я,— но не всех людей смешат новые анекдоты. Анекдот, даже новый, может и не понравиться человеку. Или же человек просто может притвориться, что он ему не понравился.

— Пожалуй. Но если даже человек не смеется, ему ясно, что речь идет об анекдоте, о шутке. Он-то понимает намерение собеседника и улыбается хотя бы из вежливости.

— Гм,— пробормотал я. Рассуждения Еничка показались мне не очень убедительными. Роботы тоже стараются быть вежливыми.

— Итак,— продолжал Еничек,— я все же решил, что представился случай кое-что выяснить, и рассказал ему анекдот о двух искусственных собаках, которые подрались из-за живой кошки. Он улыбнулся и сказал: «С бородой». «А про червяка, который влюбился в собственный хвост, знаете?» «Разумеется,— ответил он.— Совсем древний». Тут я почувствовал, что у меня не сгибается правое колено. Я помолчал несколько секунд, а потом рассказал ему анекдот, который узнал перед самым взлетом. Роботу с двойной оболочкой приказали: «Вы, вернитесь!» А он не разобрал команды, засунул руку себе в живот и вывернулся наизнанку, как перчатка... Мой собеседник выслушал меня и спросил:

— И что дальше?

— Дальше — ничего, — ответил я.

— Он так и остался вывернутым?

— По-видимому, остался.

— Следовало бы приказать ему перейти в прежнее состояние.

— Следовало бы. Но почему вы не смеетесь?

— А почему я должен смеяться? Что в этом смешного?

— Все смешно. Это лучший из анекдотов, которые мне приходилось слышать за последний год. Правда, он еще не зарегистрирован.

Он отступил на шаг, произнес «ха-ха» и ушел, бросив меня одного на площадке. Я смотрел, как он удаляется вдоль силовых линий, и старался понять, человек это или робот. Если судить по схеме, ему следовало бы рассмеяться. Ведь анекдот забавный, не правда ли? Человек оценил бы игру слов, а робот ничего не понял бы, поскольку анекдот-то новый. Но... может быть, все произошло как раз наоборот?

Еничек удрученно умолк и вопросительно посмотрел на меня. Его волнение передалось мне, и я почувствовал, что у меня тоже перестает сгибаться правое колено. Мы ведь с ним оба принадлежим к одной серии «А», и поэтому все реакции у нас одинаковые.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Миху Драгомир. Синяя планета. <i>Перевод А. Садецкого</i>	11
Раду Нор. Трое с Сириуса. <i>Перевод А. Лубо</i>	63
Миху Драгомир. Белая Пушинка. <i>Перевод А. Садецкого</i>	88
Миху Драгомир. Человек-комета. <i>Перевод А. Садецкого</i>	114
Ион Хобана. Лучший из миров. <i>Перевод М. Розенфельда</i>	133
Камил Бачу. Цирконовый диск. <i>Перевод А. Лубо</i>	150
Камил Бачу. Испытатель пилюль. <i>Перевод М. Розенфельда</i>	199
Камил Бачу, Еничек. <i>Перевод М. Малобродской</i>	218

БЕЛАЯ ПУШИНКА

Редактор *И. Я. Хидекель*

Художник *Б. А. Алимов*. Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*

Техн. ред. *Л. П. Кондюкова*. Корректор *Т. П. Пашковская*

Сдано в производство 31/V 1966 г. Подписано к печати 7/X 1966 г.

Бумага 70×90¹/₃₂=3,5 бум. л. 8,19 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 7,82.

Изд. № 12/3495. Цена 40 к. Зак. № 461.

●
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2
●

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ярославль, ул. Свободы, 97

40 н.

